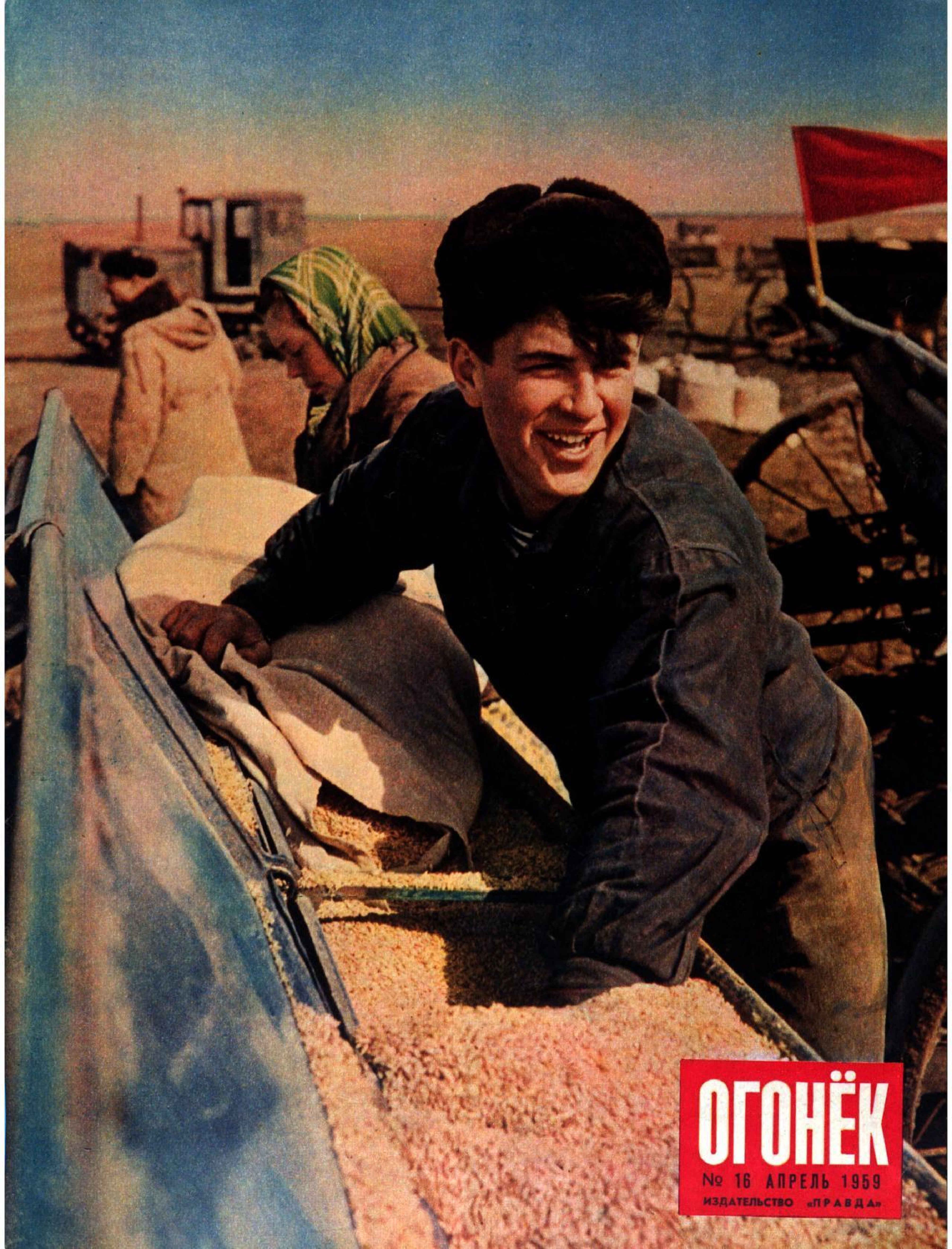

ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 16 (1661)

12 АПРЕЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СЕМИЛЕТКИ

О МЕЧТАХ БОЛЬШИХ И МАЛЕНЬКИХ

Миновав Седьмой Аул, поезд не спеша двинулся к Экибастузу. За чисто вымытым окном вагона медленно проплывала степь. Укутанная белым покрывалом снега, на горизонте она сливалась с таким же белым небом и казалась спящей.

Но стоило вглядеться, и тропы жизни обозначались отчетливо. Словно черные жуки, бежали по невидимым издали дорогам автоцистерны, возникали новые, только что собранные дома. У полотна железной дороги там и тут штабелями лежали строительные детали, кучи бутового камня. И всюду, словно ручейки, стремящиеся к полноводной реке, от полустанков железной дороги в глубину степи прочерчивались укатанные колесами машин и тракторов дороги.

Георгий Степанович Гридин, управляющий трестом «Иртышуголь», и Дмитрий Васильевич Бабченко, управляющий трестом «Иртышуглестрой», возвращались в свой Экибастуз из Павлодара. Охотно рассказывали они мне об этом угольном районе и главным образом о его людях.

— Помните Возного? — спрашивал Гридин, узнав, что три года назад я уже была в Экибастузе.— Михаила Федоровича Возного, машиниста экскаватора? Теперь ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. А проходчика первой руки Ади Шарипова? Его выбрали депутатом Верховного Совета СССР...

Я ждала, что Георгий Степанович назовет фамилию Косякина. Но, не дождавшись, спросила сама:

— А как Василий Николаевич поживает?

— Это какой же Василий Николаевич? — удивился Гридин.— Уж не Косякин ли? Он? Так его давно нет в Экибастузе. Уехал. Сбежал попросту. Забрал жену, ребенка и подался куда-то под Тулу.

Я невольно посмотрела на Бабченко. Но он, словно не слыша, отвернулся к окну.

— Как же это могло случиться, Дмитрий Васильевич? Ведь Косякин одним из первых приехал на строительство Экибастуза! Ведь, кажется, вы привезли его с собой из Ангрена? Не так ли?

— Все именно так,— ответил Бабченко, повернувшись к нам и закуривая.— Косякин, как и Возный, приехал в Экибастуз с первой группой строителей. Жили с семьями в палатках, строили угольные разрезы. Не пугали Василия Николаевича ни ветер, ни мороз, ни временные неудобства. А потом сдал...

Запомнился мне Косякин больше других строителей Экибастуза, может быть, потому, что в прошлый приезд я невольно стала свидетелем большого внутреннего конфликта, назревавшего между Косякиным и его женой, Ольгой Тимофеевной, причем конфликт этот, вообще-то сугубо личный, был органически связан с Экибастузом, его настоящим и будущим обликом.

Хотя минуло то время, когда Ольга Тимофеевна забивала возле палатки колья, чтобы развесить выстиранное белье, и я застала их в новой двухкомнатной квартире капитального дома, хотя были у Ольги Тимофеевны необходимая мебель, стиральная машина, холодильник, добротная одежда, она изо дня в день молила мужа: уедем! Даже в вечер, который мы провели вместе за чашкой чая, разговор вновь шел все о том же.

— Мы молоды,— сказала вдруг тихо и очень жалостливо Ольга.— У нас могут быть еще дети. Учительница сегодня опять говорила, что у Игоря большие способности, советовала купить пианино.

— Ну и купи,— ответил сбитый с толку Василий Николаевич.— Деньги есть...

— Все равно...— В голосе Ольги Тимофеевны зазвучала мольба.— Уедем, Вася, отсюда. Не надо мне этой квартиры, не надо новой шубы! Я ничего не хочу в этой... степи. Уедем!

И напрасно Василий Николаевич говорил жене о том, что скоро отделают Дом культуры, что выстроят настоящую музыкальную



Окончив в Удмуртии среднюю школу, Саша Антропов и Гена Атрахманов твердо решили поехать на стройку семилетки.

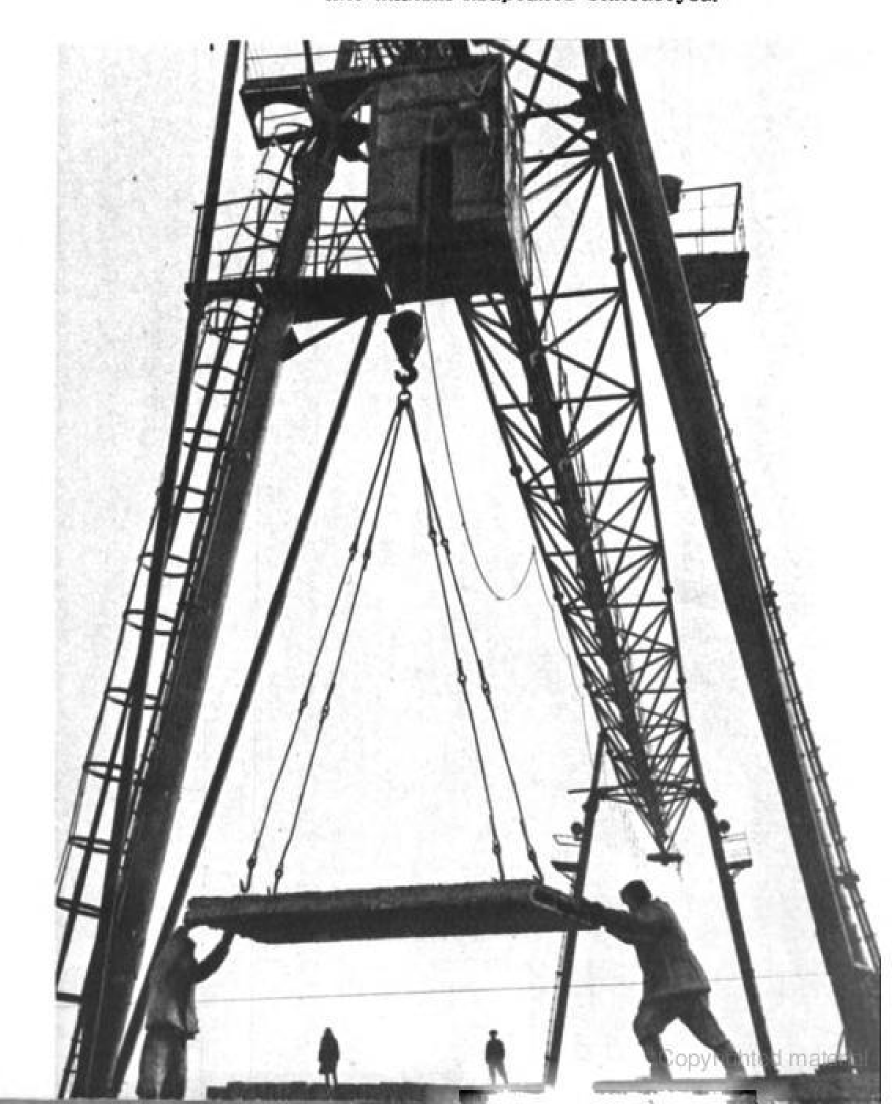
Сейчас комсомольцы, друзья, отважные верхолазы-монтажники, крепят опоры и перекрытия каркаса тепловой электростанции — энергетического сердца павлодарской индустрии.

— Не страшно наверху?

— А мы уже привыкли к высоте. Свежим ветерком обдувает, да и видно оттуда далеко,— ответил Гена.— Работа нам по душе, и зарабатываем неплохо.



Подъем и укладка в штабеля шлакобетонных блоков. Отсюда они отправляются на сооружение жилых кварталов Экибастуза.





Угольный разрез № 1 в Экибастузе. Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Изыскательская партия на трассе канала Иртыш — Караганда. →

Передовой бурильщик Рамазан Тулегалиев.



КУМОХА

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА НА СЦЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА КАРЕЛЬСКОЙ АССР

Фото М. САВИНА.

Кумоха — А. Селезнев, Марийка — И. Гридчина.

Князь — заслуженный артист Карельской АССР З. Эстрин, Купец — А. Арифметиков.

Воевода — И. Нефашев, Боярин — В. Каликин.

Матти — заслуженный артист Карельской АССР Д. Утикеев, Анни — В. Ловковская.

Мамка — Я. Страздас, Звонарь — А. Шеронов.

школу, в которой будет учиться Игорь, что скоро улицы покроют асфальтом. Ольга упрямо твердила:

— Степь. Все равно будет степь. А я хочу жить не у моря, нет, но хотя бы на берегу большого озера, хочу вечером выйти из дому и видеть огни большого города. Хочу слышать, как шумят деревья...

А маленький Игорь смотрел то на мать, то на отца круглыми черными глазами и вдруг неожиданно сказал:

— А я хочу аэродром. Хочу, чтобы прилетали самолеты. Вот такие.— Он ткнул пальчиком в страницу журнала, где была напечатана фотография самолета «ТУ-104».

...Робкие были мечты у Ольги Тимофеевны: немного зелени вокруг дома, музыкальная школа для сына, возможность «пройтись с мужем под руку» по освещенной городской улице...

Жизнь обогнала эти маленькие желания. Уже сейчас Экибастуз — город. Люди осели здесь навечно, и это наложило свой отпечаток на все окружающее. Открыты магазины, построен Дворец культуры, освещены улицы, работает ТЭЦ, заложен городской сад. Есть своя газета. Дети ходят в музыкальную школу. Решен вопрос о воде. Миновало время, когда по утрам возле цистерны с водой выстраивались очереди домохозяек. Сейчас Экибастуз получает воду из подземных источников Калкамана по водопроводу.

Сбылись и мечты сына Косякиных. Есть тут и аэродром.

Многое сделано за минувшие три года в угольном Экибастузе.

— Первый разрез мы использовали полностью,— говорил Гридин, широким жестом хозяина обводя окутанную прозрачными дымами паровозов глубокую чашу.— Проектная мощность его была три миллиона тонн в год. Но уже на второй год эксплуатации он дал нам более четырех миллионов тонн, а в 1958 году — больше шести миллионов. Удивительное дело, как жизнь обгоняет планы. Ждали от первого разреза не больше десяти миллионов тонн угля, а получили восемнадцать. Прикидывали, что себестоимость каждой тонны составит четырнадцать рублей, а фактически получилось двенадцать.

Мы стояли на краю разреза. Северный ветер обдавал нас снежной пылью. С поднятым воротником теплого пальто, засунутыми в карманы руками пожилой человек с покрасневшим от ветра лицом ничем не напоминал мечтателя. Это был деловой человек — управляющий крупным трестом, опытный, трезвый руководитель. И все же он мечтал. Это были большие мечты о преобразовании края, о будущем экибастузского угля. Еще несколько лет, до прихода бухарского газа, он будет питать электростанции и промышленные предприятия Среднего и Южного Урала и Западной Сибири.

Экибастуз — основная база для развития экономической мощи всего Павлодарского экономического района. Запасы каменного угля в этом бассейне огромны. Представьте себе гигантскую ромбовидной формы чашу (геологи называют ее мульдой), длиной в 12 и шириной в 3 километра. Угольная мульда составляет в общей сложности более десяти миллиардов тонн. Ее края находятся от поверхности земли всего в 20—25 метрах. Геологические исследования показали, что общая толщина пластов здесь достигает 90—100 метров.

Без преувеличения можно сказать, что по мощности пластов, по близости их залегания к поверхности земли и, в связи с этим, по условиям добычи дешевым открытым способом экибастузское месторождение является уникальным не только в СССР, но и в Европе.

Богатства Экибастуза были известны давно и всегда привлекали внимание иностранных промышленников. За несколько лет до революции царское правительство разрешило англичанам создать тут концессию. Мистер Уркварт открыл здесь несколько примитивных шахт. Однако Владимир Ильич предложил расторгнуть эту концессию. Известны и слова недальновидного мистера Уркварта, сказанные по этому поводу: «Большевикам и через сто лет не собраться с силами, чтобы использовать богатства Казахстана».

Не случайно зарились на прииртышские степи английские промышленники. Уголь Экибастуза самый дешевый в мире. Американцы и бельгийцы считают выгодным добывать уголь в разрезах даже в том случае, когда на кубометр угля приходится 6—10 кубометров вскрыши. А в первом разрезе Экибастуза пропорция была один к одному.

Да! Ольга Тимофеевна Косякина не смогла увидать даже сегодняшний день Экибастуза. Где же ей представить, каким будет он через семь лет, каким станет весь этот степной край, получивший после XXI съезда партии гордое имя: Павлодарско-Экибастузский промышленный узел!

...Павлодарская область на картах Советского Союза занимает скромное место. Еще более скромно сказано о ней в Энциклопедическом словаре: «Площадь 136,5 тыс. квадратных километров... На С.— Барабинская степь, на В.— Кулундинская, на Ю. и Ю.-З.— сухие степи с каштановыми почвами». Если масштабы географической карты достаточно велики, то на востоке Павлодарской области, там, где голубую извилистую ленту Иртыша пересекает тонкая красная нитка железнодорожной магистрали Барнаул — Акмолинск, вы найдете маленький черный кружочек. Это административный и хозяйственный центр области — город Павлодар.

Столетиями жил этот город тихо и незаметно. Чередой проходили над ним времена года. Снежные зимы сменялись звоном весенних ледоходов, зноем и пыльными ветрами лета. Но Павлодар, некогда выросший из форпоста Коряковского, так и оставался скопищем глинобитных домиков, теснящихся по берегу Иртыша. И никому не было особой нужды ездить сюда, а тем более летать самолетом.

И вот первый шквал — освоение целинных земель. После XX съезда партии появились тут строители заводов, ТЭЦ. И стало всем ясно: надо перестраивать, а по существу, возводить заново областной центр.

Мне довелось побывать здесь в те дни, видеть, как полны были радостного возбуждения от близкой встречи с будущим люди. Тогда обсуждался генеральный план города, рождались строительные тресты, прибывали рабочие.

XXI съезд партии ускорил и без того стремительный темп жизни павлодарцев.

В развитие народного хозяйства области вкладывается пятнадцать миллиардов рублей. Пятнадцать миллиардов... Это сто промышленных предприятий, несколько теплоэлектроцентралей, миллион квадратных метров жилой площади, школы, больницы, театры, сотни километров асфальтированных дорог, сотни тысяч молодых деревьев... Это гигант сельскохозяйственного машиностроения комбайновый завод, это алюминиевый завод-отец, который будет питать глиноземом три завода-сына в разных концах страны, а потом сам начнет выдавать готовую продукцию. Это нефтеперерабатывающий завод...

Что же привлекло в этот еще недавно тихий степной край такие огромные средства?

В кабинете Валерия Иннокентьевича Хоразова, секретаря Павлодарского обкома партии, множество схем, чертежей, планов. Красные и синие, жирные и тонкие линии, то переплетаясь, то разбегаясь в разные стороны, рисуют сложный узор взаимодействия самых различных отраслей промышленности. Прислушаешься к их беззвучному рассказу, и сразу становится понятно, почему государство так щедро выделяет этой области средства и возлагает на нее такие большие надежды, почему отводят ей столь важное место не только в экономике Казахстана, но и всей страны.

Здесь имеется неиссякаемый источник воды: быстрый, полноводный Иртыш, кладовая энергетических углей — Экибастуз. И сырье. Сырье самое разнообразное. Недра Павлодарской области, как пчелиные соты медом, наполнены ценными ископаемыми.

Недалеко от Экибастуза находится не менее богатое Майкубенское месторождение угля, Майкаинские залежи полиметаллов. Западнее, у озера Бощесор, открыты крупные залежи Бощекульских медных и полиметаллических руд, а совсем рядом с Экибастузом, всего в 15 километрах,— цементные известняки и другие ценные строительные материалы.

Все это заслуга советских геологов.

Отчетливо слышен пульс семилетки в Павлодаре. Город напоминает огромную строительную площадку в напряженные предпусковые дни. Все здесь в росте, в движении...

...Безбрежные, как океан, ковыльные степи, шатер рваной юрты кочевника, шатер голубого неба с застывшей пеной облаков, медленно бредущая отара овец и пастух на низкорослом коне — как далеко ушло от нас это прошлое и как хорошо, что оно никогда не вернется! На смену ему пришел новый, индустриальный Казахстан, рожденный мечтой большевиков.

Елена МИКУЛИНА



Несмотря на явную молодость, бригадира Дундукова, прибывшего на стройку с флота, называют не просто Вася, а по имени и отчеству — Василий Никифорович. Его трудовые дела уже отмечены орденом Ленина.

— Чем отличилась ваша бригада в последний месяц?

— Ребята за один месяц смонтировали целиком крупный цех завода железобетонных изделий. Это гораздо раньше срока. Мы боремся за звание бригады коммунистического труда. Упорно трудиться и обязательно учиться — вот наша цель. По нашей инициативе на стройплощадке будут организованы курсы подготовки в строительный техникум.



Лиза Батош из Закарпатья, Саша Вертигелова из Павлодара и Аля Кондратенко из Краматорска — отличная бригада прессовщиц на новом заводе силикатного кирпича.

— Каковы ваши планы, девушки?

— Наше дело ясное,— шутливо отвечает Саша, бригадир.— У меня, например, мечта стать инженером-химиком. И это вполне осуществимо, нужно только очень захотеть.

НА НАШЕЙ ВКЛАДКЕ:

Недавно Государственный музыкально-драматический театр Карельской автономной республики поставил первую карельскую оперу «Кумоха». Сюжет ее — забавная история весельчака и балагура Кумохи, карельского Ходжи Насреддина. Его шутки и проделки не пустая забава, он стремится помочь беднякам и обиженным.

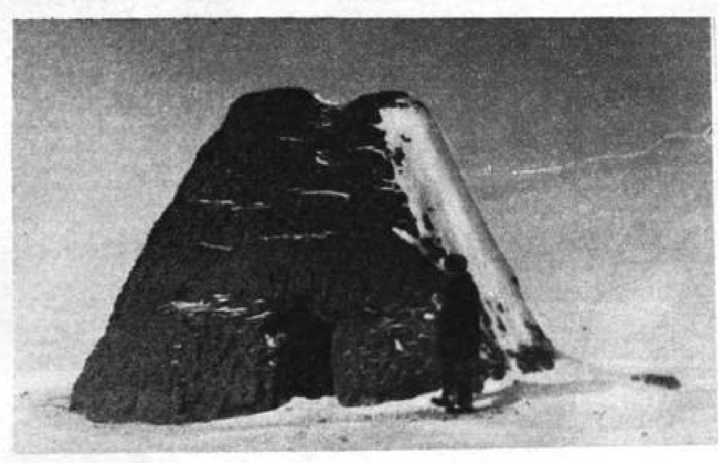
Музыка этой комической оперы написана композитором Р. Пергаментом, постановку спектакля осуществил народный артист СССР Н. Смолич.

ОТ КРАЯ



Проходческий копер на строительстве шахты Тентекская вертикальная № 2.

СПУТНИКИ КАРАГАНДЫ



Старинное надгробие в степи под Карагандой.

Выехав за окраину города Караганды, наш автомобиль мчится по асфальтированному шоссе на юго-запад. Тут и там на равнине остроконечные терриконики. В утренних лучах солнца золотятся сухие стебли ковыля. Позади остались шахтерские поселки Чурубай-Нура, Вольный. Асфальт кончился, ехать стало труднее.

Вот вправо от дороги показалось строение, напоминающее кибитку кочевников. Его конусообразная верхушка съедена временем, но стены хорошо сохранились. Неподалеку два таких же древних надгробия. Если верить преданиям, кирпич этот делался так: казахи замешивали землю на козьем молоке и для прочности добавляли в нее баранью шерсть.

Возможно, что тут покоятся предки бая Утепова, владевшего урочищем Караганды-Басы и окрестными угодьями. Более ста лет назад Утепов продал эти земли за 250 рублей петропавловскому купцу Никону Ушакову.

Много хозяев было у Караганды. Одно время ею владел даже сын президента Франции Клод-Эрнест-Жан Карно. Но никто из предпринимателей не знал подлинной цены своего «недвижимого имущества». В наше, советское время Карагандинский бассейн вместе с Экибастузом дает угля больше, чем добывали все шахты дореволюционной России.

Недавно на южной окраине бассейна разведано еще одно богатейшее месторождение коксующихся жирных углей.

И вот в степи по соседству с памятниками старины обосновались строители. Заложен город шахтеров Тентек, ведется проходка вертикальных стволов нескольких шахт. Другим «спутником» Караганды будет Шахан. Его первые улицы уже получили названия: Горная, Чернышевского, Чайковского...

Механизированные шахты нового месторождения будут снабжать коксующимся углем металлургический завод — «Казахстанскую Магнитку». В годы семилетки добыча топлива в Карагандинском бассейне возрастет примерно втрое.

К. СЕГЛИН,
А. СЕРЕЖНИКОВ

В Аджарии помнят Лау Джон-джау

На этом снимке — портрет китайского специалиста по чаю Лау Джон-джау и фотография бывшей чайной фабрики в Чакве. Все это обрамлено распространенным автографом Лау Джон-джау на китайском и русском языках.



Портрет и автограф Лау Джон-джау.

Надпись эта рассказывает о том, как русский чаеторговец Константин Попов избрал батумское побережье Черного моря для организации чаеводства в России.

«Будучи в Китае, Константин Попов пригласил меня на должность директора чайного дела,— пишет Лау Джон-джау.— Вместе со своей семьей я приехал сюда. А теперь возвращаюсь с семьей на родину. Еще в древние времена сложилась у китайских мудрецов поговорка: «Как ни мило на чужбине, а дома все же лучше».

Но человек не растение, он не может жить без любви и привязанностей, и мне тяжело расставаться с друзьями, которых я приобрел здесь. Свои лучшие молодые годы я отдал работе в Аджаристане и никогда не забуду этот для меня дорогой край.

Хочу пожелать молодой республике Аджаристана успехов в советском строительстве, богатства в земледелии, великих достижений в промышленности и технике, высокой культуры, спокойствия и счастья его народу...»

Лау Джон-джау прожил в Аджарии, в поселке Чаква, более 30 лет, заведуя чайными плантациями и фабрикой. Уехал он к себе на родину в 1926 году, награжденный республиканским орденом Трудового Красного Знамени.

Прошло еще тридцать с лишним лет. Лау Джон-джау уже нет в живых. В Государственном музее Аджарской АССР вместе с автографом китайского друга экспонируются оставленные им в дар седло, инкрустированное слоновой костью, принадлежности китайского чаеводства и другие предметы.

Недавно Чакву посетила невестка Лау Джон-джау Лю Юаньна, заведующая кафедрой русского языка Пекинского педагогического университета. Здесь ее помнят как Нонну Захаровну Тушмалишвили. До того, как породниться с семьей Лау Джон-джау и уехать в Китай, Нонна Захаровна работала в Чакве учительницей.

Гостья из Китая зашла на фабрику, встретилась со старыми рабочими. Давние друзья говорили о переменах на фабрике и в Чакве, о том, как много нового произошло за эти годы в советской чаепромышленности.

В год возвращения Лау Джон-джау на родину организовался трест «Чай-Грузия», который вместе с чаквинской получил в наследство еще две старые фабрики чая. А в последующем тридцатилетии в Аджарской АССР было создано еще 65 чайных фабрик. Ныне строятся новые фабрики в Зеда-Эцери, Нагомари, Хабуме. К концу семилетия их будет в республике восемьдесят.

И. МЕСХИ

ДРУЗЬЯ-ЧЕЛЮСКИНЦЫ

Борис ГРОМОВ

Двадцать пять лет назад закончились работы по спасению челюскинцев.

Как живут и трудятся сегодня люди, вместе с которыми мне пришлось тогда провести два месяца на дрейфующих льдах Чукотского моря? С этой мыслью, приехав в Ленинград, я пошел к супругам-полярникам Васильевым.

В семье полярников Васильевых.
Фото В. Уткина.



— Однако, дружище, ты изменился с той поры,— радушно встречают меня Доротея Ивановна и Василий Гаврилович.

Мы усаживаемся на диван, начинаем перечислять события, которые еще свежи в нашей памяти. Как перегружали уголь из трюмов «Челюскина» во время авралов, как разравнивали торосистое ледяное поле, готовя аэродром для самолетов, летевших с Чукотки в наш дрейфующий лагерь Шмидта, как обидно и тревожно было на душе, когда новые и новые сжатия льдов сводили на нет все наши усилия.

— А помнишь, Вася, когда «Челюскин» тонул, ты едва не забыл в каюте нас с малышкой Кариной? — с улыбкой спрашивает Доротея Ивановна.

И мы все втроем, перебивая друг друга, восстанавливаем забавный эпизод, едва не ставший трагическим. Василий Гаврилович, как и все мужчины, был настолько занят выгрузкой имущества с тонущего корабля, что не успел забежать к жене в каюту. А Доротея Ивановна, еще ничего не зная о случившейся аварии, спокойно укачивала пятимесячную дочь.

Карина... Уроженка Карского моря... Вот как лаконично повествовал о ее появлении на свет вахтенный журнал парохода: «На пути из Мурманска к острову Врангеля. В 5 часов 30 минут утра у едущих на зимовку супругов Васильевых родился ребенок — девочка, в счислимой широте 76°46′ норд и долготе 91°06′ ост. ...Новорожденной девочке присвоено имя Карина. На основании настоящей записи родителям выдана официальная справка. Штурман Павлов».

Как-то выглядит она сегодня, всеобщая любимица челюскинцев, запомнившаяся мне совсем крохотной, закутанной в пеленки и одеяла?

— Морячкой не стала, хоть и родилась на корабле,— улыбаясь, говорит Доротея Ивановна и кивает в сторону мужа.— Хватит с нас одного моряка в семье.

Плавание на «Челюскине» было первым в арктической биографии молодого геодезиста В. Г. Васильева. С той поры он успел поработать и на Чукотке, и на Таймыре, и на Ново-Сибирских островах. Уже несколько лет Василий Гаврилович — кандидат географических наук, доцент Высшего инженерного морского училища имени адмирала Макарова.

— А вот и дочка,— говорит Васильев, услышав звонок и выходя в переднюю.

Входит стройная молодая женщина. Она громко смеется, крепко, по-мужски, жмет мне руку. Карина — геолог, воспитанница Ленинградского университета. Работает она вместе с мужем в Киргизии, несколько дней назад приехала в Ленинград в командировку.

Перебираем по именам и фамилиям многих участников памятного плавания и дрейфа. Некоторых уже нет в живых, другие возмужали — из молодых людей выросли в солидных ученых.

— Як-Яка повидай обязательно,— советуют мне Васильевы.

И вот на другой день я встречаюсь с профессором Яковом Яковлевичем Гаккелем.

— Помнишь нашу гидрологическую палатку на льду? — спрашивает после крепких объятий этот плотный, плечистый человек, такой же веселый, улыбчивый, как и четверть века назад.

Еще бы не помнить!.. Нелегкая была работа у гидрологов, когда на морозе и в пургу надо было опускать в ледяную воду батометры. Яков Яковлевич тогда старательно выжигал на всех деревянных предметах «Челюскин». 1934», рассчитывая на то, что унесенные дрейфом предметы эти со временем помогут разгадать тайну морских течений.

Как далеко шагнула техника полярных исследований с той поры! Во скольких воздушных экспедициях в высокие широты Арктики участвовал Яков Яковлевич!.. Это он в апреле 1948 года близ Северного полюса при очередном промере глубин обнаружил неизвестную ранее подводную возвышенность. Исследованная в последующие годы, возвышенность эта нанесена теперь на карты под именем хребта Ломоносова.

Много трудов положил Яков Яковлевич, познавая тайны морских глубин, закономерности ледового режима морей Арктики.

Есть что вспомнить, есть чем поделиться старым друзьям-челюскинцам... Но самое замечательное, самое дорогое для каждого из нас, о чем мы можем говорить часами,— это родной наш Советский Крайний Север, так неузнаваемо преображенный за минувшие четверть века.

ДО КРАЯ

ЖИВУЮ РЫБУ — МОСКВИЧАМ

На Каспийском и Азовском морях в разгаре весенняя путина. Немало выловленной рыбы в живом виде отправляется с промыслов в Москву, Ленинград, Киев.

...Ранним весенним утром на Московскую живорыбную базу прибыли три вагона рыбы с берегов Каспия.

Из вагонов рыбу осторожно переводят в огромные решетчатые садки, погруженные в воду. В одном садке плавают зубастые щуки, в другом — усатые сомы, в третьем — лещи.

Подготовлен садок и для форели. Близ столицы, на реке Сходня, создано форелевое хозяйство. Первая партия живой форели поступит на базу к первомайским праздникам.

Как только откроется навигация на канале имени Москвы, в столицу начнет прибывать живая рыба и с Рыбинского водохранилища.

Поднимемся на площадку, где живую рыбу взвешивают и затем выпускают в наполненные водой цистерны-автомашины. Делается это быстро, в считанные секунды. Иначе и нельзя: рыба может заснуть. Она и так утомлена переездом из Астрахани в Москву.

Директор базы Н. Т. Ильченко говорит:

— Живой карп в большом количестве завозится в Москву с Украины, из Белоруссии, из Тульской, Тамбовской, Рязанской областей, но очень мало из Подмосковья. А между тем здесь имеются все возможности для массового разведения этой ценной рыбы.

Побывали мы и в подмосковном колхозе. Вот что рассказал нам дважды Герой Социалистического Труда Иван Андреевич Буянов — председатель передового колхоза имени Владимира Ильича в Ленинском районе:

— Будет у нас и карп. Два пруда мы уже построили. Сейчас заполняем их вешними водами, скоро зарыбим и к осени получим не менее трехсот центнеров карпа. Это на первых порах. А в ближайшие годы будет семь прудов с водным зеркалом в сорок гектаров. Тогда мы сможем ежегодно продавать москвичам семьсот пятьдесят центнеров живого карпа.

Председатель другого подмосковного колхоза, «Большевик», Алексей Григорьевич Муромский сообщил, что к осени колхозные рыбоводы вырастят около двенадцати тонн карпа.

Колхозы столичной области всерьез берутся за разведение рыбы. Нынешней весной намечается «зарыбить» восемьсот девяносто гектаров водной площади, выпустить в колхозные пруды свыше миллиона годовиков карпа.

В. БОРОНИН



На Московской живорыбной базе.

Фото Ф. Короткевича.

Счастливого улова, малыш!

Таджикское море — так называют водохранилище Кайрак-Кумской ГЭС — в штормовую погоду неприветливо. Резкий, холодный ветер гонит высокие волны, на гребнях которых курчавятся барашки. В такую погоду на берегу ни души. Только изредка заметишь где-нибудь одинокую лодку, сорвавшуюся с привязи, бьющуюся в пене прибоя.

Но однажды, приехав сюда и прохаживаясь по берегу в такой ненастный день, я увидел вдали крохотную фигурку. Что такое? Подхожу ближе и вижу мальчугана лет трех — четырех, одетого, как взрослый таджик: в стеганый, на вате халат, подпоясанный шелковым платком, с расшитой тюбетейкой на голове. Он держал над морем длинное удилище и с напряженным вниманием следил за разъяренными волнами. Весь окружающий мир, казалось, не существовал для него.

Позавидовав азарту юного рыбака, я мысленно пожелал ему удачного лова и на память сфотографировал.

В. ПИЛИПЮК





Кубок «Советско-китайская дружба» работы ломоносовских костерезов.

Фото К. Коробицына.

Мастера резьбы по кости

Село Ломоносовка, близ Архангельска, славится своими мастерами художественной резьбы по кости.

...В мастерской косторезной артели за столами трудятся резчики. У крайнего столика, против широкого окна,— Павел Ижмяков, тот самый, чья чудесная шкатулка с рисунком на тему некрасовского «Мужичка с ноготок» демонстрировалась на Брюссельской выставке. Теперь он работает над новым рисунком — по мотивам народной сказки о богатыре Никите Кожемяке: победив злого Змея, богатырь запрягает его в соху...

Под резцом мастера на пластинке из бивня мамонта рождаются сказочные образы, поражающие филигранной отделкой каждого штриха. Сколько надо чутья и вкуса, терпения и настойчивости, чтобы стальным острием по крупинке убрать все лишнее, создать затейливый, словно кружево, орнамент!

Павел Ижмяков, как и многие его товарищи, пришел в артель из Ломоносовской косторезной школы. Раньше он учился в строительном техникуме, мечтал о специальности архитектора. Но знакомство с ломоносовскими косторезами круто изменило планы и стремления юноши.

— Когда сдам «Никиту Кожемяку»,— делится замыслом П. Ижмяков,— начну работать над ларцом. Хочу показать в рисунках, как трудятся земляки наши на рыбном промысле, в лесу, в поле.

Природа и люди родного края вдохновляют многих ломоносовских художников.

Группа косторезов во главе с мастером А. Штангом создала для Архангельского музея вазу «Север». Мастер А. Гурьев закончил работу над кубком, заказанным артели одним из столичных музеев. Кубок украшают портрет Ленина, государственный герб СССР, миниатюры из быта северных народностей.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Стальная рука великана

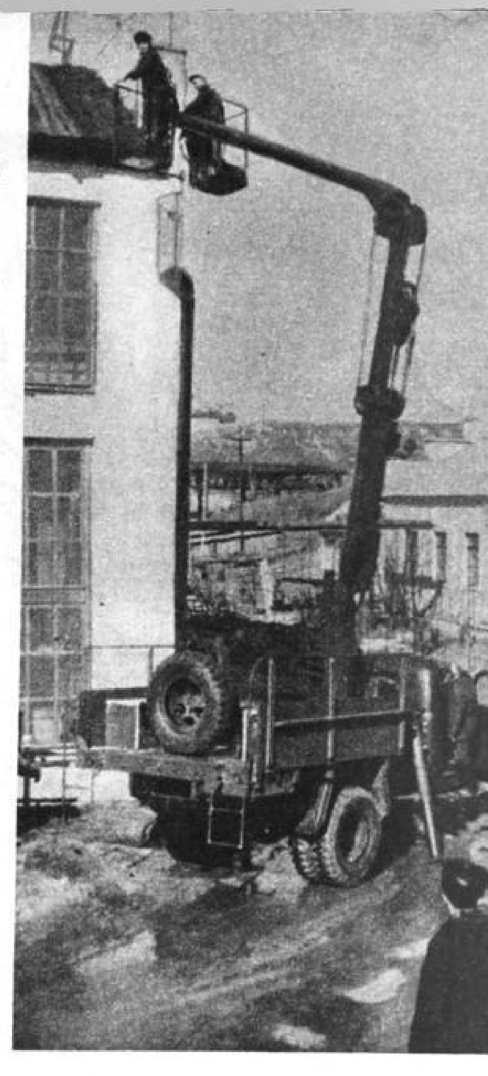
Чудесную машину начинает выпускать Туапсинский машиностроительный завод имени XI годовщины Октябрьской революции.

Это гидравлический подъемник, смонтированный на грузовом автомобиле. Он может поднять двух рабочих на высоту до двенадцати метров и одновременно вынести в любую сторону на расстояние до девяти метров. Стоя на мосту, подъемник может опустить рабочих в двух специальных люльках под мост. Подобно руке сказочного великана, новая машина гибка, послушна. Ее можно использовать и для монтажных работ, и для смены электрических уличных фонарей, и для ремонта фасадов трех — четырехэтажных зданий... Она найдет широчайшее применение в коммунальном хозяйстве городов.

Управлять подъемником могут как шофер из кабины автомобиля, так и сами рабочие, находящиеся в люльках, подвешенных на конце выносной мачты.

В первом году семилетки завод изготовит не менее 120 монтажных гидроподъемников.

И. ЗАЙЦЕВ



Гидроподъемник проходит заводское испытание.

ДОМА СТРОЯТСЯ НА ЗАВОДЕ

Мерно гудят транспортеры. Бункеры заполняются гипсом, песком, опилками, и вскоре вязкая масса течет в деревянный каркас, затем медленно прокатывается между валками, обтянутыми специальными лентами... Через несколько минут по рольгангам движутся одна за другой готовые стены.

Это происходит на Нижне-Тагильском заводе крупнопанельных прокатных перегородок.

Прокатный стан может изготовить за год перегородки для домов общей площадью в 200 тысяч квадратных метров, то есть для шести с половиной тысяч квартир.

Управляющий трестом «Тагилстрой» Герой Социалистического Труда П. Д. Гиренко рассказывает:

— В годы семилетки в соответствии с директивами XXI съезда КПСС будет создано много технических новинок в строительстве. Вслед за заводом прокатных перегородок заканчивается сооружение завода крупнопанельного домостроения. Он будет выпускать наружные стены, внутренние стеновые панели размером на комнату, лестничные марши с площадками, санитарные узлы и кабины с установленными в них ваннами, сборную железобетонную кровлю, совмещенную с чердачным перекрытием...

Мощность завода — 72 тысячи квадратных метров полезной жилой площади в год — почти 200 квартир в месяц.

В ближайшие годы завод превратится в домостроительный комбинат, который будет не только производить детали многоэтажных домов, но и полностью монтировать их.

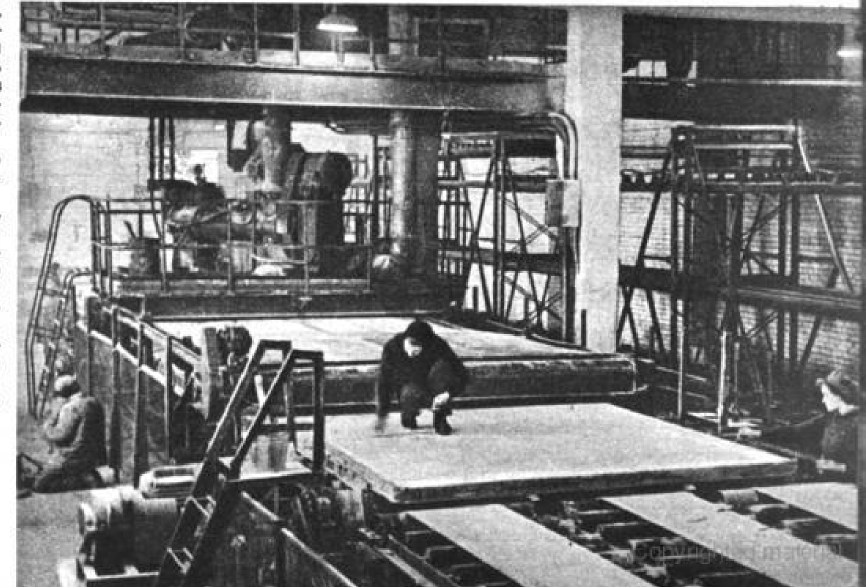
Более чем втрое снизится стоимость квадратного метра жилья, почти втрое сократятся сроки строительства. Восьмидесятиквартирный крупнопанельный дом мы сумеем возводить в три — четыре месяца.

Мы уже начали изготовлять стеновые панели для экспериментальных домов из золгазобетона. Кроме небольшого количества цемента, в его состав входит известь, зола, термозитный песок. Газообразователем служит алюминиевая пудра. Вся эта масса, залитая в форму, подымается здесь словно на дрожжах и затем застывает. После обработки в камерах пропаривания получается готовая прочная панель, которая вдвое легче и значительно дешевле кирпичной. Построенный у нас недавно первый в стране золгазобетонный цех рассчитан на ежемесячный выпуск панелей для одного многоквартирного дома.

А. ГРИГОРЬЕВ

На Нижне-Тагильском заводе крупнопанельных прокатных перегородок.

Фото И. Тюфякова.





ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЦОЙ ЕН ГЕН находится в СССР. Цой Ен Ген и сопровождающие его лица посетили Москву и Ташкент. На снимке (справа налево): товарищи Цой Ен Ген, заместитель министра иностранных дел КНДР Ли Дон Ген, Н. А. Мухитдинов, А. Б. Аристов.

Фото А. Новикова.



→ **НА КОНВЕЙЕРЕ СОБИРАЮТСЯ НОВЫЕ ТЕЛЕВИЗОРЫ «ВОРОНЕЖ»,** которые начал выпускать воронежский завод «Электросигнал».

Фото А. Гостева.



ИРАК ОФИЦИАЛЬНО ВЫШЕЛ ИЗ БАГДАДСКОГО ПАКТА. Выступая по радио в связи с этим актом, премьер-министр Ирака Абдель Керим Касем заявил: «Это первый день, когда иракский народ и правительство стали полностью свободными... Мы можем высоко и гордо поднять свою голову».

Восторженно встретил народ Ирака решение своего правительства. Не было предела народному ликованию. Иракцы знают: теперь навсегда сброшены цепи, которыми опутывали их страну империалисты. Рухнули планы использования Ирака в военных авантюрах Багдадского пакта.

На снимке: Абдель Керим Касем на пресс-конференции делает заявление о выходе Ирака из Багдадского пакта.

Фото П. Демченко.



ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ СКУЛЬПТОРА И. А. МЕНДЕЛЕВИЧА И ЖИВОПИСЦА В. Г. ОДИНЦОВА открылась в Московском Доме художника.

Фото Ф. Короткевича.

АГОСТИНО НОВЕЛЛА — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ. На XIX сессии исполкома ВФП председателем Всемирной федерации профсоюзов избран генеральный секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда Агостино Новелла — рабочий-металлист, активный участник подпольной революционной борьбы в годы господства фашизма в Италии, член Центрального Комитета и Политбюро Итальянской коммунистической партии.



МНОГОМЕСТНЫЕ КОМФОРТАБЕЛЬНЫЕ ВЕРТОЛЕТЫ начали курсировать из аэропорта Адлер в Сочи и Гагру. В мае — июне откроется движение вертолетов на озеро Рицу, в Красную Поляну.

На снимке: вертолет на взлетно-посадочной площадке в Сочи.

Фото В. Гуслева.





КЛИМАТУ И ПОГОДЕ АНТАРКТИКИ посвятил свою докторскую диссертацию метеоролог Георгий Михайлович Таубер, участник нескольких походов флотилии «Слава», работавший в Мирном в период Международного геофизического года.

Его работа имеет большое практическое значение для мореплавания и авиации. Высшая аттестационная комиссия на днях утвердила Г. М. Таубера в ученой степени доктора географических наук.

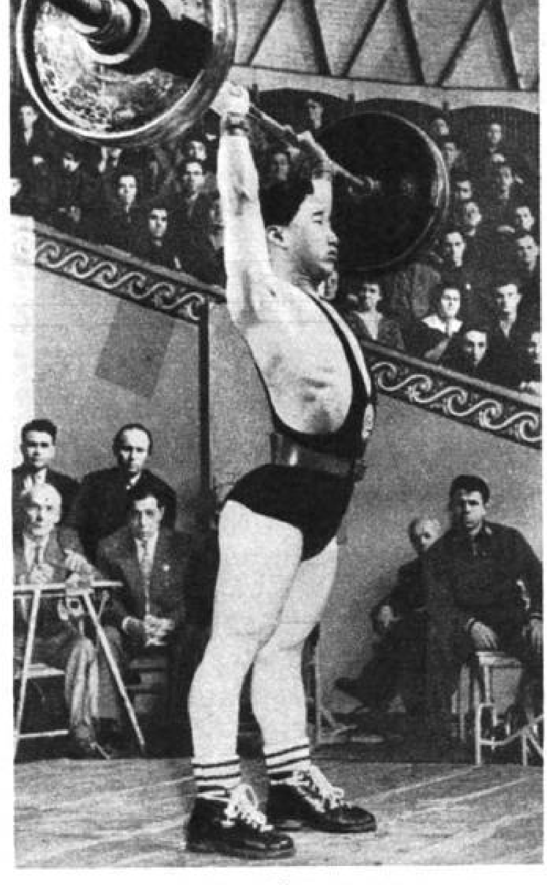
На снимке: Г. М. Таубер в своем рабочем кабинете на обсерватории Мирного.

Фото А. Кочеткова.



Первый Секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев в рабочем кабинете.

Фото Н. Петрова.

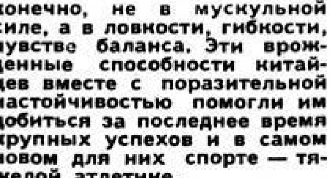


Цзин-кай взял вес...

КИТАЙСКИЕ СИЛАЧИ

Е. ШАТРОВ

Фото А. Бочинина.



Однажды гостившая в Китае группа известных советских штангистов побывала на строительстве моста через Янцзы. Внимание спортсменов привлекли рабочие — подносчики щебня. Нагрузив килограммов сто щебенки в две большие круглые корзины, рабочий подхватывал их коромыслом и без особых усилий шел ритмичным танцующим шагом со своей тяжелой ношей.

— Ребята! Да ведь коромысло—тоже штанга,— вдруг сказал Юрий Дуганов.— А ну, попробуем!

Он первым взял на плечи коромысло с грузом, но прошел с ним не больше двадцати шагов. Корзины раскачивались, тянули Дуганова из стороны в сторону и быстро вымотали из него силы.

— Эх, да разве так носят?! Вот как надо носить! — сказал тяжеловес Алексей Новиков.

Но и он выбыл из соревнований после первой же попытки.

В чем дело? Почему китайские рабочие справлялись с грузом лучше наших чемпионов? Преимущество подносчиков щебня было, конечно, не в мускульной силе, а в ловкости, гибкости, чувстве баланса. Эти врожденные способности китайцев вместе с поразительной настойчивостью помогли им добиться за последнее время крупных успехов и в самом новом для них спорте — тяжелой атлетике.

...Летом 1956 года из Шанхая пришла весть о том, что никому неведомый молодой штангист легчайшего веса Чэн Цзин-кай, подняв в толчке 135 килограммов, превысил мировой рекорд американца Ч. Винчи. Затем Чэн Цзин-кай еще трижды улучшал свой рекорд, постепенно довел его до 140,5 килограмма.

Чэн — южанин. Он родился в Кантоне в семье ремесленника. Сейчас ему 23 года, он младший лейтенант Народной армии. В армии Чэн и начал заниматься гиревым спортом, а до этого увлекался футболом.

Когда выступает Чэн Цзин-кай, невольно восхищаешься его выдержкой и неукротимым стремлением к победе. На III международных дружеских играх молодежи в Москве ближайшим соперником китайского рекордсмена оказался советский штангист А. Хальфин. После двух упражнений он опередил Чэна на 5 килограммов. И тут произошло с китайским спортсменом несчастье: ему свело судорогой правую ногу. Это очень болезненно. Никто не осудил бы лежавшего со стиснутыми зубами Чэна, пожелай он отказаться от дальнейшего соревнования. Но он этого не сделал.

Едва заметно прихрамывая, с побледневшим лицом, китайский атлет вышел выполнять последнее упражнение. Для того, чтобы опередить Хальфина, он попросил добавить на только что поднятую соперником штангу сразу 10 килограммов. И он вытолкнул железную махину, стал победителем.

Совсем недавно мы были свидетелями очередного триумфа Чэн Цзин-кая. В Москве происходили международные соревнования по тяжелой атлетике на приз советской столицы. Чэн впервые выступал уже не в легчайшем, а в полулегком весе. Теперь он имел право покуситься на мировой рекорд в толчке и для спортсменов этой весовой категории. Но недавно установленный американцем Исаком Бергером рекорд велик, очень велик — 147,5 килограмма. Пойдет ли на его побитие Чэн?

Сначала он вытолкнул 135 килограммов, во второй попытке — 142,5. И вдруг на штангу ставят 148. Вот оно! Значит, пойдет! Публика притихла в напряженном волнении. Взволнованы и судьи. Волнуются и все участники соревнований, кроме одного. Совершенно спокоен, по крайней мере внешне, только один человек — невысокого роста крепыш, стоящий сейчас на деревянном помосте.

Чэн Цзин-кай делает к штанге два легких и четких шага. Он расслабил мускулатуру, уравновесил дыхание... Вот уже и нагнулся, внимательно, неторопливо захватил гриф... Раз! Коротким мощным усилием штанга взята на грудь. Два-а-а! Штанга вытолкнута на вытянутые руки.

Что тут поднялось в зале! Рукоплещут своему земляку сотни китайских студентов. Откинув дипломатическую сдержанность, аплодируют с широкой улыбкой сотрудники китайского посольства. Громко колотят в ладони, кричат что-то доброе, сердечное вскочившие со своих мест москвичи. Только теперь взволнован Чэн Цзин-кай, взволнован этой овацией... Он уходит за кулисы, где уже давно ждут его объятия и поцелуи товарищей по спорту — русских, болгар, поляков, чехов.

Выдающийся китайский спортсмен поднял вес, превышающий его собственный почти в два с половиной раза.

Неоднократный чемпион и рекордсмен Китая, народный любимец Чэн Цзин-кай как бы возглавляет целую плеяду талантливых силачей. Национальный рекорд в толчке легковеса Хуанг Цян-хоя, аспиранта Пекинского института физкультуры, также превышает официальный мировой. Студент из Тяньцзиня, средневес Джао Цинг-куй может гордиться аналогичным достижением в своей категории.

Многое из методики тренировок, а также из спортивной техники китайские штангисты позаимствовали у своих советских друзей. Многое, но не все. Кое-что творчески переосмыслено, переделано и выполняется по-другому, на свой собственный лад. Есть расхождения и в режиме дня. Например, китайские товарищи отказались от «мертвого часа», но зато очень рано ложатся спать — в 9 часов 30 минут вечера (подъем в 6 утра).

Любовь к спорту, к занятиям штангой порождает приверженцев тяжелой атлетики. Вот почему у Чэна, Хуанга и Джао есть немало подшефных. Следует назвать хотя бы тяжеловеса Ли Бай-юя, результаты которого близки к международным достижениям.

В ближайшие годы мы узнаем еще не одно имя талантливых китайских силачей, которые выдвинутся из тысяч спортсменов, недавно взявшихся за штангу.

Хуанг Цян-хой, советский рекордсмен Владимир Стогов и Джао Цинг-куй.

Продолжаем разговор о курортах

И больным и здоровым

Больше палаточных городков! ◇ Трудно пообедать в Гагре ◇ Чем Геленджик хуже Сочи! ◇ Санатории только больным! ◇ Локомотивам на курортах не гудеть! ◇

В «Огоньке» № 7 было опубликовано интервью с секретарем Сочинского горкома КПСС тов. Плетневым «И больным и здоровым». В нем говорилось о перспективах развития Сочинского курорта, об охране здоровья трудящихся, об их отдыхе во время отпуска. В редакцию пришло много писем, в которых читатели активно обсуждают эти вопросы.

Большинство одобряет намерения сочинцев строить просто, удобно и быстро. «Очень важно уже в этом году организовать палаточные городки по типу сочинских в Судаке и Планерской»,— пишет Ф. Воейков, из года в год отдыхающий в Крыму.

«Ждем в этом сезоне новых пансионатов облегченного типа, переносных домиков, палаток... Ведь куда приятнее отдыхать на «неподнятой курортной целине» — где-нибудь в Джубге или Архипо-Осиповке!..» — соглашается с тов. Плетневым художник Б. Лоза (Ростов-на-Дону). «Побольше палаточных городков!» — призывает врач-рентгенолог Е. Зарапова из города Ростова-на-Дону. В то же время она предлагает обратить внимание органов здравоохранения на другие курортные места кавказского Черноморья: Новый Афон, Гудауту, Гагру... Об этом же пишет и москвич М. Авербах: «Мелкогравийные пляжи Гагры и Нового Афона и сам климат в Гагре очень хороши. А между тем отдыхающих в этих местах во много раз меньше, чем в Сочи. Почему? Да потому, что там негде жить, нет в достаточном количестве гостиниц и пансионатов. Не налажено там бытовое, культурное обслуживание отдыхающих». «А самое главное — в этих городах плохо организовано общественное питание»,— указывает доцент А. Кончевский из Винницы. В магазинах не налажена торговля мясными, молочными продуктами, полуфабрикатами.

В некоторых письмах приводятся факты злоупотреблений спиртными напитками. Их продают на курорте в разлив и навынос возле каждого санатория и дома отдыха. Предлагается ограничить торговлю спиртными напитками на курортах.

Полковник запаса Г. Василовский (Москва) считает, что слишком мало отпускается средств на благоустройство такого курорта, как Геленджик, который по своим климатическим условиям не только не уступает Сочи, а даже в некотором отношении его превосходит: здесь влажность воздуха меньшая, чем в Сочи. «Необходимо также подумать об освоении чудесного пляжа в районе Ново-Михайловской,— пишет тов. Василовский.— Многие автолюбители приезжают на этот пляж, но удобств там нет никаких. Например, за водой и продуктами приходится ездить за несколько километров».

«Совершенно справедливо и законно поднят «Огоньком» вопрос об отборе в санатории больных, которые действительно нуждаются в лечении», «Министерству здравоохранения РСФСР следует навести порядок в распределении путевок...»,— поддерживают тов. Плетнева читатель Б. Зинченко из Киевской области и М. Дубровин из Ленинграда. О неправильном распределении путевок сообщает и М. Парамонова из Котласа. В то же время Б. Зинченко указывает, что еще плохо используются местные возможности для устройства санаториев и домов отдыха.

«В Киевской области есть такая станция Сухолесы... Прекрасные сосновые и дубовые леса, река Рось привлекают сюда ежегодно много отдыхающих из Мурманска, Ленинграда и других городов страны. До войны тут было начато строительство санатория, а сейчас ничего не делается. Бывалые люди говорят еще о Таращe,— продолжает тов. Зинченко,— но тут нет ни одного дома отдыха».

Полковник в отставке А. Артеменко (Киев) поднимает и другой важный вопрос — о транспортных шумах на курортах. «В Сочи,— пишет он,— да и не только в Сочи: в Гагре, Новом Афоне, Адлере и по всему курортному побережью, начиная от Туапсе и кончая Сухуми, очень шумно. Санатории, дома отдыха и пансионаты, как известно, расположены непосредственно у моря, по самому побережью проходит и железная дорога — в каких-нибудь 50—100 метрах от зданий. А в Сочи ежесуточно с шумом и грохотом проносятся шестьдесят два пассажирских поезда. Ночную тишину беспрерывно нарушают паровозные гудки, пронзительные сигналы электровозов... Мне кажется, что следовало бы подумать о запрещении сигналов и гудков вблизи курортов».

УЧИТЕСЬ СМОТРЕТЬ И ПОНИМАТЬ

«Наш уралмашевский университет культуры посещают много рабочих. В его программе интересные лекции по вопросам литературы, музыки, театра, кино, живописи. Перед нами все шире раскрываются двери в прекрасный и удивительный мир искусства, который вызывает у меня и у моих товарищей большой интерес.

Но если с творчеством мастеров театра, музыки, литературы мы можем познакомиться по радио, телевидению, слушая записи их лучших работ на пластинках, читая книги, то не так обстоит дело с искусством изобразительным. Живописные полотна, которые хранятся в Третьяковской галерее, Русском музее, во многих музеях Советского Союза, не всегда доступны нам, живущим вне Москвы. А статьи о художниках, изредка публикуемые, носят большей частью специальный характер и не всегда доступны массовому читателю.

Большинство наших рабочих — слушатели университета культуры, постоянные читатели «Огонька», и думается, что в этом отношении журнал мог бы оказать нам большую помощь. Я и мои товарищи обращаемся к вам с просьбой: нельзя ли в журнале завести отдел «В помощь слушателям университета культуры», где печатать статьи и очерки о виднейших мастерах отечественной живописи, цветные репродукции их произведений? Сейчас, например, мы очень интересуемся историей русской живописи, биографиями и творчеством замечательных русских художников. Очень хотелось, чтобы «Огонек» для начала опубликовал материалы на эту тему. Мы хотим научиться смотреть картины и понимать их».

Это письмо прислал в редакцию токарь Уралмашзавода, слушатель университета культуры Л. Арзамассов. И оно не единственное. Искусством интересуются многие наши читатели. С этого номера мы начинаем печатать иллюстрированные статьи, посвященные истории русского изобразительного искусства.

ПОРТРЕТ ЭПОХИ

А. ГАСТЕВ

Рассказ искусства о современниках может быть прямым и иносказательным. «Последний день Помпеи» Карла Брюллова или «Явление Христа народу» Александра Иванова тоже рассказывают нам об идеях и настроениях тогдашнего русского общества. Глядя на великолепный холст Брюллова, мы понимаем, почему художники в повести Гоголя бредили солнцем Рима, разделяем их восторги перед античным искусством, чувствуем их страстную любовь ко всему красивому, благородному, возвышенному, пусть даже это будет немного театрально.

«Явление Христа народу» — картина, написанная в Италии, причем художник пользовался натурщиками-итальянцами. Но это великое произведение, несмотря на евангельский сюжет, рассказывает о душе русского народа, о его стремлении к добру, о постоянных и тревожных раздумьях над судьбами своей страны, над судьбами человечества.

Но есть художники, которые разговаривают со зрителями не иносказаниями, не языком евангельских притч, легенд и преданий, а прямо, просто; их вдохновение питается тем, что окружает этих художников повседневно — реальной жизнью. Их внимание нередко направлено на события, которые нам кажутся порой незначительными. Однако особенности лучших произведений так называемого «бытового жанра» как раз и состоят в том, что мелочи, которые художник изображает часто с необычайной тщательностью, жизненные ситуации, которые он выбирает в потоке событий, характеризуют эпоху как нельзя более точно, правдиво и достоверно.

Произведения бытового жанра — это портрет эпохи, почти документ, своего рода свидетельское показание.

Правдивый рассказ художника о своей эпохе представляет для нас особую ценность, потому что это не просто изложение событий, фактов, а их образное, художественное воплощение. Никогда не надо забывать о том, что картины выдающихся мастеров бытового жанра — это прежде всего искусство, высокое искусство, содержание которого не исчерпывается сюжетом, а включает в себя ритм и динамику композиции, силу и красоту колорита, выразительность и четкость рисунка — словом, все то, что наряду с «внешним» сюжетом составляет достоинство подлинно художественного произведения.

Наибольшего расцвета бытовой жанр достиг в творчестве художников-передвижников. В 70—80-е годы — «золотые годы» передвижничества — бытовой жанр стал ведущим жанром в русском изобразительном искусстве. Однако задолго до передвижников, в первой половине XIX века, в России работали талантливые художники-жанристы, среди которых выделялись Алексей Гаврилович Венецианов и Павел Андреевич Федотов.

Художники эти очень отличались друг от друга и по складу своего дарования и по задачам, которые они ставили перед собой; да и люди они были совсем разные: добродушный, несколько даже сентиментальный Венецианов и резкий, желчный, остроумный Федотов. Оба они были фактическими родоначальниками русской жанровой живописи. Искусство передвижников — искусство Перова, Репина, Мясоедова и многих других замечательных художников-демократов — ведет свою родословную от Венецианова и Федотова.

Расцвет творчества Венецианова приходится на 20—30-е годы XIX столетия. По сравнению с творчеством его блистательных современников Кипренского и Брюллова наследие Венецианова кажется очень скромным; да оно и в самом деле было таким. Таким был и сам Венецианов: скромный, даже застенчивый, необычайно «домашний», не гнавшийся ни за чинами, ни за славой. Но слава к нему пришла, слава заслуженная и прочная.

Большую часть своей жизни Венецианов провел в принадлежавшем ему маленьком имении в Тверской губернии. Здесь Венецианов наблюдал жизнь и труд крестьян, которых он воспел в своих произведениях.

Конечно, Венецианов был помещиком, и крестьяне его были крепостными крестьянами. Вероятно, Венецианову и в голову не приходили какие-либо мысли об изменении существующего положения вещей. Прозорливым оком художника-гуманиста он сумел увидеть в русском крестьянине величие духа, необыкновенное чувство собственного достоинства, его особую, «былинную» стать. Картины Венецианова напоминают песню, русскую песню, спокойную и задушевную.

Посмотрите картину «На жатве. Лето». Как все здесь просто, величаво и поэтично! Незамысловатую сценку художник изобразил на фоне такого же незамысловатого пейзажа: до самого горизонта тянутся поля, желтые, зеленые, опять желтые...

Художник относится к своей задаче очень серьезно, сосредоточенно, так же, наверное, как и крестьянин к своему труду. Каждая деталь на холсте преисполнена смысла. С каким тщанием художник изображает серп, как внимательно он просматривает его форму, характерный изгиб лезвия! А угол амбара на втором плане? Пересчитано каждое бревнышко! И это вовсе не натурализм, как принято иногда думать. Тщательность, добросовестность исполнения были здесь элементами, из которых складывался дорогой художнику образ мира.

Влияние Венецианова на современников и на последующие поколения художников и зрителей было огромно. Для зрителя, привыкшего видеть на выставках, в картинных галереях и лавках антикваров внушительных размеров полотна, изображающие мифологических или библейских персонажей, работы Венецианова, его косари, жнецы, пастушки, были тогда настоящим откровением.

Венецианов понимал, что принципы его искусства вступают в противоречие с официальной художественной школой. Он понимал, что только люди, с которыми он соприкасался ежедневно, ежечасно, люди из народа, из тех самых крепостных, доступ которым в тогдашнюю Академию художеств был прегражден законами николаевской империи, помогли ему создать новое, человечное и правдивое искусство.

Много сил и энергии художник положил на основание своей, «венециановской» школы живописи. Учеников он разыскивал во время поездок по Тверской губернии среди крепостных и мещан, молодых иконописцев и даже маляров. И он действительно организовал школу, которая находилась в его имении Сафонково и была построена на началах товарищеских, почти семейных. Когда Венецианов переезжал в Петербург, с ним переезжали его ученики. Они жили на одной квартире, ели за одним столом.

Среди учеников и последователей Венецианова были люди, одаренные талантом в разной степени, но для каждого из них характерны простое и честное отношение к жизни, искренность и задушевность.

Посмотрите на картину Л. К. Плахова «В кузнице». Нет, это не кузница Вулкана, где боги ковали свое оружие, это самая обычная деревенская кузница, где работают самые обычные люди. Но они представляют для художника не меньшую, а, пожалуй, даже большую ценность, чем боги и герои мифов.

Павел Андреевич Федотов был тридцатью пятью годами младше Венецианова, хотя умерли они почти одновременно. Смерть Федотова была трагичной, так же как и его жизнь. В 1852 году Федотов умер в сумасшедшем доме.

Офицер лейб-гвардии Финляндского полка, Федотов стал профессиональным художником, когда ему было почти 30 лет. Но, став им, он целиком отдается искусству.

Федотов был любящим сыном и братом, единственной опорой для престарелого отца и рано овдовевшей сестры. Самым преданным, самым верным его другом, не покидавшим его до самой смерти, был вестовой Коршунов, крестьянин Ярославской губернии.

Творчество Федотова преисполнено горечи и грустного юмора. Подобно произведениям

Гоголя, это смех сквозь слезы. Одна из самых печальных его работ — «Старость художника»: состарившийся и обессилевший от постоянной борьбы за кусок хлеба, художник пишет вывески, чтобы спасти семью от голода. Но самые свои мрачные сюжеты художник облекал в юмористическую форму: он как бы стеснялся своих слез. Так и здесь: по иронии судьбы художник пишет вывеску бакалейной лавки — сахарные головы, сыры, кульки со всякой снедью.

Один раз только Федотов позволил преисполнявшей его печали излиться откровенно и до конца — в своей знаменитой «Вдовушке».

Молодая вдова одиноко грустит в комнате, где все имущество уже описано за долги. На комоде икона и портрет умершего мужа — это сам Федотов, его автопортрет.

Содержание «Вдовушки» трагично. Но смысл этого трагизма не так прост, как может показаться на первый взгляд. Федотов и здесь остается самим собой, он исподволь, так, что и не заметишь сразу, подтрунивает и над самой вдовушкой и над ее печалью. Он знает, что печаль эта преходяща, вдовушка молода и красива, она утешится.

Федотов скорбит и иронизирует одновременно. Ведь в самом облике вдовушки, в ее преднамеренной «субтильности», в необыкновенном изяществе силуэта содержится нечто, заставляющее усумниться если не в искренности, то в глубине ее чувства.

Трагизм «Вдовушки» не столько даже в сюжете, сколько в этом горькоироническом подтексте, который звучит во всем творчестве Федотова, определяя его основную нравственную, философскую тему.

Федотов работал необычайно кропотливо и тщательно, по многу раз переписывая каждую деталь, добиваясь полнейшей достоверности, абсолютной правдивости. Но никогда в его картинах детали не заслоняют целое. Во «Вдовушке» деталей множество, выписано буквально все: и сундучок с сургучной печатью, и мотки ниток в корзинке, и кружева полога над кроватью. И все-таки фигура вдовушки, ее скорбь, ее беззащитная, робкая и в то же время кокетливая красота — это в картине главное.

Когда друзья Федотова восхищались совершенством и простотой картины, художник заметил: «Да, будет просто, как поработаешь раз со сто». Этой заповеди художник следовал всю жизнь.

По натуре Федотов был остроумным, веселым человеком, обладавшим неистощимой выдумкой: многие из его картин — это целые рассказы с довольно сложным и всегда оригинальным сюжетом и множеством действующих лиц. Вот как сам Федотов описывает содержание своего эскиза «Следствие кончины Фидельки», любимой собаки петербургской барыньки: «Фиделька решительно околела. Хозяйка с этого горя сама опасно занемогла, уже в постели. Созван консилиум докторов, на котором военному доктору-русаку, за смелость иметь мнение, монополисты, городовые практики, немцы, изъявляют негодование. Только доктору помоложе не до консилиума: он глядит на молоденькую горничную, которая курит благовониями вокруг уже не совсем свежей Фидельки. Какие-то дамы пришли навестить больную, по которой также соскучились и питомцы ее: Розки и Адельки; и у одра больной стоят на задних лапках, завидуя участи Мими, которая одна удостоилась лежать у сердца своей патронессы. Муж, молча, грозит им подсвечником. У дверей лакей несет докторам бумагу и перья, ему сует в руку что-то бородатый гробовщик, конечно, чтобы тот не замедлил дать знать в тот же миг, если хозяйка скончается... Художники позваны увековечить память Фидельки. Живописец явно льстит на портрете. Сын хозяйки, увидев папку архитектора, конечно, полез в нее рыться».

Как вы можете заметить, в юморе Федотова мало добродушия, это настоящая сатира, злая и остроумная.

В «Завтраке аристократа» художник смеется над пустым чванством молодого барина, который сидит без денег, на завтрак у него — кусок черного хлеба. «На брюхе шелк, а в брюхе щелк». Однако «аристократ» вовсе не желает, чтобы кто-нибудь был свидетелем его бедности. Поэтому он предусмотрительно положил на стул рекламный проспект «Устрицы», а услышав, что кто-то идет, торопливо прикрывает хлеб книжкой.

Федотов стал родоначальником критического реализма в русской живописи. Он обличал пороки современного ему общества, высмеивая чванных аристократов и купцов-толстосумов. Но Федотов умел не только ненавидеть, он умел и любить. Он любил жизнь, любил простых, честных людей, любил вещи, которые нас окружают, вещи, сделанные руками трудолюбивых и талантливых мастеров, добротные и красивые.

Посмотрите, с какой любовью, с каким благоговением в «Завтраке аристократа» пишет Федотов и полированное дерево письменного стола, и плетеную корзинку для мусора, и олеографии в рамках...

В первой половине XIX века в России существовала и другая разновидность, другое направление бытового жанра. Зачинателем этого направления был Карл Брюллов.

Создатель «Последнего дня Помпеи» отнюдь не считал себя жанристом, своих «итальянок» и «турчанок» он писал как бы между делом. Жанровые сценки Брюллова выполнены главным образом акварелью, иногда это просто рисунки карандашом. Материалом для них служили впечатления от путешествия Брюллова по Италии, Греции, Турции. Выполненные со свойственным великому виртуозу мастерством, легкостью и изяществом, произведения, подобные «Любовному свиданию», не претендуют ни на особую глубину, ни, тем более, на критическое осмысление действительности. Вместе с тем это всегда очень красиво и, главное, оптимистично.

Не слишком талантливые, но ловкие подражатели Брюллова превратили этот жанр просто в статью дохода, изготовляя всевозможные «Поцелуи», «Свидания», «Гаремы» и тому подобные картинки. Пошлые по содержанию и ничтожные по выполнению, эти произведения буквально наводнили гостиные и салоны. Недаром такого рода искусство несколько иронически называют салонным.

По-настоящему жизнеспособным оказалось в русской жанровой живописи творчество Венецианова и Федотова, наследниками которых была славная когорта русских передвижников. Именно это искусство составляет нашу национальную гордость. Здесь мы учимся правде, человечности и мастерству.

Жизнь ИСКУССТВА

ТОМ СОЙЕР, ГЕК ФИНН И ИХ ДРУЗЬЯ...



«Приключения Гекльберри Финна» в Театре имени Евг. Вахтангова. Гек — актриса В. Ершова.

Рисунок И. Кадиной.

Почти одновременно на сцену Центрального детского театра и Театра имени Евг. Вахтангова вышли спектакли по Марку Твену. В одном — «Том Сойер», в другом — «Приключения Гекльберри Финна».

Зрительные залы обоих театров перед началом этих представлений гудят, как пчелиный улей. Веселое нетерпение присутствующих понятно: так хочется поскорее увидеть Тома и Гека!

Большую задачу взяли театры, решив выступить с инсценировками столь популярных произведений Марка Твена, да еще перед таким требовательным зрителем. Но справились с ней превосходно. Об этом говорят полные восхищения детские глаза, возгласы восторга или ужаса, а главное — веселые, благодарные, несмолкаемые аплодисменты юных любителей театра.

Авторы инсценировки «Том Сойер» Н. Венкстерн и И. Романович почти полностью сохранили сюжетную ткань первоисточника, его поэтичный юмор. Пьеса В. Богаченкова «Приключения Гекльберри Финна» сохраняет лишь главные события подлинника, в то же время оставаясь верной основному замыслу книги Марка Твена.

Постановщик «Тома Сойера» А. Некрасова и режиссер В. Сперантова, художники В. Лалевич и Н. Сосунов с большим вниманием отнеслись к своим маленьким героям. Очень точно и логично раскрываются перед зрителями их характеры. Том Сойер в исполнении В. Тумановой — умный, живой мальчик, мечтатель, с благородным и честным сердцем. Большая удача спектакля — Бэкки Тэчер, изящная и грациозная в исполнении М. Куприяновой.

Режиссер спектакля о Гекльберри Финне В. Шлезингер и художник С. Ахвледиани проявили завидную изобретательность и остроумие в решении постановки. Неудержимо смеются зрители, видя хитроумные проделки Тома, которого играет актриса Н. Генералова, и Гека в исполнении В. Ершовой.

Оба спектакля доносят до маленьких зрителей гуманные мысли Марка Твена о дружбе, товариществе, справедливости, учат помогать тем, кто попал в беду, даже если это связано с опасностью и трудностями.

В. ГРОХОВСКАЯ



«Том Сойер» в Центральном детском театре. Том — актриса В. Туманова.

Рисунок А. Липницкого.



Король Лир в исполнении М. Крушельницкого.

Фото Н. Козловского.

Киевляне смотрят «Короля Лира»

На сцене Театра имени Ивана Франка — новый шекспировский спектакль «Король Лир». Трагедия поставлена на украинской сцене впервые. Великолепный перевод пьесы сделан Максимом Рыльским.

Интересного и яркого толкователя нашла шекспировская трагедия в лице режиссера В. Оглоблина: поставлен спектакль смело, остро, темпераментно. Роль короля Лира принадлежит к лучшим работам замечательного украинского актера М. Крушельницкого. Здесь и тонкость рисунка, и точность психологического раскрытия образа, и необузданная сила страстей: жестокость и человечность, щедрость и скупость, добро и зло... И прежде всего подкупающая искренность, подлинная правдивость.

К той же актерской школе, пользующейся средствами не внешней иллюстрации, а глубокого раскрытия образа, принадлежит и Д. Милютенко, великолепно играющий роль Шута. Дмитрий Милютенко с первых реплик и до конца представления владеет вниманием публики. Впрочем, весь ансамбль спектакля радует четкостью, слаженностью, пониманием режиссерского замысла.

Увидеть и почувствовать эпоху зрителям помогают замечательные декорации В. Меллера. Они монументальны и просты, эффектны и экономны. Как и костюмы И. Майер, они строги, реалистичны, далеки от той «оперности», которую еще случается порою наблюдать в подобных спектаклях. Проникновенно звучит музыка Г. Майбороды, автора популярной оперы «Милана».

Шекспировский спектакль нашел живой отклик в Киеве. Театр переполнен. В нем царит атмосфера творческого праздника. Это достигнуто большой, кропотливой работой талантливого коллектива.

Любомир ДМИТЕРКО



А. Г. Венецианов (1780—1847). НА ЖАТВЕ. ЛЕТО.

Третьяковская галерея.

Л. К. Плахов (1811—1881). В КУЗНИЦЕ.

Русский музей.

«Огонек»



К. П. Брюллов (1799—1852). ЛЮБОВНОЕ СВИДАНИЕ.

Третьяковская галерея.

Сергей **АНТОНОВ**



Рассказ

Рисунки Д. ДУБИНСКОГО.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ КАМЕШКИ

4

Утром его разбудил оглушительный гвалт ласточек. Он оделся, намотал на загорелую голову полотенце и вышел.

На пляже еще никого не было.

Из-за горных вершин струями, как вода из прижатого пальцами крана, били в разные стороны сильные непрозрачные лучи. Холодная малиново-синяя морская даль нетерпеливо дрожала в ожидании солнца, и среди волн мягко кувыркалось жирное тело дельфина. Вдруг все огромное море, из конца в конец, посветлело и вспыхнуло зеленым светом так ослепительно, что за дельфином следить стало невозможно. Над горами показалось солнце.

Вскоре появился старик-садовник. Он скинул рубаху. Брюки упали с него сами. Бечевку, перехватывающую коричневую поясницу, он развязывать не стал, а вошел по колено в море и перекрестился. Потом деловито вымылся, с мылом и мочалкой, и ушел, бесчувственный к блистающей красоте утра.

— Погодка-то! — послышалось рядом. — Ультрафиолетовая!

Это были вчерашние сибиряки.

— Ну вот, — сказал Гоша-седой. — Я же говорил, что здесь мужской пляж. С женами сюда нельзя.

Григорий Афанасьевич лежал совершенно голый, закрыв лицо полотенцем. Татуировка времен гражданской войны была еще заметна: на груди — памятник с орлом, крестом и скалами, на левой руке — русалка. Русалка была без хвоста. Грубый, как шов электросварки, шрам отсек ей нижнюю часть. Глянцевая кожа шрамов почти не загорала, и следы ран, зашитых наскоро в полевых госпиталях, блестели на шоколадных ногах и на боку отставного полковника.

— Давнее? — почтительно спросил Гоша-рыжий не то про ранения, не то про татуировку.

— Давнее, — ответил Григорий Афанасьевич.

Подробнее он объяснять не стал, а сибиряки не стали расспрашивать. Конфузливо оглядев свои бледные северные тела, они улеглись под солнышком и принялись спорить о трассе какой-то железной дороги.

Они говорили о крутых, затяжных уклонах, о южных склонах сопок, «плачущих» по весне, о гигантских валунах, летящих вниз с откосов и выбивающих оси из-под вагонов, о стальных рельсах, которые раскалываются от мороза, как стеклянные, о наледях, поднимающих опоры мостов. Они говорили о набирающей силу Сибири, и Григорию Афанасьевичу нравилось слушать уверенный разговор о будущем, за которое он отдал все свои помыслы и свою жизнь, о том будущем, которое иногда казалось очень далеким, иногда недостижимым. И вот теперь, когда его одолели болезни и он ни на что не годен, — именно теперь это будущее неожиданно оказалось рядом, настолько рядом, что его можно услышать... Закрыть глаза и слушать... Ему, пожалуй, не суждено поработать в этом будущем. Ну, так и что же! Вот Нина поработает... И Григорий Афанасьевич с благодарностью подумал о ней.

Когда сибиряки стали спорить о выгодах переменного тока для электрификации железных дорог, пришел Паша.

— Да, — сказал он, послушав. — Доходим до ручки. До предела познания мира. Скоро передадим вас по телеграфу. Не имя, не фамилию, а именно вас — как такового. Тррык — и вы во Владивостоке. Однако будете ли вы от этого счастливей, никому не известно. — Внезапно глаза его загорелись. — Чур, пустую коробку мне, — быстро произнес он, увидев, что Гоша-седой закуривает «Люкс».

Кроме любви к играм, Пашу обуревала страсть, которая, собственно, и погнала его в Крым: он собирал прибрежные камешки. По словам Паши, коллекция его тянет уже свыше десяти килограммов. Все это добро хранилось в папиросных коробках, в квадратных, переложенных ватой ячейках. Поставщиками коробок были многие, в том числе и привыкший к «Казбеку» Григорий Афанасьевич.

Сибиряки тоже изъявили готовность снабжать Пашу коробками, и он в виде благодарности показал свежий улов, высыпав на ладонь разноцветные, слоистые, конопатые и прозрачные, как обсосанные леденцы, камешки.

— Смотрите, какая роскошь... Смотрите, халцедон! — приговаривал он, двигая камешки мизинцем. — Смотрите, сердолик... фернампикс!

Редким камням — любимчикам — Паша придумывал названия особенные: «карамболит», «карменсит»...

— А почему галька с дыркой называется «куриный бог»? — спросил Григорий Афанась-

Окончание. См. «Огонек» № 15.

евич сонно. От нечего делать он иногда подтрунивал над Пашиной слабостью.

— У вас, полковник, пузо растет, — пошутил Паша в отместку.

— Это не пузо, — откликнулся Григорий Афанасьевич. — Это диафрагма.

И сибиряки, начавшие было робеть в присутствии молчаливого осанистого полковника, увидели, что он, в сущности, мягкий и добрый человек.

Так было всегда: как только появлялся Паша, вокруг становилось улыбчиво и мило. И после завтрака все четверо сошлись тут же, как закадычные приятели, на небольшую пульку.

Паша разделся, аккуратно сложил зеленые брюки и остался в каких-то особенных шерстяных плавках с кармашком. Был он до того худой, что, взглянув на него, Гоша-седой ткнул в бок своего приятеля и произнес:

— Смотри-ка!

— Да, — сказал Гоша-рыжий, — всю арматуру видать.

— Жертва фашистской оккупации, — сострил по своему адресу Паша.

Все засмеялись и сели за карты.

Предвкушая спокойное удовольствие, Паша устроился поудобнее, сложил по-турецки ноги. Однако покоя ему не дали. Подошел садовник, тот самый, который купался на заре, и спросил:

— Кто тут будет Павел Евгеньевич?

— Я буду Павел Евгеньевич, — сказал Паша. — А вы кто, герцог?

— Я с дома отдыха, — сказал старик, безучастно глядя на Карадаг. — Вам в двадцать четвертую комнату велели зайти.

— Надежда Борисовна? — спросил Паша. — Семь пик.

— Надежда Борисовна.

— А что случилось?

— Плохо им. Сердце заходит.

— Вот несчастье... Мои семь червей. С чего бы это?

— Кто знает? Перегрелись, видно.

Старик стоял и ждал, упорно глядя на Карадаг.

— Восемь пик, — сказал Паша.

— Пойдете? — спросил старик.

— Я физик, дедушка...

— Кто?

— Физик. А ей врача надо.

— Значит, не пойдете?

— Вот что... Вы могли меня не найти? Могли. Я вас очень прошу: скажите, искал — нигде не нашел.

Дедушка с удивлением досмотрел, как ловко он сдавал карты, и ушел.

— Может, прервемся? — предложил седой Гоша. — Может, что-нибудь серьезное?

— Нет, — махнул рукой Паша. — Буффонада... Один друг, физкультурник, меня учил: главное в отношениях со слабым полом — подход и отход. Подход у меня отработан идеально, а вот с отходом — хоть плачь. Вечно какие-нибудь осложнения.

Григорий Афанасьевич нахмурился и сказал громко:

— Пас!

— Два паса, в прикупе чудеса... — сказал Паша. — В наш атомный век любовь... как автомашина... Ужасно хочется ее иметь, а заимеешь — хлопот не оберешься.

Григорий Афанасьевич нахмурился еще больше. Сегодня Паша ему определенно не нравился. Правда, пляж мужской, но мало ли что... Удивительно, как Нина могла танцевать с ним весь вечер...

— Как даме за тридцать — кончается демократия, начинается тирания, — продолжал Паша. — Лучше приручать какую-нибудь молоденькую, отличницу, дуреху с закрывающимися глазами, и водить ее искать камешки...

«Интересно, долго ли сибиряки смогут терпеть эту пошлятину?» — Григорий Афанасьевич взглянул на них украдкой. Те слушали как ни в чем не бывало.

«А может быть, так и надо? — Григорий Афанасьевич совсем сбился с толку.— Мало ли чего человек сболтнет за игрой!.. Может быть, это еще один признак старости. Стариковское чистоплюйство».

К ним снова приближался дедушка-садовник.

— Ну, что? — спросил Паша капризно.

— Велели прийти,— глядя на Карадаг, проговорил садовник.— А то, говорят, сама приду...

— Ты сказал, меня нету?

— Сказал.

— Ну?

— А оне говорят: «Здесь».— Дедушка упрямо смотрел на гору, как будто разговаривал не с Пашей, а с Карадагом.

— Да ты сказал, что искал и не нашел?.. Сказал или нет?

— Сходили бы. Плачут! — с внезапной силой раздражения и укора проговорил дедушка.

— Я больше не хочу играть! — Григорий Афанасьевич бросил карты.— Хотите, расписывайте, хотите — как хотите...

— Да, ничего не поделаешь. Придется кончать.— Паша поднялся и зазвенел пряжкой, натягивая брюки.— Вот, товарищи,— сказал он дружески-назидательно.— В наш атомный век нельзя связываться с дозревшими Фанерами Милосскими...

Паше показалось, что отставной полковник принимает его слова с холодком. Он спросил для проверки:

— У вас не освободилась папиросная коробка?

— Нет! — ответил Григорий Афанасьевич грубо.

Подошел культурник записывать желающих ехать катером на воскресную прогулку. Сибиряки записались сами, записали и жен. Рассеянно записался и Григорий Афанасьевич, но вскоре вспомнил, что через два дня ему уезжать, и пошел искать культурника, чтобы его вычеркнули.

5

Вечером Григорий Афанасьевич гулять не пошел, ночь спал плохо и явился в столовую одним из первых. Нина с подносом пролетала, как ветер. Глаза ее блестели, на шее метались новые — из крашеной ракушки — бусы. Она, конечно, опять плясала с Пашей. Григорий Афанасьевич не доел судака — она даже не заметила.

Он вышел и стал у дверей как потерянный. Собака, которая каждый день откуда-то прибегала к завтраку, обеду и ужину, вопросительно посмотрела на него и отошла прочь. Он сел в теплое от солнышка плетеное кресло и стал ждать неизвестно чего.

На море гремели волны. Ветер сучил на дорожке жгуты из пыли. Раненая нога болела — к ненастью.

Григорий Афанасьевич сидел среди оставшейся после вчерашних танцев семечной шелухи и раздавленных окурков и тяжелым взглядом смотрел на крашенную известкой балюстраду. Здесь, среди дикой прелести гор и моря, аляповатое сооружение раздражало его и напоминало живопись базарного художника: такая же балюстрада, пруд и два лебедя с изогнутыми шеями, плывущие друг на друга. Он посмотрел на сверкающее море, представил себе двух — нос к носу — лебедей и сказал вслух:

— Черт знает что такое!

А ветер усилился, воздух пожелтел от пыли. Небо и все вокруг стало пепельным, как перед затмением солнца. Море гуще запестрело барашками. Птицы попрятались. Из столовой никто не выходил: очевидно, все позавтракали. И собака куда-то убежала.

Григорий Афанасьевич вспомнил, что не дал домой телеграммы, и отправился на почту.

Пройдя полпути, он увидел Нину. Она шла, то и дело пригибаясь, придерживая длинной рукой юбку.

Григорий Афанасьевич нагнал ее и спросил:

— Ты куда?

— В культтовары. Павел Евгеньевич велел купить детскую лопатку.

— Это зачем еще?

— Мы с ним завтра пойдем в Сердоликовую бухту. Искать «карменсит».

— Какой такой «карменсит»?

— Камень.

— Нет такого камня.

— Павел Евгеньевич лучше знает,— возразила Нина.— Он собирает камешки, а вы — нет.

— Подожди, подожди... А как же Харьков?

— Я с ней не поеду. Ну ее!..

— Послушай, Нина...

Навстречу неслось пыльное облако. Они повернулись спинами к ветру. Желтый ветер плотными полосами просвистел мимо них. Переждав и отряхнувшись, они пошли дальше.

— Послушай, Нина...— снова произнес Григорий Афанасьевич.

Начать разговор было нелегко. Нина с самых ранних лет жила среди чужих людей. Чужие люди кормили ее, учили ее, были добры к ней, заменяли ей родителей. Чужим людям она привыкла доверять и доверяться. И убедить ее в том, что среди хороших людей попадаются и дурные, которым нет никакого дела ни до ее судьбы, ни до ее будущего, чрезвычайно трудно.

Главная же трудность была в том, что состояние, в котором находилась Нина, почти начисто исключало возможность здравых суждений с ее стороны: она воспламенилась внезапно, как будто плеснули бензин в тлеющий костер, и второй день ходила как заколдованная. Тем не менее Григорий Афанасьевич начал решительно:

— Как ты думаешь, хорошо живется Надежде Борисовне?

— Чего хорошего! — отвечала Нина.— Позапрошлый год на весь дом отдыха панику навела. Каустиком травилась.

— Каким каустиком?

— Состав такой, посуду мыть. Алюминиевую, конечно, нельзя. Алюминий темнеет. А простое железо очень даже хорошо. И ржавчина отходит.

— Это, наверное, каустическая сода.

— Не знаю. У нас называется каустик.

— Сокращенно — каустик. А по химии — каустическая сода.

— Может быть. Он накипь хорошо выедает.

«При чем тут каустик? — рассердился Григорий Афанасьевич.— Какой каустик?»

Небо за Карадагом дважды вспыхнуло.

— Пойдемте быстрей,— сказала Нина.— Гроза будет.

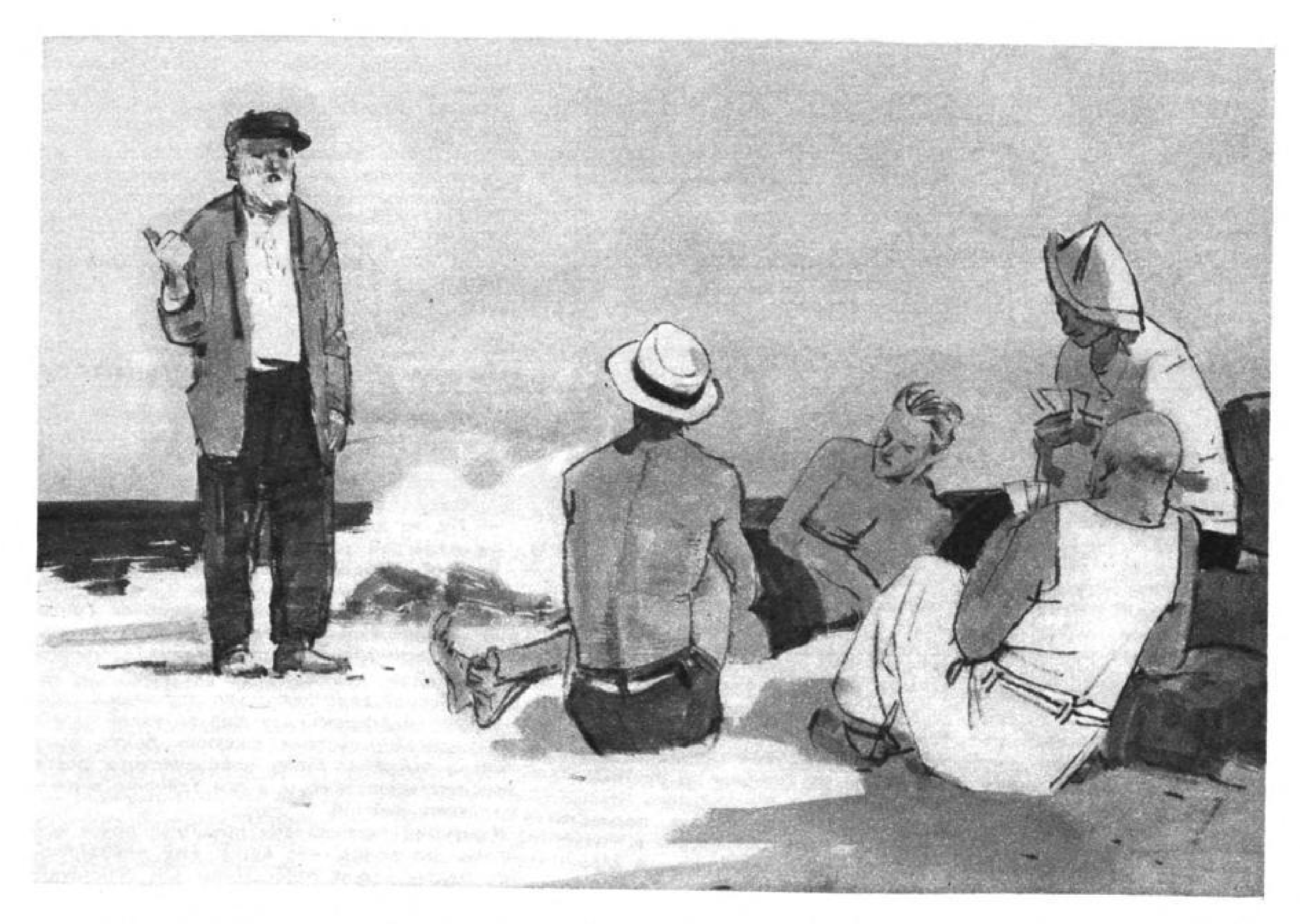
— Завтра, Нина, я уезжаю,— начал Григорий Афанасьевич, прибавляя шаг.— И прямо скажу, уезжаю в тревоге. Потому что у тебя началось это.— Так он назвал любовь, уверенный, что Нина поймет его.— Хорошо, если попадется тебе настоящий человек. Тогда ладно. А если помрачением твоего ума воспользуется какой-нибудь поддельный хлюст, не верующий ни в бога, ни в черта, а в одни только меченые атомы?.. Который от скуки водит в горы крашеных дурочек искать какие-то там неведомые камешки. Переломит он тебя пополам и уедет на своей «Волге» в неизвестном направлении. А ты так и останешься отломанной половинкой и будешь ходить возле земной красоты, как чужая, да сбивать с толку людей своим горевым видом. Таких и без тебя много.

— А то нет,— сказала Нина.— Вон у нас Нюрка. Проводила время с одним отдыхающим. Он ей дал пятьсот рублей на аборт, а она купила пыльник. Дура, правда?

— Быть несчастной ты не имеешь никакого права! — раздраженно перебил Григорий Афанасьевич.— Тебе доверено делать интересную, замечательную жизнь. Мы тебя принесли к этой жизни и поставили к ней вплотную лицом к лицу... Давай оправдывай и нас, стариков, и себя... Конечно, раз уж настигла тебя полоса, делать нечего — закон природы... Только смотри, чтобы это было не концом твоим и не позором, не горем, а чтобы это было началом — парадным входом в настоящую жизнь.

Над Карадагом снова сверкнуло, и где-то рядом, за забором, прогрохотал гром, длинно и разухабисто. И сразу, как по сигналу, на землю обрушился ливень. Белые отвесные струи со свистом летели с неба, сбивали сухие листья акаций и лепестки роз.

Поблизости надежного укрытия не было, и Нина, а за ней Григорий Афанасьевич, звучно шлепая по лужам, побежали вдоль забора. Забор был длинный, неровный, сложенный из плитняка, и кое-где в швах между плитами ухитрялась расти травка. Наконец забор кончился, и показался небольшой домик с деревянным крыльцом и железным навесом. У крыльца стоял старый эмалированный таз. Нина вбежала на крыльцо и прижалась к двери. Пощипывая мокрое платье, она попыталась отклеить его от груди, но ничего не получилось. Вскоре подоспел Григорий Афанасьевич. С крыши лило. Воздух сверкал зелеными



вспышками, то справа, то слева грохотал гром. По направлению к морю бежал поток, расплетаясь внизу улицы на несколько ручьев. Таз ныл и стонал под ударами ливня, но все время оставался пустым: воду из него выхлестывало.

Минут через десять ливень оборвался. В наступившей тишине стала отчетливо слышна капель. Капало отовсюду: с крыши, с деревьев, с кустов, с Нининого платья,— капало на землю, на ступеньку, в таз. На небе появилось солнце — не то, которое было утром, а совсем другое — свежее, круглое, и все задымилось под его горячим светом: и земля и камень, — и к густым запахам промытого мира, слоями стоящим в воздухе, подмешался оранжерейный запах солнечного тепла.

— Я, пожалуй, пойду,— сказала Нина.

— Ты все поняла, что я говорил? — спросил Григорий Афанасьевич.

Она посмотрела ему в глаза своими продолговатыми черными глазами, едва заметно кивнула, и Григорию Афанасьевичу почудилось, будто между ними снова установилось то безмолвное понимание, которое он считал уже безнадежно пропавшим.

— Вот и хорошо, незабудочка ты моя,— сказал он растроганно и полез за папиросой.

Коробка была сырая, но папиросы промокнуть еще не успели. Григорий Афанасьевич выбрал самую сухую, задумчиво стал разминать ее.

Нина встрепенулась и спросила быстро:

— У вас не освободилась коробка?

Он взглянул на нее с испугом, хотел что-то сказать, но губы его задрожали, он махнул рукой и пошел от нее быстро, прямо по лужам.

6

Короткий ливень не изменил погоды: ручьи сбежали в море, лужи высохли, и на улицах прибрежного поселка снова стало пыльно и жарко.

В столовой дома отдыха никто не заказывал лапшу с курицей: все требовали холодный, со льдом, свекольник.

Григорий Афанасьевич доедал второе, когда к нему подошла Надежда Борисовна.

— Знаете новость? — спросила она удивленно.— Нина-то ехать не собирается...

Он громко отставил стул, произнес раздельно:

— А какое мне, собственно, до нее дело?

И, не дождавшись сладкого, вышел из столовой.

Воспоминания о бесплодном разговоре с Ниной ни на минуту не оставляли его в покое. Он ругал себя. Он казнил себя с таким презрением, будто ему было известно о подготовленном преступлении, а он бездействует и скрывает от людей все, что знает.

«А что, если... что, если поговорить с Павлом Евгеньевичем? — внезапно пришло ему на ум.— С ним не то что с Ниной, с ним можно начистоту, без церемоний. Уговорить, чтобы он оставил ее в покое, будет нетрудно. Ему ведь все равно».

И с полпути домой, без шапки, без палки, Григорий Афанасьевич, прихрамывая, зашагал в пансионат.

Паша хлопотал возле своей «Волги». Он достал из багажника термос и собирался куда-то идти.

— К рыбакам — козла забивать,— деловито объяснил он.— Селедка у них замечательная. Рекомендую запастись перед отъездом.

Они пошли по горячему шоссе. Было жарко. Подошвы приклеивались к асфальту. Пахло битумом.

— А без шапки неостроумно,— сказал Паша.— На пляже два случая солнечного удара.

Они свернули с шоссе и стали подниматься косой, извилистой тропкой. На склоне печально сохли бледные кустики дикой мальвы.

— Бедные цветочки,— сказал Паша.— В наш атомный век глуповато любить цветы. Смешно, а?

— Ничего смешного,— ответил Григорий Афанасьевич.

— А в Японии высшая награда — орден Хризантемы,— сказал Паша.— Красиво, а?

— Вот что, Павел Евгеньевич,— внезапно произнес Григорий Афанасьевич тоном приказа.— Прошу вас не обижать Нину.

Паша остановился. Григорий Афанасьевич тоже остановился и растерянно смотрел на своего спутника: фраза сказалась неожиданно для него самого.

— Ах, вон что!..— проговорил наконец Паша.— Понимаю.

— Ничего вы не понимаете! Дело в том, что эта девушка мне дорога. И чтобы все было действительно понятно, вам придется выслушать, как мы высаживались на Керченском полуострове в сорок третьем году.

Всегда, когда Григорий Афанасьевич произносил эти слова, ему вспоминалась осенняя ночь, тяжелая ночная вода, хлюпающая у борта перегруженного мотобота, десантники, стоящие так тесно, что невозможно поднять руку... Один за другим зажигаются бледные огни вражеских прожекторов. Чаще и громче бьют пушки. То справа, то слева встают высокие копны воды... А мотобот движется медленно. Луч прожектора упирается в плащ-палатки десантников, солдаты щурятся от неживого, холодного света. Со всех сторон грохочет артиллерия. Длинной цветной цепью летят трассирующие пули крупнокалиберных пулеметов прямо в упор, прямо в очи. А люди стоят плечом к плечу, вплотную друг к другу. И только когда стали высаживаться, разобрались, кто живой, кто мертвый...

Все это сейчас, через много лет, стояло перед глазами. Но разве можно рассказать так, чтобы Паша понял, как это было? Нет. Невозможно этого рассказать.

— Мы высадились и ударили по врагу,— сказал Григорий Афанасьевич.— Моя часть развивала успех по дороге на Камыш-Бурун. Мы почти дошли до дамбы. Но к утру сопротивление противника возросло. Подкреплений не было. Пришлось закапываться. Перебегая, я с ходу прыгнул в какой-то развороченный погреб и чуть не придавил живое существо. В погребе сидела девочка лет пяти и зашнуровывала ботинок. Понимаете, Павел Евгеньевич, с моря бьют корабли, с Керчи бьют немцы, с Тамани — наши — вся земля встала на дыбы, а эта девочка сидит себе и зашнуровывает ботинок... Как будто так и надо... Как будто так должно быть и будет всегда, и думать тут нечего, и бояться нечего...

Григорий Афанасьевич замолчал и махнул рукой. Он чувствовал, что не может связно передать Паше свои мысли. В висках у него стучало. Пот лил и за воротник и висел на бровях и ресницах, носовой платок был мокрый до прозрачности... В сандалии попал острый камешек, но он не стал останавливаться. Он шел в гору, упрямо переставляя ноги, и следил, как медленно, толчками, передвигается по земле его тяжелая тень.

— Девочку звали Нина... Найле... Нина... Я спросил: "Где отец?" «Пропал на войне». «Где мать?» Она показала на домик метрах в пятистах от нас. Домик был маленький, беленький, из трубы шел дым. «Почему мать не спряталась?» «Она готовит пироги с тыквой».— Григорий Афанасьевич засмеялся хрипло и нервно.— Пироги с тыквой. И в тот момент, понимаете, Павел Евгеньевич, в тот момент, когда мы смотрели на белый домик, ударил снаряд, и белый домик превратился в дым и пыль. И осталось от него гладкое место, как будто он был весь сделан из дыма и пыли...

Григорий Афанасьевич отчетливо помнит, как он взглянул тогда на Нину. Брови ее сошлись стрелкой, и она смотрела на него вопросительно. Потом скривила лицо, но не зарыдала, а заплакала, даже не заплакала, а захныкала, опасливо и тихо, будто боясь, что получит по затылку. Он сказал ей: «Ничего, ничего»,— и она послушно умолкла...

Григорий Афанасьевич сдул с бровей пот и посмотрел на узкую спину Паши. Жара мучила все сильней. В глазах то темнело, то светлело. Паша шел, опустив голову, словно выискивая разноцветные камешки.

— Ей было всего пять лет! — с силой бросая слова, произнес Григорий Афанасьевич.



термос, смачивал водой платок, но ни плеска воды, ни шума шагов не было слышно. Паша шевелил губами, но голоса тоже не было слышно.

Постепенно, с перерывами, стали доноситься отдельные слова.

— Глубокое чувство... Любовь... Пустой звук... Износилось от частого употребления... И зачем? Знакомимся и так... У нас это называется точно и пошло—«проводить время»...

— Уезжайте отсюда,— сказал Григорий Афанасьевич.—У вас автомобиль. Вам все равно где...

— «И с кем», вы хотите сказать? — криво усмехнулся Паша.— Да чего там... Вы совершенно правы... Мне все казалось, в наш атомный век глубокие чувства смешны и обременительны... И я старался обходить их подальше.— Несмотря на то, что Паша заметно волновался, он все-таки не удержался и по привычке спаясничал: — Знаете, полковник: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет»... А сегодня, когда я слушал вас... я понял... В общем, я вам завидую, полковник.

Паша грустно посмотрел на сиреневую даль моря.

— Себя мне немного жалко,— продолжал он.— Но, очевидно, сам виноват. Так и надо... Вот и все... Да, а за Нину... За Нину вы можете быть совершенно спокойны...

Они оба расчувствовались и пожали друг другу руки.

Но слова летели мимо: пыльная соломенная шляпа, шелковая «бобочка», отлично отглаженные брюки на тощем заду по-прежнему оставались равнодушными.

— Вы не представляете, что там было,— настойчиво продолжал Григорий Афанасьевич.— Бесконечный бой — сплошной, непрерывный бой. Просочились автоматчики... Нас отсекли... Раненые сами оперировали друг друга. Солдаты таскали у мертвых патроны... Вы знаете, что такое воевать, когда нет второго эшелона? Когда за спиной вместо второго эшелона вода?.. К вечеру немного утихло. Сели думать. А тут снова артиллерийский налет. И живых положил и мертвых потревожил, перепахал снарядами горку, повыбрасывал из могил... Решили подаваться назад, к берегу, к проливу...

Перед глазами поплыла бурая бесконечная гладкая степь, белые домики, горящие стога сена. И в ту же сторону плыли благородно-лиловые крымские скалы, голубое небо, море. Вспомнились алые сумерки, холодный степной ветер, поломанные снарядами вишни и яблони... Все это путалось с морем, с горами и плыло, и, чтобы избавиться от наваждения, Григорий Афанасьевич проговорил поспешно:

— Далеко я не ушел. Меня зацепил осколок... Проснулся ночью... Темно... Лежу в колючем бурьяне... Смотрю: Нина. Сидит зашнуровывает ботинок... У нее были не шнурки, а электрические провода, красные электрические провода... Немецкие... Военные... Она их продергивала в дырочки, а завязать не могла: пальцы были слабы... понимаете... слабы... пальчики...

Дорога шла в гору. Солнце пылало. Ноги одеревенели, и камешек в сандалии не ощущался. Губы запеклись, их можно было отколупывать, как яичную скорлупу.

Григорий Афанасьевич торопился. Голова у него закружилась, и звенело в ушах. Он понимал, что сейчас упадет. Но падать он не имел права. Он должен рассказывать. Должен убедить. И он говорил:

— Один я бы не поднялся. Но когда я увидел девочку, встал... Я схватил ее в охапку и понес... По нам стреляли... А я нес... Я нес ее, прижимая к сердцу... По нам, как по воробьям, била пушка... Раненую ногу зацепило еще раз... А я прижимал Нину к груди так крепко, что она ойкала, и ковылял к своим...

То, что произошло дальше, он понимал не очень отчетливо.

Вначале послышался голос Паши:

— Что с вами?

Потом он сидел в тени, прислонившись спиной к камню, а Паша прикладывал к его голове что-то мокрое и холодное. Паша открывал

7

В день отъезда Григорий Афанасьевич проснулся рано.

С моря дул свежий малосольный ветер, и волны грохотали то здесь, поблизости, то там, за мыском, где обыкновенно купалась Нина, то здесь, сразу обрушиваясь всей стеной, то там, постепенно подрезаясь косой отмелью. Тупоносый автобус уже стоял у веранды, и шофер ходил вокруг, недовольно оглядывая лысые скаты.

На пляж прошли сибиряки. Отгибаясь под тяжестью чемодана, к автобусу подошла Надежда Борисовна в потрепанном глухом платье. И это темное дорожное платье и яркие губы на озабоченном, поблекшем лице, говорили, что все кончилось, может, до будущего отпуска, до следующего сезона, а может, навсегда.

Она остановилась у автобуса, посмотрелась в зеркальце: в душе ее таилась слабая надежда, что Павел Евгеньевич придет проводить ее.

Григорий Афанасьевич уложил вещи, отдал библиотечную книгу, которую так и не дочитал за месяц пребывания в доме отдыха, и вышел на сырую гравийную дорожку.

— А жаль расставаться с морем, полковник? — спросила Надежда Борисовна, доставая из сумочки сигарету.

— Немножко жаль... Но хорошо...— Григорий Афанасьевич вздохнул удовлетворенно.— Все хорошо... С Ниной потолковали... Пробрал ее как положено... Обещала ехать... подавать документы... Вы уж там присмотрите за ней...

— Я сделаю все, что могу. — Она все оглядывалась, искала глазами Пашу.— Ниночка знает, что нужно рекомендацию?

— Какую рекомендацию?

— Ну, из дома отдыха... С места работы.

— А вы ей говорили?

— Что? — Надежда Борисовна все оглядывалась.— Не помню...

— Ну вот! — озабоченно проворчал Григорий Афанасьевич.— Придется сбегать узнать.

— Не опоздайте! — предупредил шофер.— Скоро едем.

К столовой вело несколько дорожек.

Григорий Афанасьевич шел по узкой аллейке, заросшей кустами ежевики. Кусты были густые, высокие, выше человеческого роста. Этот кустарник и Нина и все здешние жители называли ажиной.

Григорий Афанасьевич прошагал почти всю аллею до конца, как вдруг ему показалось, что рядом звучит голос Нины. Он остановился, прислушался. Так и есть. За кустарником была Нина. Она говорила:

— Не велел с вами встречаться... Мы, говорит, не должны... У нас, говорит, будущее... Я даже плакала... Слава богу, с питания снялся... Знаете, как он меня назвал? Незабудочка... Незабудочка, говорит, ты моя...

— Не смейся, Найле,— послышался голос Паши.— Мы тоже станем такими...

Григорий Афанасьевич закрыл глаза. Он закрыл глаза и крепко сжал кулаки.

Вдали загудела машина. Он метнулся назад и побежал. Но голоса настигали его, словно их передавали по радио.

— Я не смеюсь. Он так-то хороший дядечка.

— Благородный старик. Пусть едет спокойно.

— Конечно... Чего ему переживать?.. Пусть едет...

Снова загудела машина — на этот раз где-то справа. Григорий Афанасьевич шел не туда. Он остановился, стал озираться, как безумный. И вдруг ему почудилось, что недалеко бьет корпусная артиллерия.

А это на море гремели волны, гремели здесь, поблизости, и там, за мыском, где любила купаться Нина.

В музее народного поэта

В последние дни войны я встретился в госпитале с сержантом-сапером. Узнав, что я из Белоруссии, он рассказал, как ему случайно удалось обнаружить в Германии книги из белорусской библиотеки и рукописи Янки Купалы. И мне хочется хотя бы коротко передать этот рассказ.

...Часть быстро продвигалась вперед. В небольшом немецком городке саперам было приказано обезвредить мины на улицах, проверить, не заминированы ли дома. Несколько групп отправилось выполнять приказ.

В одном из зданий был огромный подвал, заваленный книгами. Сержант поднял одну из них. Это был «Кобзарь» Тараса Шевченко со штампом белорусской библиотеки имени В. И. Ленина.

В другом тюке сержант увидел пачки рукописей. Взял одну пачку в руки и начал листать. Это оказались стихи Янки Купалы. Первой мыслью было: как спасти рукописи? Он бережно связал пачки, отнес их в дальний угол. Туда же положил еще несколько тюков книг. А затем, найдя кусок картона, написал мелом: «Здесь рукописи Янки Купалы».

Сержант был уверен, что рукописи белорусского поэта попадут в надежные руки. И он не ошибся.

После разгрома фашистской Германии многие книги, а вместе с ними и рукописи Янки Купалы были возвращены, но не в Белоруссию, а на Украину. В дальнейшем Академия наук Украинской ССР передала их литературному музею в Минске, где они бережно хранятся.

Л. ЕФИМОВ



В Минском литературном музее Янки Купалы.
Фото М. Савина.

Хорошо ли вас обслуживают?



ПРОДАЕТСЯ ДОМ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Ф. Коротксвича.

Перед отъездом в Ковров мы побывали на подмосковном лесоторговом складе, где продают стандартные дома.

— Можно купить дом?

— Выбирайте. — И нам протянули большой плакат, на котором были нарисованы семь типов домов для индивидуальных застройщиков.

В тесной, жарко натопленной комнате еще несколько человек рассматривали подобные же плакаты, но никто не торопился с покупкой.

— Цены указаны за весь дом? — спросил кто-то.

— За комплект.

— А надо к нему еще что-нибудь?

— Почитайте на стене.

Объявление гласило, что в дополнение к комплектам деталей для домов еще нужно купить глину и гипс, кирпич и песок, мел и толь, цемент и щебень, стекло и известь — всего 31 предмет.

— И все это можно купить на вашем же складе? — Голос вопрошавшего звучал неуверенно.

— Кирпича нет в наличии, а стекло ожидаем...

— Ну, а все остальное?

— Пока вывезете комплект деталей, может, и остальное появится... Не у нас, так на другом складе...

— Придется побегать!

— Зато дом приобретете! — Видимо, продавец уже не впервые произносил эти слова.

— А транспорт для перевозки даете?

— Доставкой домов не занимаемся.—У продавца было явно хорошее настроение.

— С первой же минуты попадаешь в лапы частных «предпринимателей», — печально сказал пожилой мужчина.— Ведь, небось, и грузить на автомашину нужно «своими силами»?

— Своими, папаша, своими! Кадрами тоже не обеспечиваем. Вот, почитайте...

И мы узнали, что для установки дома нужны строители следующих специальностей: землекоп, каменщик, бетонщик, плотник, столяр, маляр, печник, штукатур, кровельщик, стекольщик, электромонтер...

— Где же их взять?

— По частной договоренности. Кто как умеет!

— Во сколько же обойдется дом-то?

— Опять-таки кто как сумеет!..

— А вот, говорят, в Коврове продают готовые дома...

— Мало ли что говорят! — В голосе продавца послышалось раздражение.— Наше дело — торговать, а не строить...

...И вот мы в Коврове. Что же такое произошло в этом небольшом промышленном городке, что о нем слух прошел чуть не по всей стране, взволновав тех, кто уже стал или хочет стать индивидуальным застройщиком?

Началось с того, что на Ковровский лесоторговый склад неожиданно поступила большая партия стандартных домов — одноквартирных трехкомнатных, полезной площадью 53,1 квадратного метра. Директор лесоторгового склада Павел Ефимович Родичев слал возмущенные телеграммы своему начальству и в сердцах крепко ругал того, по чьей вине свалилось на него это несчастье.

А вагоны тем временем все поступали и поступали. Детали стандартных домов вскоре загромоздили всю складскую территорию. Родичев давал объявления в местную газету, взывал по радио, но торговля шла более чем вяло. Если бы все оставалось без изменений, скопившихся запасов с лихвой хватило бы этак лет на десять...

Правда, покупатели проявляли живой интерес к индивидуальному строительству стандартных домов. Ковров испытывает большую нужду в жилье, хотя в минувшем году тут построено вдвое больше жилых домов, чем в предыдущем.

Но, потолкавшись на лесоторговом складе, покупатели уходили ни с чем. Никакие уговоры Родичева не возымели на них действия. Разговор происходил примерно такой же, как и под Москвой.

— А где взять грузовики? Их, небось, с десяток потребуется?

— Ладно, обеспечу транспортом! — соглашался Родичев.

— Ну, а кирпич, стекло и прочее?

— Всем полностью обеспечу. В Москву поеду, но достану.

— Где ж рабочих найти?

— Сами ищите...

— Обманут, небось, халтурщики... Мы, металлисты, в строительном деле плохо понимаем...

— Наше дело — торговать...

На том и расходились. Лишь несколько «смельчаков» решились купить дома на свой страх и риск, и Родичев понимал, что нужно прислушаться к голосу потребителя. Он пошел в горисполком. И вот для индивидуального строительства был отведен в южной части города, в районе поселка Шашово, большой земельный массив, недалеко от леса и живописной реки Нерехты.

На этом участке лесоторговый склад начал своими силами возводить стандартные дома. Часть работ поручили воспитанникам строительного училища № 2, а остальную работу выполняла бригада, в которую входили и плотник, и маляр, и, печник — словом, люди всех специальностей, перечисленных в инструкции.

Для начала возвели два дома: первый на территории склада — смотрите, мол, чем торгуем! — и второй на отведенном участке,— пожалуйста, можете купить!

И его купили в тот же день, как строители сдали ключи. Владельцем стал слесарь Николай Павлович Дудоров. И вот ковровский слесарь, вчера еще живший на частной квартире и плативший ее хозяйке ежемесячно немалую сумму, на следующий день без труда и забот переехал в свой дом.

Почин был сделан.

На обочине шоссе появилось объявление:

«Граждане! Ковровский лесоторговый склад продает в собранном виде... каркасные трехкомнатные стандартные дома...»

И работа закипела. Родичев ходил довольный: он ежедневно заключал по нескольку договоров. В них говорилось, что он, Родичев, с одной стороны, и гражданин такой-то, с другой, обязались: первый — сдать через 30 дней собранный дом, а второй — уплатить его стоимость в сумме двадцати пяти тысяч рублей и получить ключи от этого дома.

На земельном массиве было сразу заложено сорок фундаментов для будущих домов, с тем чтобы зимой закончить их строительство. Очень скоро на все эти дома были заключены договоры. Некоторые покупали один дом на две семьи, и тогда в планировку его вносилось изменение, с тем чтобы каждая квартира имела отдельный вход, свою кухню и другие подсобные помещения. Такая квартира обходилась, естественно, вдвое дешевле и становилась еще более доступной.

Дома быстро росли, новый поселок приобретал с каждым днем все более обжитой вид. Зимней ночью все больше огоньков приветливо мигало через большие, высокие окна. Возникли улицы, которым дали название Лиственная, Хвойная, Кленовая... К поселку потянулись электрические провода. На одной из крыш взметнулась вверх первая телевизионная антенна...

Мы обошли дома новорожденного поселка. В каждом свои радости, свои планы на будущее. В этот день директор склада Родичев передавал ключи от построенного дома электрику Владимиру Ивановичу Белову и его жене Лидии Александровне.

— С новосельем! В добрый час!

— За дом спасибо!

И тут же был подписан акт о том, что «покупатель принял дом в собранном виде...»

Скоро в комнате Беловых уже раздались веселые тосты.

— Что ж мебели-то маловато? — спросил кто-то.— Поизрасходовался?

— И то верно... Да и достать-то мебель нелегко... Вот бы дом с мебелью продавали!..

Мы еще были в Коврове, когда Родичев с руководителями горисполкома выехал в Москву, чтобы получить новые стандартные дома и строительные материалы к ним. В числе вопросов, которые предстояло разрешить в Министерстве торговли РСФСР, был и вопрос о малогабаритной мебели. Действительно, почему не продавать не только готовые, но и меблированные дома?

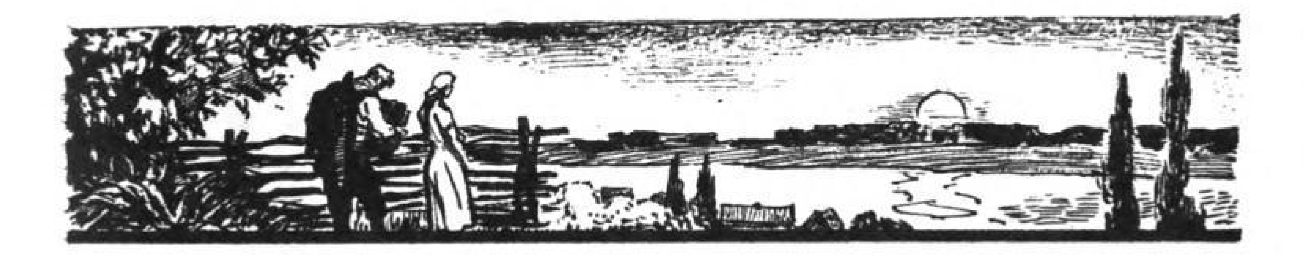
Не кажется ли вам, что в Коврове пошли по правильному пути и что этот путь куда более удобен, чем тот, по которому действуют в Подмосковье?



Счетовод В. А. Обрубова делает первую уборку.



Директор склада П. Е. Родичев передает ключи от дома его владельцам — Владимиру Ивановичу и Лидии Александровне Беловым.



Сердцу милый край

Дмитрий
БЛЫНСКИЙ



* * *

Как часто вижу ее во сне я!..
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не мог я с нею!
Ушла и назад не придет.
Ушла.

Я делал все, что она велела:
В такой овраг на лыжах летел,
Куда сам дьявол,
Взглянув несмело,
Пешком спуститься б не захотел.

А летом с удочкою с утра я
Часами просиживал у ручья.
И в каждой росинке
На разнотравье
Мы с ней отражались —
Она и я.

Со мной под грибными дождями мокла,
Стояла с рогаткою у плетня
И, целясь в птиц,
Попадала в стекла,
Но не ее ругали —
Меня.

Нередко учила с улыбкой счастливой,
Как в сад проходить
Через ход потайной.
Когда ж меня сторож «гладил» крапивой,
Стояла и плакала вместе со мной.

Меня познакомила с песнею звонкой,
С хорошею книгою и мечтой
И даже с девчонкой,
Даже с девчонкой,
Ничуть не ревнуя к девчонке той.

Мы думали думы одни и те же,
Влекли нас одни и те же пути.
Когда ж ее слушаться стал я реже,
Она от меня
Решила уйти.

Как часто вижу ее во сне я!..
Она задириста, весела.
Эх, даже проститься не мог я с нею!
Ушла навсегда моя юность.
Ушла.

* * *

Матери моей Прасковье Ивановне.

— Будь осторожным только, ради бога,—
Ты говоришь мне, провожая в путь.
Передо мною новая дорога,
И будет ли конец когда-нибудь?

Мне на прощанье машут медуницы,
Взгрустнул кудрявый вереск над ручьем.
Моя дорога каждая ложится
Морщиной новой на лице твоем.

Расправил чибис над сугором крылья,
И, может, с солнцем шепчется трава.
Пылится сын дорожной крепкой пылью —
У матери белеет голова...

* * *

Черемуха,
Весенняя, зеленая,
В саду пожаром белым зажжена,
Горит, бушует. Даже невлюбленные
Вздыхают: за̀ душу берет она.

Горит, бушует сполохами белыми
Да так, что стало, кажется, светлей
Под ивами, спросонок оробелыми,
Под ровным строем
Тонких тополей.

К ней жмется распустившаяся жимолость,
К ней тянется крушина от плетня.
Росою чистой
На рассвете вымылась,
Теперь спешит обсохнуть у огня.

Черемуха...
С низовья ветер дунувший
Разжег сильней пожар — попробуй тронь!
Но подошел к ней в синей майке юноша
И обломал,
И потушил огонь.

И вот теперь, беспомощная, робкая,
Она стоит — не мил ей майский сад.
Черемуха...
Проходят люди тропкою
И на нее уж больше не глядят.

Когда плывут и тают песни зорьками,
Когда гармонь вздыхает над ручьем,
Как не заплакать ей
Слезами горькими,
Прижавшись к тыну девичьим плечом!

Сад цветет

Ни пятнышка на небе.
Голубое,
Оно лежит, обняв простор земли.

Как будто сговорившись меж собою,
Все облака за окоем ушли,
Чтоб только день унылым, серым не был,
Чтоб были дали за селом ясны,
Чтоб жаворонок,
Ввинчиваясь в небо,
Считал себя хозяином весны.

И день такой, что лучшего не надо.
Лоза, нагнувшись, загляделась в пруд.
Цветет колхозный сад.
А мимо сада
Макарыча на кладбище несут.
Венок, сплетенный из цветущих веток,
Лежит на крышке гроба.
А в саду
Стоит шалаш у вишен-однолеток,
Я на него гляжу, чего-то жду.

Висят пучки шалфея и ромашек...
Вот-вот ты выйдешь к нам из шалаша,
Соломенною шляпою помашешь
И двинешься по саду не спеша.
От солнца щурясь, тронешь ветку груши
И улыбнешься:
Двадцать лет назад
Ты тонкий саженец, храня от стужи,
Укрыть своей фуфайкою был рад.
Когда ж на юных стебельках зеленых
Завязывала бантики весна,
Забыв про сон,
Сиял ты, как ребенок,
Которому от счастья не до сна.
Клочок земли, с которого босые
Сбегали груши, яблоньки к ручью,
Клочок земли,
Затерянный в России,
Вмещал в себя всю Родину твою.

Ни пятнышка на небе.
Голубое,
Оно лежит, обняв простор земли.
Как будто сговорившись меж собою,
Все облака за окоем ушли...
Молчат мужчины, женщины голо̀сят,
Спокойны, строги лица у ребят.
Макарыча на кладбище уносят,
А сад цветет,
Бушует майский сад.

* * *

«Дон, наш батюшка, Дон могучий,
Силу откуда берешь великую?»

— Здорово, Дон!
Я вновь на берегу.
В который раз шепчу:
— Здорово, Дон!
Сады станиц, что кажутся в снегу,
В весенних водах отражает он.
Я всякий раз, когда над ним стою,
Припоминаю маленький ручей,
Без имени,
Без прозвища,
Ничей,
Затерянный в лугах, в моем краю.

Он дорог мне, как песня,
До поры
Забытая, а вспомнишь — запоешь,
И встанут пионерские костры,
И девочка, бегущая с горы,
И встреча с ней,
И день, что так хорош.
Родившись из веселого ключа,
Между бугров он кольца вьет, журча.
То в лозняке теряется, то вдруг
На солнце греться выбежит на луг.
Я так им горд,
Хоть в виде запятой
Он значится на карте областной.

С ним связано все детство.
Над ручьем
Впервые музыку услышал я:
Свистела иволга перед дождем,
Вплетая свист
В журчание ручья.
Увидел, как на синем полотне
Он вывел облака, меня и мать.
С тех пор, наверно, захотелось мне
Вот так же научиться рисовать.

Жил у ручья и мой отец, и дед,
И прадед, и прапрадеды отца.
И я завидовал, что столько лет
Журчит ручей
И жизни нет конца.

— Здорово, Дон!
Я вновь на берегу.
В который раз шепчу:
— Здорово, Дон!
Сады станиц, что кажутся в снегу,
В весенних водах отражает он.
Я вдаль смотрю, в задонские края,—
Текут ручьи...
И всех не перечесть.
И счастлив я, что в водах Дона есть
Глоток воды
Из нашего ручья.

15 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СВОБОДЫ АФРИКИ



Письмо из Южной Родезии

Друзья!

Мы знаем о сочувствии вашего народа борьбе африканцев за свободу. Мы знаем, что это сочувствие искреннее, ибо у вас самих богатые традиции войн против оккупантов. В нынешней международной обстановке ликвидация позорной системы колониализма перестала быть делом спора между колонизаторами и порабощенными, мы рассчитываем на поддержку всех свободолюбивых народов мира!

Мировая печать пестрит сейчас сообщениями о событиях в Африке. Однако нередко даже расположенные к нам авторы — увы, даже у вас в стране! — называют наше движение к независимости «пробуждением Африки от векового сна».

Говоря об этом «летаргическом сне», подразумевают обычно культурный застой, неподвижность африканского быта и т. п.: будто Черная Африка до европейцев жила вне времени, вне истории. Это неверно и оскорбительно. Африка не спала. Как у всех народов, у нас есть своя богатая событиями история. В средние века африканские государства вовсе не отставали от тогдашней Европы. Что же случилось потом? Почему вдруг Африка превратилась в материк отсталых народов?

Наши предки действительно были отрезаны пустынями и океанами от цивилизаций Европы и Азии, и отсутствие культурного обмена действительно задерживало прогресс. Но что получилось, когда пришли европейцы? Они начали с грабежей, убийств и работорговли и кончили установлением бесчеловечного режима колониальной эксплуатации на расчлененных землях многострадальной Африки.

Возьмите, например, мою родину, Южную Родезию. Ведь мало кому известно, что в этой стране существовало в XIV—XVIII веках государство Мономотапа. Только поросшие травой развалины крепостей «зимбабве» напоминают теперь об одной из погибших африканских цивилизаций. Кто разрушил ее? Португальцы. Они вели непрерывные войны с Мономотапой более двух веков, пока не

АФРИКА В ОГНЕ БОРЬБЫ

Наблюдать сейчас за событиями в африканских колониях — все равно, что следить за перегретым котлом: когда он взорвется? Эпоха колониализма на великом континенте идет к концу. Одна за другой страны Африки восстанавливают свою независимость.

За послевоенные годы от колониальной системы отпали Эритрея, Ливия, Тунис, Марокко, Судан, Гана и Британское Того, Гвинея. Сбросил с себя цепи полуколониальной зависимости Египет, образовавший вместе с Сирией Объединенную Арабскую Республику. В следующем, 1960 году станут независимыми Нигерия, Сомали, Камерун, Того.

Но сто двадцать миллионов человек, половина населения Африки, все еще томятся в неволе. Стремление этих огромных масс африканцев к свободе становится неудержимым. Ближайшие годы принесут новые победы освободительному движению африканских народов.



Рисунки Поля ХОГАРТА.

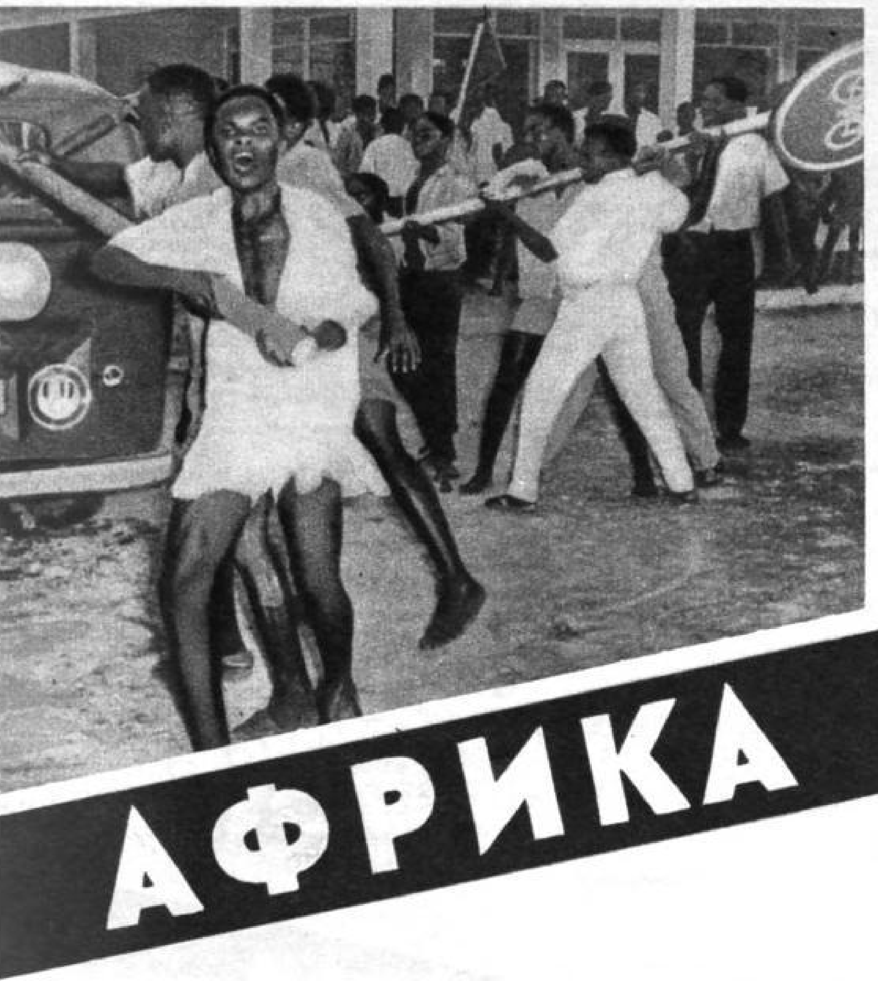


Конференция народов Африки, происходившая в декабре прошлого года в Аккре, столице независимой Ганы, впервые в истории провозгласила общей задачей африканцев освобождение континента от иностранной оккупации при жизни нашего поколения. Конференция призвала мировое общественное мнение поддержать стремление африканцев вступить в семью независимых стран. Лозунг конференции прозвучал на весь мир: «Империалисты, убирайтесь вон из Африки!».



Во всей колониальной Африке за африканцами установлена полицейская слежка. В Федерации Родезии и Ньясаленда, в Мозамбике и Анголе, в Юго-Западной Африке и в Южно-Африканском Союзе введена для африканцев позорная система пропусков. Целая орда полицейских и сыщиков проверяет «право на передвижение» этого африканца.

Тучи народного гнева сгущаются над колонизаторами. В начале этого года доведенные до отчаяния беспросветной нищетой и бесправием африканцы Бельгийского Конго вышли на улицы Леопольдвиля, требуя политических прав и работы. Выступление конголезцев повергло в трепет бельгийских колонизаторов. Теперь колонизаторы обещают «конституционные реформы», повышение уровня жизни и даже самоуправление... конечно, «со временем». Но африканцы знают цену обещаниям колонизаторов.



АФРИКА



Дети Африки... Эта африканская девочка, которую слепая ярость угнетателей загнала за колючую проволоку, не понимает, конечно, своего положения. Но придет день, когда взрослые в освобожденной Африке расскажут ей, как они боролись за ее счастье.

В Африке убит колонизаторами еще один африканец. Кто он? Где это было? В Кении или в Ньясаленде, в Камеруне или в Конго? Снимок из Дагомеи. Всюду в африканских колониях Англии и Франции, Бельгии и Португалии льется кровь.

разграбили страну и не уничтожили все, что не могли унести.

На смену им в XIX веке пришли англичане, прослышавшие о золотых россыпях к северу от Лимпопо. Здесь к тому времени образовалось новое государство народа матабеле. Правитель матабеле Лобенгула разгадал замыслы англичан. Но он понимал, что силы слишком неравны, и пытался предотвратить опасность мирным путем, предоставив англичанам концессии на разработку полезных ископаемых. Колонизаторам этого было мало. Им нужны были и наши земли, благо в этой области Африки благодатный климат; нужны им были и рабы: сами англичане работать, конечно, не собирались. В 1893 году английские войска вторглись в страну матабеле. Дружины Лобенгулы, вооруженные старыми ружьями и копьями, полегли под пулеметным огнем «носителей высшей культуры». Междуречье Лимпопо—Замбези превратилось в английскую колонию. Спустя четверть века белым колонистам было дано право создать свой парламент. Вот и вся история Южной Родезии.

Сейчас здесь живут два с половиной миллиона африканцев и сто восемьдесят тысяч европейцев. Европейцам принадлежат три четверти территории — лучшие земли в хорошо орошаемых районах на возвышенности. Африканцев загнали в резервации, составляющие четверть территории страны. Резервации расположены в засушливых районах, пораженных мухой цеце, укус которой убивает людей и животных.

Не подумайте, что горстка европейцев действительно сумела освоить все отобранные у африканцев земли. Их табачные, хлопковые и фруктовые плантации занимают всего 3 процента площадей. Вы спросите: зачем же было сгонять африканцев с их земель? Очень просто: безземельные крестьяне, чтобы прокормить семью и заплатить налоги, вынуждены батрачить у белых хозяев. В наши дни в промышленности и сельском хозяйстве южнородезийских колонистов и компаний работают 600 тысяч африканцев — при населении в 2,5 миллиона человек!

Если еще добавить, что африканцам платят ничтожно мало, что их не допускают к квалифицированному труду и что им запрещают объединяться в профсоюзы и бастовать, вам станет ясно, на чем основано пресловутое «экономическое процветание» нынешней Южной Родезии. На табачных листьях наш пот и наша кровь. А чтобы африканцы безропотно надрывались на тяжелой работе, им не дали гражданских прав, издали десятки дискриминационных законов и постановлений.

В Законодательном собрании Южной Родезии нет ни одного африканца. Нам говорят: невежественным и нищим нечего делать в парламенте, отсталым нельзя доверять управление, ими нужно управлять. Да, подавляющая часть коренных жителей неграмотна и бедна. В Южной Родезии у африканцев нет возможности получить хорошее образование, африканец не в состоянии повысить уровень своей жизни. Все это потому, что доходы от продажи добытого и выращенного нами сырья не остаются в стране. Они оседают в сейфах Лондона, Нью-Йорка и Иоганнесбурга. Однако это вовсе не означает, что в массе неграмотные и бедные по милости колонизаторов африканцы не доросли до политической сознательности. Создали же они свою мощную на-

Кения. Нельзя вспомнить без содрогания, как совсем недавно свирепствовали английские карательные войска в этой небольшой колонии. Десятки тысяч кенийцев были убиты, брошены за решетку или заключены в концлагеря. Вот один из лагерей «предварительного заключения» в Кении.

В Алжире народ продолжает отечественную войну за изгнание иноземных оккупантов. На снимке: один из отрядов национально-освободительной армии. Воины-патриоты полны решимости отстоять право алжирской нации на независимость.

В ОГНЕ БОРЬБЫ

Сколько международных заседаний дипломатов было посвящено запрещению рабства! Сколько было на Западе громких деклараций о том, что с рабским трудом покончено навсегда! А рабство существует, существует оно и в одной из стран капиталистического «свободного мира» — Южно-Африканском Союзе. Суды приговаривают тысячи африканцев к каторжным работам, и осужденные попадают в лапы частных предпринимателей. Европейские фермеры обращаются в тюрьмы, как в конторы по распределению даровой рабочей силы. Эта фотография, на которой видны поставляемые южноафриканским «правосудием» рабы, взывает к совести человечества!

родную организацию, Африканский национальный конгресс, выступающий с ясной и решительной программой демократизации страны...

Политика дискриминации и насилий по отношению к африканцам в Южной Родезии диктуется, как и во всех колониях, интересами легкой наживы.

Но это не все. Есть еще одно чувство, свойственное южнородезийским колонизаторам,— страх. Они знают, что делают грязное дело, и боятся возмездия. Именно этим объясняются зверские репрессии против любого выступления африканцев. Именно страх перед народным восстанием заставил их изолировать нашу страну от внешнего мира.

Даже создание Федерации Родезии и Ньясаленда объясняется не только экономическими выгодами, но и страхом перед национально-освободительным движением в протекторатах Северной Родезии и Ньясаленде, насильно присоединенных к Южной Родезии. Пламя пожара, как говорят у нас в народе, легко перекидывается на соседние дома. Теперь колонисты хотят превратить Федерацию в доминион. Африканцы понимают, что создание доминиона укрепит колониальный режим на всех трех территориях, на долгие годы задержит политический прогресс Северной Родезии и Ньясаленда, где создались все условия для образования самостоятельных африканских государств.

Заметили ли вы, дорогие друзья, как реагировали южнородезийские власти на события в Ньясаленде? Задолго до того, как там всерьез развернулись партизанские бои, до того, как там было введено чрезвычайное положение, они поставили на ноги все свои полицейские части, мобилизовали офицеров и солдат запаса, отправили в Ньясаленд десятки самолетов с карательными отрядами, в течение ночи арестовали 435 деятелей Африканского национального конгресса.

Сейчас они готовят законы о запрете конгресса и других массовых организаций трудящихся африканцев, о запрете митингов и других общественных собраний в резервациях, о репрессиях за «неуважительное поведение» и т. д. В городах и на дорогах Южной Родезии патрулируют солдаты. Бронечасти и авиасоединения приведены в боевую готовность... Это ли не проявление страха!

Над Центральной Африкой собираются грозовые тучи. Это будет гроза народного гнева. Она очистит нашу землю от грязи колониализма. И из-за туч выглянет солнце нашей свободы!

Джошуа НКОСИ



Лондонские студенты — англичанка и африканец — протестуют против репрессий в Родезии и Ньясаленде. На плакате: «Федерация означает расовую дискриминацию».

ЧЕРНИГОВКА



Недавно Ф. Вигдорова окончила повесть о воспитанниках А. С. Макаренко, пошедших по стопам своего учителя: Семен Карабанов и его жена Галя, которую Макаренко в «Педагогической поэме» называет «Черниговкой», работают в детском доме, всю жизнь отдали детям, лишенным родителей.

Когда началась война, Семен Карабанов (один из главных героев «Педагогической поэмы») ушел на фронт, а Галя эвакуировалась с детским домом на Урал. Однажды ее вызвали в военкомат и сказали, что на ее имя получен с фронта денежный аттестат от сына-летчика.

— Но у меня нет сына на фронте,— ответила Галина Константиновна,— моему сыну Антону всего два года.

Оказалось, что аттестат прислан одним из воспитанников Карабановых. У него не было матери, и он послал свой аттестат той, которая воспитала его и заменила ему мать.

Случай этот лучше всего рассказывает о жизни, всецело, без остатка отданной детям.

В повести, посвященной семье Карабановых,— она называется «Черниговка» — автор рассказывает о днях войны, о том, как мужественная и любящая женщина сохранила жизнь детей, с лишениях, которые выпали на ее долю, о том, как она заботилась о ребятах, растила и воспитывала их.

Ниже печатаются главы из этой повести.

Ф. ВИГДОРОВА

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

1

— Скорее позовите ко мне Мишу Щеглова!

Я держу в руках письмо и не могу поверить такому счастью: Мишин отец жив! Вот у меня в руках письмо, и в нем черным по белому: «Из Бугуруслана мне сообщили, что мой сын Михаил Щеглов находится в настоящее время во вверенном Вам детдоме. Я надеюсь, что ошибки нет. Прошу сообщить отчество мальчика, имя матери и другие сведения, которые помогли бы установить... Из Вязьмы мне сообщили, что жена моя умерла в августе сорок первого года от тифа».

Да, да, нельзя спешить. Сначала надо все сопоставить, проверить... Когда Миша входит ко мне, я спрашиваю его самым спокойным и безразличным голосом:

— Миша, как звали твоего отца?

— А что? Сергей Петрович.

Так! Очень хорошо.

— А маму?

— Еленой...

Не могу больше спрашивать, нет сил дольше тянуть. Протягиваю Мише письмо:

— Узнаешь почерк?

Он пробегает глазами письмо. И, побледнев, но ничуть не изменившись в лице, говорит:

— Да, это он писал.

— Миша, ты еще не понял, видно! Папа жив, понимаешь, оказывается, та похоронная — ошибка! Ну, понял?

Я трясу Мишу за плечи, мне хочется, чтоб скорее дошло до него счастливое известие, но он стоит предо мной по-прежнему спокойный, почти безучастный. Да что с ним?

— Я сейчас напишу твоему папе. Подумай, как он обрадуется! Садись и ты напиши. Вот держи бумагу, вот перо.

— Я не буду писать, Галина Константиновна.

— Почему?

— Галина Константиновна, не спрашивайте меня. Я ему не стану писать. Ни за что не стану. И пускай не приезжает.

— Он... он обидел тебя? Или... маму?

— Галина Константиновна, если б он воровал, если б он судился... Я б вам сказал... А этого не скажу... Хоть режьте...

Я с трудом разжала его руки: заплакав, он закрыл лицо руками и стиснул их изо всей силы. Он плакал без слез, судорожно всхлипывая и мотая головой. Что же тут случилось? Чем виноват отец перед Мишей, что кроется за этим «не скажу»?

Он ушел и, как я поняла, ничего не рассказал ребятам. Я была рада, что тоже еще не успела никому рассказать. Всем было любопытно, зачем я звала Мишу, но после первых же вопросов от него отстали.

Долго я думала над тем, как ответить Мишиному отцу. Кажется, ни разу в жизни мне не приходилось писать такое трудное письмо. Каково будет ему получить от меня несколько сухих строчек — и ни строчки от сына! Когда пишешь неправду, и слова-то лезут под перо какие-то неживые:

«Миша Щеглов, находящийся во вверенном мне детдоме, действительно оказался Вашим сыном. Его отчество — Сергеевич, мать звали Еленой, они жили в Вязьме, где и умерла от тифа Ваша жена».

Я не объясняла, почему не пишет Миша. Что-то удерживало меня от прямого разговора с человеком, о котором его сын сказал, что он сделал что-то худшее, нежели воровство...

* * *

Ребята были еще в школе, когда в дом на Незаметную пришел человек в шинели. Я видела, как он поднимался по лестнице. За плечами у него был мешок. На серой шапке-ушанке не растаял снег. Человек шел со станции; я знала, что недавно прибыл поезд из Дальнегорска. Кто он, этот приезжий? С какими вестями? Почему-то я ждала его с тем же неуверенным чувством надежды и страха, с каким раскрывала теперь письма. Каждый человек, каждое письмо могли принести с собою и радость и горе. Что несет нам вот этот, который идет сейчас по лестнице?..

Он шел со ступеньки на ступеньку, тяжело поднимая ноги, и, только одолев лестницу, вскинул глаза. Я увидела лицо усталое, худое. Правый рукав был пуст. Он протянул мне левую, здоровую руку.

— Щеглов!

Смятение, испуг? Не знаю, что было острее во мне.

Я смотрела на этого усталого солдата и искала в его лице причину отвращения, с каким говорил об этом человеке его сын. Обыкновенное, ничем не примечательное лицо. Оно внушало скорее симпатию, чем неприязнь. Правда, подбородок безвольный, срезанный, как у черепахи. Но зато линия губ добрая, мягкая. И по обеим сторонам рта глубокие, болезненные складки.

«Надо сказать ему... — подумала я. — Предостеречь. Но что сказать, от чего предостеречь? Я просто спрошу: почему сын не захотел вам написать?»

— Здоров Миша? — спросил Щеглов.— Я нарочно без предупреждения. Мог бы дать телеграмму, но телеграммы, сами знаете, как идут сейчас. Можно сказать, ползут, а не летят. Дай, думаю, неожиданно. Вот сразу, не предупредив. Где же все ребята? Ну да, в школе. Далеко же вы, однако, забрались, можно сказать, на самый край света. В Азию...

Я даже не знала, волнуется ли он. Пожалуй, только многословие и выдавало его тревогу. Но катастрофы он не ждал, он жадно расспрашивал про Мишу и повторял:

— Удивительное все-таки счастье. Ведь все нити были потеряны. Он меня не разыскивал, считал убитым. А я искал... Упорно искал. Это Бюро по розыску детей... знаете, в Бугуруслане, они работают, можно сказать, героически...

Я все ждала минуты, чтоб вставить слово, чтоб приготовить его. Но внизу послышался глухой шум: возвращались ребята. Я оставила Щеглова в кабинете и побежала вниз. Миша сразу попался мне на глаза. Оживленный, румяный с мороза, он начал было мне о чем-то рассказывать.

— Папа приехал,— сказала я, не слушая.

Миша остановился как вкопанный, краска отлила от его щек. Он крепко сжал зубы, так что желваки заходили на скулах, и хрипло сказал:

— Не пойду!

Я стала подниматься по лестнице. Ну, что ж. Надо собраться с силами. Сейчас я скажу: «Сын не хочет вас видеть». И тогда я наконец пойму, что случилось, что стоит между ними.

И вдруг я услышала, что кто-то бегом поднимается по лестнице. Миша нагнал меня. Он пошел рядом, вместе со мной вошел в комнату и остановился у двери.

Щеглов вскочил, бросился к сыну. И вдруг испуганно отшатнулся. Я обернулась: Миша смотрел на отца с выражением открытой нена-



висти, хуже того, злобы. Это было как удар. И все-таки снова Щеглов шагнул к мальчику и положил руку ему на плечо. Миша вывернулся. Отец взял его крепче и притянул к себе. Тогда Миша нагнулся и укусил руку, лежавшую у него на плече. Щеглов, вскрикнув, отдернул руку.

— Не трогай меня! — громко, отчетливо и зло сказал Миша.— Ты меня не смей трогать!

Я застыла на месте, не умея понять, не смея вмешаться.

— Галина Константиновна! Теперь я вам скажу. Он похоронную на себя сам написал! Чтоб отвязаться от нас. От мамы...

— Что ты говоришь такое?.. Зачем ты?.. — дрожащими губами начал Щеглов и, точно разом обессилев, опустился на стул.

Миша не отвечал ему. Он обращался только ко мне:

— Мама два класса кончила... почти неграмотная была... Он раз товарищу своему сказал: «Разве она мне пара?» Я слышал, я все слышал. Когда похоронная пришла, мама заплакала, а я только посмотрел, сразу узнал почерк. Потом деньги пришли, как будто от его товарища. И еще приходили, по триста рублей. Он сам и посылал — такой он добрый!

Миша говорил, точно в бреду. Он повторял одно и то же по нескольку раз: и про мамины два класса и про триста рублей.

Отец сидел молча, повесив голову, безжизненно уронив здоровую руку.

— Я приехал за тобой,— выговорил он наконец.— Поехали бы к бабушке жить. В Новосибирск.

— Без мамы! Отвязались от мамы, а теперь «в Новосибирск»! Никуда, никуда, никуда я с тобой не поеду!

Миша вдруг круто повернулся, с маху толкнул плечом дверь и исчез.

Мы молчали. Мне не надо было спрашивать, правду ли сказал мальчик. Что уж тут было спрашивать? Щеглов приподнял руку — с нее капала кровь — и беспомощно взглянул на меня. Я вынула из шкафа пузырек с йодом. Он прижег ранку.

А жизнь в доме шла своим чередом, и не могла я без конца оставаться наверху. Я уходила, возвращалась. Щеглов все сидел, как прежде, даже не сняв шинели, только расстегнув ее. Ему принесли поесть. Он ни к чему не притронулся. Он сидел то ли в глубокой задумчивости, то ли в бездумье. Стемнело, он не зажег огня. Я вошла, повернула выключатель.

— Снимите же шинель,— сказала я.— И поешьте. Мы постелим вам здесь, переночуете.

Он как бы очнулся, поднял глаза.

— Вы думаете, он со мной не поедет?

Я молчала. Как он может спрашивать, сомневаться?!

— Он сказал правду. Я думал, так будет лучше для нас с ней. Чтоб ей не было обидно, не ушел, не бросил, а погиб. Думал, уеду после войны куда-нибудь, она не узнает даже. А потом затосковал без сына. Понял: не могу один. Стал разыскивать, где они. Из Бугуруслана сообщили. Вот я и приехал. Как же теперь?

— Он не поедет с вами...

— А вы не могли бы...

— Не могу...

— Но ведь вы даже недослушали... Я прошу вас поговорить с ним. Ведь бывают же в жизни человека ошибки. Разве вы сами никогда не ошибались?

— Ошибалась.

Молчание было долгим, давящим. Щеглов поднялся и начал застегивать шинель.

— Куда вы?

— На станцию.

— Переночуйте. Час поздний.

— Нет.

— На дворе мороз. Вокзал не топлен. Завтра пойдете.

— Нет.

Щеглов оправил портупею. Неловко потоптался на месте, пошарил по карманам, вынул большой перочинный нож и положил на стол:

— Пять лезвий. Он мечтал.

Надел ушанку. Постоял. Потуже затянул пояс. Может, он колеблется, раздумывает: не остаться ли? И вдруг я поняла, что он просто боится выйти.

Наконец он отворил дверь, шагнул за порог, спустился с лестницы и пошел по коридору.

Там, у трех печей, сидели ребята. Они молча оборачивались, когда проходил Щеглов. Он шел, как сквозь строй. Все немело на его пути.

Я отворила дверь на улицу. Жгучий морозный воздух ударил в лицо.

— Может, останетесь? — спросила я.

— Нет.

2

Вот как это было. С утра я снова пошла в райсовет к Буланову. Шла угрюмо, зная, что это бесполезно: ничего я не сумею добиться.

В этот день дома было не только холодно, но еще и сыро. То ли Симоновна позже, чем всегда, затопила печь, то ли холод был у меня внутри, но когда я встала и начала одеваться, Лена сказала: «Мама, когда пойдешь, закутай шею моим платком: мороз. А ты вся сегодня какая-то не в себе. Ты вся какая-то зеленая».

Я шла по городу, ничего не замечая вокруг. Я смотрела себе под ноги и видела только следы чьих-то больших валенок. Ночью шел снег. Следы были глубокие, по краям пухлые.

Ни в один поход, ни на одно дело человек не должен идти с чувством обреченности: ничего, мол, не получится. А я, как вспомню, именно так и шла к Буланову в то утро.

В приемной было человек десять, и все женщины. Как и я, в платках и ватниках. Только директор педучилища Лидия Игнатьевна была в пальтишке, ветхом, с потертым воротником, но все-таки в пальтишке. Мы сидели и молчали. Лишь одна молоденькая девушка все бегала к секретарю, шумела, возвращалась, искала у нас сочувствия. Очередь вздыхала в ответ. Наконец и девушка смолкла. Села, подобрала под стул ноги и как будто задремала.

И вдруг в тихой, будто уснувшей приемной раздался мужской насмешливый голос:

— А вы молодец, что валенок не носите! Все-таки женщина — это, как ни говори, изящество, легкость!

Диковато прозвучал в ушах десяти утомленных нескончаемым ожиданием женщин, которым, право же, было не до изящества и легкости, этот насмешливый голос.

Унылая приемная. Окна голые, без занавесок. Исшарканный ногами пол. Окурки в пепельнице и на полу. Тусклый свет из окон. Но главное — угрюмость, печаль, усталые люди. И печать заботы на лицах. Казалось, даже платки на головах женщин, даже снятые варежки — и те точно голос печали, горечи, заботы. И девушка, зябко подобравшая под стул ноги в ботинках. А что это были за ботинки! Старомодные, высокие, почти до колен, со шнуровкой. Откуда бы? Из каких сундуков, в наследство от какой тетушки? Бедняга!

Что же он такое говорит? Валенки... Их трудно, невозможно достать. Надевая валенки, можно надеть шерстяные носки. Ноги можно обернуть газетой. Можно надеть пары три старых чулок — все пойдет в ход. Эх, если бы у моих ребят, у всех до единого, были валенки, мне бы снились золотые сны! А он — изящество, легкость!..

Я захлебнулась:

— И как у вас язык повернулся! Да вы что-нибудь понимаете? Да вы...

В ответ раздался смех, громкий, веселый... Я смотрела на этого человека сквозь раздражение утра, сквозь озлобление, смотрела, почти не видя. В военной шинели, погоны отпороты, и там, где полагается быть правой руке, пустой рукав. Он не смеет, не может не понимать!

— Изящество! Легкость! Можно подумать, что на наши плечи ничего не легло, что у нас прежние заботы...

— Маникюр! Перманент! — крикнула молодая, та самая, в высоких башмаках со шнуровкой.

— Маникюр!..— повторила я.— Когда целыми ночами думаешь, почему нет писем с фронта, да живы ли вы там, да целы ли, тут не до легкости, не до изящества. А до того, сохранить бы детей.

Последних моих слов он уже, конечно, не слышал, я и сама их не слышала: они потонули в общем гаме.

— Да что ты расстраиваешься! Да плюнь ты на него! Мужики — они все такие. Ты тут хоть сердце свое положи, ты тут ночей не спи, а он — изя-а-щество! — кричала пожилая женщина, моя соседка.

— Да если бы я где достала валенки!..— воскликнула та, в ботинках. В голосе ее слышались злые слезы.

— Женщина, она, конечно, как вы изволили справедливо заметить, существо действительно изящное, по возможности легкое, так сказать, муза...— Это говорила Лидия Игнатьевна, директор педучилища. Она протирала пенсне и язвительно улыбалась.— Это мы все отлично знаем. Однако на вашем месте... поскольку мужчине должны быть свойственны благородство и великодушие, на вашем месте я бы воздержалась...

Он бы ответил и явно собирался отвечать, вовсе не сраженный нашим криком, но в эту минуту открылась дверь кабинета и раздался голос Буланова:

— Граждане, что за базар?

Любитель изящного встал со своего места и, не потерявшись, пошел Буланову навстречу. Мы опомнились только тогда, когда дверь за ним закрылась.

— Собака! Еще без очереди! Ведь он только перед вами пришел! — В голосе молоденькой слышались восторг и возмущение.

— Ну что ж, прелестный и слабый пол,— сказала Лидия Игнатьевна, надевая пенсне,— в итоге так и получается, что мы всегда уступаем им дорогу.

* * *

Ночью я проснулась как от толчка. Даже не знаю, проснулась ли, спала ли. На потолке лежала прямая белая полоса — то ли лунная дорога, то ли снеговые отсветы.

Семен... Да, да, Семен... Я закрыла глаза, потому что надо было спать. Другие считают до ста. А я говорила себе: ночь, ночь, ночь. Это означало: спи, спи, спи. Забот нет... ночь.

Но что-то мучило меня. Грызло, сверлило. Солонина? Топливо? Валенки? Ах, да! Валенки! Изящество! Легкость!

Зачем мы на него кричали? Ведь он был прав. Дело только в том, что мы не могли, ни я, ни Лидия Игнатьевна, охватить неохватимое. Не было у нас на это сил. А вообще хорошо бы, конечно, и чулки и туфли какие-нибудь. И перчатки. Не варежки, а перчатки.

Я слышала, на рынке одна тетка говорила: «Знали бы вы, какая я была до войны полная, белая. У меня крем такой был — лимон и сливки, очень хороший крем. Помажешь кожу — и такой цвет лица!..»

«Чудачка!..— подумала я.— Лимон и сливки! На лицо-то! Вот бы сейчас Антоше лимон и сливки. И Егору... Но, наверно, она не такая уж чудачка. Наверно, лимон и сливки—это хорошо. Вот в военкомате уже поверили, что я мать двух взрослых сыновей. Какая же я стану, когда вернется Семен? Всякий поверит, что у меня уже и внуки есть. И ничего удивительного. Ватник и валенки, конечно, никого не украшают. Вот если бы туфли и чулки... Ну, ладно, туфли какие-никакие есть. Чулки бы. Мне одной пары хватило бы до самого конца войны, до самого Сениного приезда. Я бы надевала их очень-очень редко: на ноябрьские, майские и Новый год. Еще 8 Марта, пожалуй. И в дни рождения детей. Вот сколько праздников набирается!

Недавно я слышала, как Наташа говорила Тоне:

«Аферистка она, спекулянтка. Полный мешок чулками набила, а теперь за хлеб продает. Есть же такие дуры, которые хлеб на чулки меняют!»

«Дуры-то дуры... А вон Лариса Сергеевна тоже ходила менять. И на вечер в клуб пришла в чулочках: тонкие, шелковые»,— сказала Тоня.

«Бежевые?» — с внезапно вспыхнувшим интересом спросила Наташа.

«А как же! Именно что бежевые».

«Вот бы нашей Галине Константиновне!» — промолвила Наташа.

«Ну да!.. Станет она...— с раздражением заметила Тоня.— Есть ей время этими делами заниматься».

Я вздохнула и открыла глаза. Потолок ответил мне невозмутимой светлой полосой. «Отставить,— сказала я себе,— отставить чулки. Спать».

* * *

Ну вот, теперь не откажут. Райком партии решил — теперь и овощи будут. И стекло. Все будет!

За стеклом к директору завода штурманских приборов я решила пойти сама. Пошлешь ребят — опять подсунут что-нибудь не то. Я сказала себе: без стекла не вернусь! Надо было застеклить крайнюю комнату в нижнем этаже. Это означало: еще одно помещение для мастерских. Мы понимали: сидеть на шее у горсовета больше нельзя, да и стыдно: сами с руками! Дело близилось к весне, и надо было хлопотать об участке для огорода. Значит, нужны лопаты, грабли — все это надо делать самим. О дровах на будущее тоже надо позаботиться загодя, надо выхлопотать лесную делянку и самим заготовить топливо — значит, нужны топоры и пилы. Нет, без стекла не вернусь! А в случае чего скажу: Соколов. Удивительно, что такой хороший человек может для кого-то быть пугалом!

Да, в случае чего подниму телефонную трубку. Рука в варежке мысленно уже тянулась к телефону, и я слышала свой голос, спокойный, злорадный: «Извините за беспокойство, Всеволод Алексеевич, но вы сами просили звонить. Да, да. Стекла не дают. Что ж такого, что обещали; не дают — и все. Обычная картина. Передать трубку директору? Пожалуйста! Вас к телефону, товарищ Федотов».

Вот так и скажу. А он там как хочет. Судя по тому, как на меня оглядывались прохожие, я поняла, что думаю вслух. Со мной так бывало, я знаю.

Вот и завод.

— Товарищ Федотов еще занят,— сказала секретарша.

— Отлично. Я подожду. Но прошу доложить: Украинский детдом.

Когда я вошла, директор медленно поднялся мне навстречу. Блеснула улыбка. Я знала эту улыбку, откуда я ее знала? Ах, да: легкость, изящество! Да, это он. Он протянул мне левую руку и сказал:

— Ближе к сердцу!

Правый рукав гимнастерки был заправлен под ремень.

Мне надо было достать стекло, и поэтому я сказала:

— Для нашей мастерской необходимо...

— Мы ведь с вами знакомы,— сказал он.

— Да, да,— ответила я.

— Я вас еще раз видел, у Соколова.

У Соколова? Я не помнила. Мы должны говорить о стекле, и мы будем сейчас говорить о стекле. Но он не расположен был говорить о стекле. Он говорил:

— Да, я заметил, вы тогда ничего не видели... В первый-то раз, в райсовете, вы шумели, кричали. А тут сидели такая тихая, безответная. А когда человек не орет, не жалуется, его куда жальче.

— Жалость — это хорошо,— ответила я сухо,— хотя Горький считал, что жалость унижает человека. (И что это я ему нотацию читаю? Ближе к стеклу!).

— Горький плохо знал женщин,— сказал он, стряхивая пепел левой рукой.— Женщина любит, когда ее жалеют. Это, между прочим, подчеркивал Толстой.

— А я не женщина, я директор детского дома. И я пришла...

— Да, да,— ответил он.— Я понимаю, вы пришли по делу.

— Наши мастерские,— начала я объяснять,— чрезвычайно нуждаются в том...

— Что же вы стоите? — сказал он.— Садитесь.

«Ближе к стеклу!» — твердо решила я.

— Наши мастерские...— услышала я свой деревянный голос.

— Есть в лицах людей,— продолжал он,— что-то почти летящее... Не знаю: ясно ли я говорю?

— Мы нуждаемся в стекле, потому что...

— Чисто женская манера по десять раз повторять одно и то же,— произнес он.— Ведь я уже сказал на том совещании, где ваш детдом хотели выселять: стекло дам. Дам стекло, ясно?.. Так вот, я люблю лица, которые о себе ничего не знают. Самозабвенные лица. Есть такие, сразу видно, думают: сейчас я улыбнусь, мне идет, когда я улыбаюсь. Или: надо быть сдержанным, сейчас я изображу на лице, что я сдержанный или там волевой. Надо прямо сказать: в вас этого нет. Вот что я ценю. И в женщине и вообще в человеке.

— Стекла мне надо довольно много,— сказала я.— На три окна, а хорошо бы и про запас. Стекла-то бьются, ведь дети...

— Да, да,— ответил он,— я люблю, знаете, эту простоту в людях, когда...

И вдруг я поняла, что он даст мне стекло. В самом деле даст. Сколько я попрошу, столько и даст.

— Лучше бы на пять окон,— сказала я.

— Идет! — легко согласился Федотов.

Нет, этого не может быть! На пять окон!

Я почувствовала свое могущество впервые за много месяцев. В этот редкий час я могла застеклить целый дом в два, нет, в три этажа! Я могла...

— Я сразу понял, что вы с Украины. Говорок такой. Наш, особый.

— А вы тоже?

— А как же! Киевлянин. С Подола.

Он протянул мне бумажку с крупной размашистой подписью. Я схватила ее, поспешно сложила вчетверо и спрятала в сумочку.

— Где получать? У вас на складе? Или где?

— На складе. А говорите вы неграмотно: три окна, пять окон. Окна-то разные. Хорошо, я проходил по Незаметной, знаю ваши окна, рассчитал. А в Киеве я люблю каштаны. И Владимирскую горку. Вы гуляли когда-нибудь по Владимирской горке? Нет, вы сидели там на лавочке? И глядели на Днепр? Тишина какая, а? Покой, а?

— Спасибо вам большое за стекло! — сказала я.

— Да ну вас! — ответил он.

И мы оба засмеялись.

— Заходите, если что. Поможем. Народ у нас отзывчивый.

О, я зайду! Я люблю, когда дают стекло на пять окон!

Когда я вышла из заводоуправления, мне почему-то захотелось обернуться. И я обернулась и посмотрела наверх. Он стоял у окна.

«Большой души человек!» — подумала я. Не надо врать себе, нехорошо. Я думаю сейчас про другое. Я думаю про то, что, оказывается, бывают случаи, когда я могу быть даже сильнее Семена. Он, наверное, не получил бы сегодня стекла на пять окон. Я шла, и под моими валенками весело скрипел снег.

«А все-таки он тогда прошел без очереди, и это нехорошо»,— сказала я снегу. И бодро зашагала домой, прижимая к себе сумочку, в которой лежало разрешение на стекло. «Этой бумажки никто у меня не отнимет. Она моя! Мое стекло! Стекло для нашего дома! Да здравствует легкость! Да здравствует изящество!» — подумала я, глядя на задранные носки своих валенок.



3

Вот и снова осень. Как странно идти по большому городу! Высокие дома. Широкие улицы. Троллейбус, трамвай. Несмотря на ранний час, на улицах людно. После маленького тихого Заозерска Дальнегорск, куда я попадаю не часто, всякий раз кажется мне огромным. Совещание заведующих детскими домами начнется еще не скоро. Я уже позавтракала и теперь брожу по городу. Останавливаюсь у сегодняшней газеты, и первое, что вижу, снимок: в придорожной пыли лежит ребенок, поднявший руку как будто для того, чтобы заслониться от удара. Он мертв. Нет, никуда не спрячешься от войны. Да разве я желала спрятаться? Нет, просто хотелось идти по городу и ни о чем не думать. Но не думать нельзя. Не помнить нельзя. И нельзя, чтоб не болело сердце тупой, постоянной, неотвязной болью.

Вчера заведующий облоно Ильин сказал, что в Дальнегорск прибыл эшелон с детьми-дошкольниками. Надо скорее разобрать малышей по домам.

Он просил всех нас подумать, кто может взять этих ребятишек. Если каждый детдом возьмет десять, двадцать, тридцать человек... Да, он знает, положение у всех трудное. Но как же быть? Это дети из освобожденных районов. Дети-сироты. В каждом городе детские дома брали детей, неужели Дальнегорская область останется в стороне? Он просит, очень просит нас подумать.

Я знаю, мне нельзя взять больше ни одного ребенка. Некуда будет уложить, посадить. Мы не так давно приняли ленинградцев, нам тесно и трудно. И думать нечего. И вдруг я поняла, что со вчерашнего дня ни о чем другом не думаю, только об этих ребятишках, которых привезли сюда, в Дальнегорск. Потому-то первое, что я увидела в газете, был мертвый малыш, поднявший руку словно для того, чтобы заслониться от удара.

Я зашла на телефонную станцию и попросила разговор с Заозерском. Усталая, охрипшая девушка сказала, что сможет соединить не раньше чем через три часа. А наше совещание должно было начаться через час.

— Мне по очень важному делу,— сказала я робко.

— У всех важные дела! — надрывно закричала девушка.— Сейчас нет неважных дел. Подумаешь, у ней у одной во всем свете важное дело! Кого вам там в роно? Калошину? Идите говорите! Заозерск на проводе!

Я побежала в кабину и схватила трубку.

— Товарищ Калошина? Это я, Карабанова! У меня очень важное дело...

Я рассказала про детский эшелон и попросила, чтобы вечером Ирина Феликсовна была в роно у телефона. Чтоб до вечера она посоветовалась с детьми. Чтоб все на месте сообразили. Я думаю, можно взять человек десять. Как скажут ребята?

— А вы как считаете? Алло, алло! Товарищ Калошина!

— Да и считать нечего. Помещения-то у вас нет?

Что-то застрекотало в трубке, потом щелкнуло. Больше я ничего не слышала.

— Я же говорила! Не время сейчас Заозерску! Приходите через три часа! — снова хрипло закричала девушка.— Оформляю второй заказ!

Когда я пришла в городской театр, совещание уже началось. Я села в задних рядах, с краю. На трибуне стоял высокий пожилой человек. Он рассказывал о своем детском доме. Я с завистью слушала о большом подсобном хозяйстве, о богатом урожае картофеля и овощей.

— Ну, так он здесь уже лет двадцать, не меньше. Нашел чем удивить,— проворчала моя соседка.— А вот попробуй на новом месте, на голом месте. Как я... А тут еще велят брать этих маленьких. Поверьте, сутки ломаю голову. Некуда мне их брать, ну вот некуда, хоть плачь!

Того, что был на трибуне, я слушала вполуха. Я, как и соседка моя, ломала голову. Нам бы еще одну комнату. Нет, надо две. Ведь это малыши. Им надо играть... Не могут же они целый день сидеть в спальне. И не могут есть за нашим столом, им нужны маленькие столы, маленькие стулья. Ну, с этим мы бы сладили: столярка у нас хорошая и ребята — мастера умелые. И сетки для кроватей сами сплетем. Но что об этом думать, если помещения нет. Зачем я звонила в Заозерск, если знаю, что ровно ничего поделать нельзя?

Придя на телеграф, я тотчас услышала:

— Карабанова! Карабанова! Вызывает Заозерск! Пятая кабина! Карабанова! Заозерск, Карабановой нет!

— Есть! Я! Это я!

— Так чего же вы! Ору изо всех сил, а вы в молчанку играете!

Я не стала слушать, что она там еще кричала. Потыкавшись в разные двери, я нашла наконец пятую кабину.

— Галина Константиновна?— В трубке звучал свежий, молодой голос Иры Феликсовны.— На совете дома решили взять десять человек.

— Но...

— Мы все обдумали и рассчитали. Мы уже были в детском саду, смотрели мебель.

— Ирочка, а помещение?!

— Как, я не сказала? Мы пошли в райком. Да, к Соколову. Он говорит, что нам отдадут дом Паченцевых. Там одна горница двадцать метров, а другая шестнадцать, да еще кухня. Мы были там, смотрели. Печка отличная! И Соколов сказал, что завтра нам подбросят дров. Приезжайте скорее!

На ходу завязывая платок, я бежала к городскому театру. «Молодец,— мысленно говорила я Ире, — молодец, что догадалась пойти к Соколову! Кто еще помог бы так быстро?!»

Дом Паченцевых стоял через дорогу на той же Незаметной улице, где жили мы. Отец и два сына были на фронте, мать месяц назад переехала к родным в Свердловск, оставив дом в распоряжение райсовета. Что ж, мы будем платить. И ей подспорье, и мы выйдем из положения.

Поспеть бы до конца перерыва! Сейчас надо разыскать Ильина и сказать ему. А, вот он!

— Товарищ Ильин! Товарищ Ильин! Я сейчас говорила с Заозерском. Мы сможем взять десять ребятишек. Только нам надо недели две, чтоб приготовиться. Можно это?

— Спасибо! Вот спасибо! Вы первая. Я думаю, у вас легкая рука, и сейчас дело пойдет. Может, поделитесь с товарищами с трибуны?

— Ой, нет!

Он засмеялся:

— Ну, нет так нет! Я сам скажу.

И перед концом заседания он сказал что-то о патриотическом почине, о необходимости следовать благородному примеру. Я не знала, куда девать глаза.

...И вот они приехали. Их было десять, они знали только, как их зовут, и не все могли назвать свою фамилию. Смуглая девочка лет двух сказала, что ее зовут Юша, и упорно стояла на этом. А другая говорила про себя, что она Алеша.

Ира Феликсовна посадила ее к себе на колени.

— Меня в детстве звали Зорей,— сказала она мне.— Вот бы со мной сейчас намучились. Так как же тебя зовут?

— Алеша.

— А мама тебя как звала?

— Алеша.

— А папа?

— Алеша.

— А бабушка у тебя есть?

— Есть.

— А как она тебя называла?

— Мое солнышко...

— Ах ты, господи! Ну, а тетя у тебя есть?

— Есть. Она звала меня Леночка.

У нас у всех вырывается вздох облегчения. Не так просто с Юшей: она может быть и Катюшей, и Раюшей, но она не соглашается ни на одно имя.

— Может быть, ты Катенька или Раечка? Может быть, тебя зовут Соня?

— Я Юша! — повторяет она упрямо и смотрит исподлобья большими сердитыми глазами.

Привезла ребят Татьяна Сергеевна Белобородова. Это была высокая женщина с замкнутым красивым лицом. Оно было не только замкнутое, оно было... брезгливое, пожалуй. Когда мы в бане мыли детишек, она все делала как следует — мылила головы, стараясь, чтоб мыло не попало в глаза, и терла мочалкой спины, но я видела, что все это она делала через силу, с трудом подавляя в себе что-то, и ребята каким-то непостижимым чутьем это угадывали. Лопоухий мальчишка оглушительно орал и бился в ее руках и тотчас умолк, как только его перехватила Ира Феликсовна. У нее он терпеливо и старательно жмурился, когда шапка пены сползала ему на глаза, и не завопил, когда она окатила его более, чем следовало, горячей водой. Она сама испугалась, а он смолчал.



Уже после бани, во время обеда, я видела, как Татьяна Сергеевна утирала нос беленькой сероглазой девочке. Она делала это добросовестно и тщательно, но как твердо при этом были сжаты ее губы!

— Вам с детьми работать не надо! — без обиняков вынесла приговор Лючия Ринальдовна.

Тотчас поняв, не переспросив, Татьяна Сергеевна перевела взгляд на меня.

— И вы так думаете?

— Да, и я.

— Но что же мне делать? У меня ребенок, мне надо работать.

— У нее ребенок! А эти не ребята?! — беспощадно сказала Ступка, выходя из комнаты.

— Но что же мне делать? — вспыхнув, повторила Татьяна Сергеевна, и губы ее задрожали.— Что мне делать, если я не могу с собой справиться. Но я же делаю все, что надо... Вы не знаете, какие они были, когда приехали в Дальнегорск, — грязные, вшивые, с поносами. Я вшей вычесывала...

Она даже вздрогнула при этом воспоминании. И я сказала:

— Мы поищем для вас другую работу.

— А жилье? Ведь, если я останусь, я и жить тут буду? А если уйду...

— И жилье найдем. Вам с чужими детьми нельзя...

...Вечером первого дня я обошла спальню, такую непривычную — низкие маленькие кровати с сетками... Подоткнула одеяла, поправила подушки.

— Тетя! — прошептал лопоухий мальчик. Его звали Костей.— А мне сказали, что мама моя умерла и зарыта в ямке. А скоро она из ямки придет?

— Спи, спи,— сказала я, проводя рукой по его щеке.

— А моя мама кудрявая...— вдруг послышался голос с соседней кровати. Это говорила Соня — прозрачно-худая четырехлетняя девочка. Днем за обедом она кричала, держа в руке бублик:

— А зачем тут дырка?

Ира Феликсовна ответила ей:

— А ты съешь — вот дырки и не будет.

Она послушалась, съела, а потом очень волновалась, пока ели другие. Сейчас она говорит тихо, мечтательно, растягивая слова:

— А у моей мамы...— Вдруг она замолкает и смотрит на меня строго и пристально: — Позови маму! — приказывает она.— Пускай мама придет!

Я боюсь, что она заплачет и переполошит всех. Я беру ее к себе на колени, и вдруг все как по команде садятся на своих кроватях.

— Возьми меня! Возьми меня! — слышится со всех сторон.

Сколько их было — все десять встали, цепляясь за сетки, держась руками за перила кроватей. И когда громко заплакала Соня, стали плакать все. Навзрыд плакала белоголовая сероглазая Катя, судорожно всхлипывал худенький, остриженный наголо Юра.

— А-а-а-а! — тянула Алеша, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Хочу к ма-аме!— надрывно кричала Соня.

Что я им говорила? Все, что приходило в голову! Что обещала? Все на свете! Я переходила от кровати к кровати, утирала слезы, целовала мокрые щеки, не переставая говорить, обещать, рассказывая все сказки разом. Я обещала, что мы пойдем в лес и увидим зайца, белку, медвежонка, обещала покатать их на санках... Я бы и живого слона им посулила, лишь бы унять сейчас этот горький многоголосый плач.

— И меня покатаешь? — всхлипывая, спросил Юра.

— Всех покатаю! А сейчас все будут лежать тихо и спать... спать... спать...

— Сядь ко мне!

— Нет, ко мне!

— Я сяду вот здесь и всем спою песню... Только надо спать... Тихо... Спать!

Я села на низкую скамеечку у дверей и запела. Я пела долго, тихо, на одной ноте, боясь встать и спугнуть наступившую понемногу тишину.

Когда я вышла, в соседней комнате сидела на подоконнике Ира. Лицо ее было бледно, губы сжаты.

— Я хотела помочь вам, да потом решила — не надо. Много народу — хуже...— промолвила она. Минуту помолчала, потом подала мне листок: — Это я нашла в кармане у Катеньки.

Я стала под лампой и прочла:

Я знаю, будет мир опять
И радость непременно будет.
Научатся спокойно спать
Все это видевшие люди.

Мы тоже были в их числе —
И я скажу тебе наверно,
Когда ты станешь повзрослей,
Что значит тьма ночей пещерных.

Что значит в неурочный час
Проснуться в грохоте и вое,
Когда надвинется, рыча,
Свирепое и неживое.

И в приступе такой тоски,
Что за полвека не осилишь,
Понять: опять ревут гудки,
Опять зенитки всполошились.

Но в дорассветной тишине
Между раскатами орудий
На миг приходит к нам во сне
Все то, что непременно будет:

Над нашим городом опять
Рубиновые звезды светят.
И привыкают мирно спать
Сиреной пуганные дети.


Академик С. Н. Мергелян.

В мире кибернетики

Мариэтта ШАГИНЯН

1

Для многих из нас было неожиданностью, когда в далекой высокогорной республике Армении два с лишним года назад решено было создать один из новейших и современнейших институтов, посвященный, как говорится, «последнему слову» науки и техники, — Научно-исследовательский институт математических машин. Ереван — и кибернетика! Но здесь перед нами страничка другой, нашей собственной науки, которую стоит прочесть, науки социалистического планирования.

Дело в том, что в Армении за последние годы одно за другим возникли огромные промышленные предприятия, вызванные к жизни местным сырьем и запасами энергии. А эта высокая промышленность успела, в свою очередь, создать вокруг себя большую техническую культуру, великолепные рабочие кадры, главное — вызвала интерес к технике в армянской молодежи. Университет и Политехнический институт выпускают ежегодно целую маленькую армию инженеров, физиков, математиков,— вот тогда вступилась в дело кибернетика: для нужного ей института в Ереване оказалась самая подходящая почва. Институт математических машин (сокращенно он называется НИИММ) — это особый вид научного учреждения; он не только исследует, но и производит, и в нем, изучая вещь, эту вещь делают. В его лабораторном корпусе, например, собирают необходимейшие для нашей страны машины; в другом корпусе, где находится «Вычислительный центр» Армянской Академии наук, сидит необычайная комбинация специалистов — математик и филолог; они изучают сложный процесс составления инструкций для машины, чтоб она могла делать переводы с языка на язык, и в самом процессе изучения создают эту будущую машину-переводчика, и, наконец, третий корпус института, именуемый «экспериментальной базой», есть, в сущности, завод математических машин, потому что здесь «эксперимент», «опыт» и заключается в конструировании продукта. Для такого необычайного института, где исследование и производство идут рука об руку, нужны и особые кадры — молодые кадры, со свежими, гибкими мозгами; не потому, что они **знают** сейчас новую специальность (до сих пор в наших вузах и втузах учат по старому курсу счетных машин и устройств, где почти ничего нет о кибернетике!), а потому, что, **не зная** еще нужной специальности, они на свежую, молодую, заинтересованную и способную увлекаться всем новым голову легче и быстрее могут подучиться, переквалифицироваться и ориентироваться в новом деле, нежели пожилые, с затвердевшими, старыми знаниями и забитой памятью специалисты.

В НИИММе свыше тысячи сотрудников; большинство их — питомцы Ереванского политехнического института и университета; многие из них побывали (их послал НИИММ) в Москве и Пензе, чтобы подковаться и переквалифицироваться по части счетных машин. Все они влюблены в свою молодую науку, в свою новую, необычайную технику, в свою работу, где мозг и руки заняты одинаково. И всем им в среднем не больше двадцати пяти лет! Стоя среди них, я вдруг почувствовала философию возраста с такой силой, как никогда раньше, я почувствовала невероятную тяжесть своей головы на плечах, словно это была тяжелейшая артиллерийская обойма,— ведь подумать только, все клетки ее забиты памятью виденного и пережитого, памятью первых краснопресненских баррикад в Москве 1905 года, гибели адмирала Макарова в японскую войну, Мазурских болот империалистической войны 1914 года, священных дней Октября и чего-чего только еще, не говоря уже об изученном, прочитанном, усвоенном,— и таскать все это в шаре головы на собственных плечах! А тут вокруг меня молодые, полные емкости и готовности схватить, узнать, запомнить, совсем свежие головы, для которых даже Отечественная война 1941 года подернута фиолетовой дымкой далекого воспоминания детства... Молодость новой науки — и молодость тех, кто реализует ее сейчас на нашей земле! Но тут есть еще одно замечательное обстоятельство, на которое обратил мое внимание директор института.

У большей части человечества сложилось представление об автоматике, этом «последнем» этапе развития техники, как о чем-то выключающем человека из работы и оставляющем ему на долю очень мало действия или даже совсем никакого действия. «Кнопконажимающая» эра — и сам человек станет чем-то вроде автомата, все его функции сузятся и упростятся. И в этом постепенном захвате машиной действий живого человека, в отстранении ею рабочих от работы и мерещится людям самое страшное в автомате, в управляющих математических машинах. А между тем здесь опять могучий образчик диалектики развития, между тем тут «все совсем наоборот».

Сотрудники нового института — это потомки замечательных армянских рабочих-кустарей, руки которых умели делать целую вещь и отвечали за целое. Новая автоматическая техника снова возвращает своего работника к этой целостной психологии кустаря, только не старого наивного кустаря (рисовавшего, строгавшего, вырезавшего, точившего, полировавшего, красившего и т. д. одну свою вещь), а нового «кустаря-универсала», который должен уметь не одну какую-нибудь свою заводскую операцию, ничего подчас не зная о том, что до нее и после нее, а знать и понимать всю машину целиком и для этого быть сведущим не только в технике, но во всех смежных науках. Математическая машина требует частого контроля, примерно каждые сутки. Чтоб управлять ею, контролировать ее работу, делать профилактику и выявлять ее мелкие неисправности, не говоря уже о ремонте, работник должен быть не только инженером, но и серьезно подкованным в нескольких науках, образованным, умелым человеком, с развитой рукой и способностью видеть и чувствовать целую вещь. Автоматика не исключит будущего человека из работы; наоборот, она включит его в целостную, хозяйскую работу, потребовав от него очень высокого уровня образования и тренировки руки.

— Вот почему наши армянские кадры как нельзя более на месте в институте,— заканчивает директор свой рассказ.

Но я еще ничего не рассказала читателю о самом директоре института, молодом академике Сергее Никитовиче Мергеляне.

Если когда-нибудь будут составлять графики человеческих судеб, то многие биографии примут, вероятно, типовой облик, и мы станем говорить о людях: тот — ломоносовской линии судьбы, этот — горьковской, один восходит медленно и гранится со всех сторон, до универсальности во многих областях науки и культуры, другой борется одним и тем же оружием и достигает вершины одной своей области. Про Сергея Никитовича Мергеляна можно сказать, что у него моцартовский график судьбы. Ребенком он под влиянием отца-инженера упоенно возится с техникой; ереванскую десятилетку оканчивает, перескакивая через класс, а физико-математический факультет Ереванского университета — перескакивая через два курса; пишет в аспирантуре у академика М. В. Келдыша, о котором говорит с чувством горячей благодарности, в первый же год пребывания в Москве, кандидатскую диссертацию, а на защите получает вместо кандидата степень доктора. Первая его математическая работа печатается, когда ему всего девятнадцать лет; двадцати пяти лет он уже Сталинский лауреат за другую блестящую работу, где нашел общую теорему «О приближении непрерывных функций посредством многочленов на произвольных замкнутых множествах», и член-корреспондент двух академий наук, Всесоюзной и Армянской, а двадцати семи — академик и член президиума Армянской. Этот «убыстренный» процесс прохождения через этапы,

который занял бы у другого человека всю его жизнь, проделывается Мергеляном неторопливо, естественно, без всякого напряжения, с той нормальной для него легкостью, с какой юноша Моцарт вступил в музыку зрелым мастером четырнадцати лет. Но «график судьбы» Мергеляна был бы сужен и обеднен, если б я не рассказала о другой его линии, общественной. Этот строгий мыслитель, с юных лет поглощенный одной из самых отвлеченных, самых трудных наук в мире, только совсем недавно сменил свой комсомольский билет на партийный, и в его характере и поведении сохранилось много драгоценных комсомольских черточек.

Вот какие данные, надо сказать, необычайно удачно слившиеся в одном человеке, привели С. Н. Мергеляна на пост руководителя Научно-исследовательским институтом математических машин, куда мы сейчас поедем вместе с читателем своими глазами повидать чудо нашего века, электронную математическую машину.

2

Зима в Ереване в этом году выдалась такая же неустойчивая, как в Москве: то мороз, то оттепель, семь пятниц на неделе. Но здесь, не в пример Москве, сквозь всяческую хлюпь и влагу ветер доносит с дождем и снегом к нам неизменную сухую свежесть (или свежую сухость) — своеобразный «алгоритм» природы, выражающий действие всех метеорологических функций на высоте около тысячи метров над уровнем моря, а говоря попросту и без претензий, ни при какой мокроте не дающий забыть нашим легким, что дышат они в высокогорной стране с чудным, бодрящим, разреженным воздухом. Эту длинную, витиеватую фразу я привела для того, чтоб сразу же уговориться с читателем (если он так же мало понимает в математике, как и я), что об очень сложных вещах буду говорить с ним на самом простецком языке уровня моего понимания этих сложных вещей, и пусть математики великодушно простят меня!

Институт, куда мы сейчас едем, разбросан по трем местам Еревана, и первая наша остановка — в лабораторном корпусе. Здесь создаются (точнее, уже почти созданы и должны в этом году уйти по назначению) три машины с армянскими названиями: гора, город и река Армении дали свои имена новейшим представительницам автоматизма. Первая, «Арагац»,— это универсальная вычислительная машина для научных учреждений, конструкторских бюро и т. д.; она может проделывать до 10—20 тысяч операций в секунду. Вторая, «Ереван», о которой создатели говорят, как о хорошем школьнике, что у нее «очень развитая логика и система команд», менее быстра: она будет делать до 2 тысяч операций в секунду, и применение ее очень широко. Третья, тоже сдаваемая в текущем году, зовется «Раздан» и будет в нашей стране первенцем: вместо электронных ламп, на которых работают «Арагац» и «Ереван», она сконструирована на полупроводниках; это значит, что размеры ее меньше, сама она портативней, работать начинает включением прямо в сеть переменного тока обыкновенным штепселем, как комнатная люстра, и энергии берет не больше, чем эта люстра, хотя скорость ее не меньше 4—6 тысяч операций в секунду. Покуда всего три машины, но объем их действий огромен; и здесь же, в институте, кстати сказать, делается машина для нашего ЦСУ (Центрального статистического управления), которая будет обрабатывать миллионы анкет всесоюзной переписи населения.

Прежде чем пройти к этим машинам, поделюсь с читателем маленьким кусочком истории о времени того самого книжного теоретизирования некоторых наших философов, которое, с точки зрения развития нашей техники, можно было бы назвать прямо преступлением. Мне кажется, об этом надо сказать, потому что это, может быть, остережет наших мудрецов из басни Хемницера, рассуждающих, сидя в яме, о веревке («веревка — вервие простое»), повторять свои ошибки в будущем. Дело в том, что — как ни странно это звучит — манера без разбора наклеивать ярлыки на чисто научные открытия в физике и математике, еще как следует в них не разобравшись, привела к тому, что мы недооценили огромное практическое значение кибернетики и на несколько лет отстали с разработкой математических машин; и, например, один из ведущих ученых в этой области, пустивший в ход самый термин «кибернетика» (управление), Норберт Винер, до сих пор простить не может одной из наших газет, что она несколько лет назад назвала его «мракобесом». Наши темпы, конечно, позволят нам и в этой области, как во всяких других, догнать и перегнать Америку, но пока что в Америке уже что-то около шести тысяч машин, в Англии — около двухсот; и хотя Англия уступает Америке по быстродействующим машинам, но зато «средний класс» английских машин очень хорош и, главное, практически уже заметен в своем применении в торговле, банке, конторах, конструкторских бюро, научных учреждениях, где он постепенно меняет внешний облик работы этих учреждений. И мы должны наверстать упущенное время, чтоб математическая машина сделалась повседневностью и в нашей стране и разгрузила человека от всех бесчисленных операций, которые он может выполнять «машинально», без творческой инициативы.

Вместе с С. Н. Мергеляном и заместителем его по научной работе Б. Б. Мелик-Шахназаровым мы переходим в первую лабораторию корпуса, где делается (верней, уже почти сделан) «Арагац» и где начальником молодой киевлянин Б. Е. Хайкин. Должна сказать, что я с великим волнением подошла впервые к «Арагацу», на котором мне предстояло с моим непригодным к математике мозгом осилить хотя бы приблизительно процесс работы самой передовой техники в мире.

И вот «Арагац» стоит передо мною лицом к лицу, вернее, я вижу его с фасада, напоминающего нечто среднее между большим пианино и маленьким органом. Его начали разрабатывать в мае 1957 года, а сейчас наладка узлов машины (арифметического; узла управления; узла памяти) уже закончена. Продолжая сравнение с органом, глаз отмечает детали машины: пульт управления, похожий на выдвинутую клавиатуру органа; длинную трубу сбоку, несущую охлаждение (от чересчур сильного нагрева, создаваемого большим количеством электронных ламп), и, если снять стенки, закрывающие машину, то множество головок, выпукло выступающих с ее лицевой стороны. Наверху — арифметический узел; здесь сложение двух чисел выполняется в одну двухсоттысячную долю секунды; ниже — узел управления, автоматически управляющий работой вычислительной машины, устройством ввода в машину чисел и инструкций, устройством печати (отпечатывание результата операции на бумаге) и памятью. Сам «узел памяти» находится в боковой части машины. Обойдя ее и заглянув ей в тыл (опять же обнаженный от стенок), видишь совсем другую картину, другую пластически: если фасад, утыканный «головками», приводит в память не то кончики труб органа, не то головки молоточков рояля, то с тыловой стороны вы видите нечто вроде ребристого ящика с полками, на которых, прилегая друг к другу, как пластинки для радиолы, поставленные острием, расположены ячейки, или «клетки», машины (их в «Арагаце» тысяча); именно в этих ячейках, на их пластмассовом основании, и собрана, как в клетке живого организма, вся жизнь машины. И эти клетки, «триггеры», смонтированы вместе, подобно живой ткани. Надо сказать, что под влиянием Винера антропоморфические, то есть очеловеченные, названия для частей машины и процессов, происходящих в ней, особенно укрепились в науке. И поэтому вам говорят, что каждый «триггер» **запоминает** один из двух знаков двоичного языка, на котором человек разговаривает с машиной, единицу или нуль. Язык этот, позволяющий комбинацией из единицы и нуля передать любое число, ложится в основу «инструкции», или «программы», или приказа, какие человек дает машине; на перфорационной бумажной ленте он превращается в систему проткнутых дырочек, чередующихся с плотной бумагой (отверстие и пауза), и когда электрический ток проходит через отверстия и не проходит через бумажные перегородки, возникает, почти со скоростью прохождения света, речь электронных импульсов — «да» и «нет»,— чередование которых доводит до машины приказ и выполняется ею с быстротой, какой человек не то что подражать, но даже представить себе не может.

Все это, хоть изложенное с примитивностью и приблизительностью профана, можно легко понять заурядными мозгами. Но представим себе, что на ваших глазах машина в мгновение ока (до чего прекрасно это русское выражение, заменяющее сухие слова «почти со скоростью света»!) производит по заданию человека сложнейшие вычисления, на которые понадобилось бы одному человеку несколько лет. Понятно, что в первую минуту зритель будет ошеломлен чудодействием самой машины и почти с суеверным ужасом будет глядеть на нее. Возьмем еще пример: совсем недавно автоматический завод, где один человек управлял сложнейшими производственными процессами, сидя у пульта и нажимая кнопки, казался нам чудом техники; но вот вместо диспетчера у пульта встала математическая машина, и это она управляет заводом, а диспетчера вообще нигде не видать. Получая «в мгновение ока» сигнал с производства (в виде соответствующих электронных импульсов) о том, например, что давление газа превысило норму или опустилось ниже нормы, математическая машина может с быстротой, равной скорости получения сигнала, и рассчитать, что надо сделать для урегулирования давления, и передать соответствующую команду. Разумеется, человеку такая быстрота идеального управления совершенно недоступна. Невольно у простого, неискушенного наблюдателя родится тот самый суеверный ужас, о котором я говорила выше, перед силой и превосходством машины: еще бы, она делает такие дела, каких человеку ни в жизнь не сделать!.. И начинается фантазия о чудо-машине, о роботе, о восстании машин, об их схватке с человеком.

Может, однако, получиться и совсем другое впечатление. Зритель спросит себя: машина делает чудеса... но **почему** она **может** их делать, каким образом человек **заставляет** машину делать эти чудеса? И тут, нащупав ответ на свой вопрос, зритель переведет свой взгляд с машины, этого мертвого сборища узлов из металла, пластмассы, проволоки, стекла, на живого и дышащего хозяина вселенной, самое совершенное дитя природы, человека, и подумает, чего только не в силах создать человек, куда только

В Научно-исследовательском институте математических машин. Идет наладка быстродействующей вычислительной машины «Раздан». На снимке: главный инженер института Б. Мелик-Шахназаров (крайний справа), главный конструктор машины, заведующий лабораторией Е. Брусиловский (слева) и инженер Ю. Бостанджян (в центре).

Фото Дм. Бальтерманца.



не в состоянии дойти в своем развитии человеческая мысль!

Мне остается теперь своими собственными, приблизительными словами рассказать об ответе, который «нащупал» наблюдатель на свой вопрос «почему».

3

Начну опять издалека, хотя это и окажется совсем рядом: с реформы нашей школы. Нам надо образовать и обучить молодежь подлинно политехнически, начиная с первых азов математики в школе. Но чтоб удалось это, надо решительно переделать и существующие учебники и старую методику! Вот сегодня кончающий десятилетку становится в тупик перед нужнейшим понятием современной науки — алгоритмом. Он никогда о нем не слыхал. Он что-то такое краем уха слышал в связи с кибернетикой, о которой тоже имеет весьма туманное представление. А между тем, сидя на школьной скамье, будучи еще ростом с ноготок, он преспокойно выводил пером по тетрадке, еще отпечатанной в клетку, знаменитый алгоритм Эвклида и вообще то и дело сталкивался с алгоритмами, решая первые свои задачи по алгебре на уравнения с иксами и игреками. Как шестьдесят лет назад (60!) на первых уроках моих по алгебре, так и спустя шестьдесят лет (60!) на первых уроках по алгебре моего внука, мы проделывали эти уравнения бессмысленно, затвердив правило, не подозревая, для чего все это делается (кроме как получить по алгебре хорошую отметку), и совсем не зная, что зазубренное правило есть, в сущности, таинственный алгоритм современной кибернетики. Что же это такое, «алгоритм»? Правда, точного математического объяснения этого понятия, если верить ученым математикам, нет и до сих пор, хотя над ним бились еще со времен Лейбница; но есть простое и ясное **описательное** объяснение (и оно всегда было), совершенно достаточное для простого человека. И если б школьнику в самом начале уроков по алгебре толково и увлекательно объяснили, что такое «алгоритм», являющийся как бы дверью в задачи, которые он будет проделывать в классе; и если б учебная методика в устах учителя расцвела широким букетом аналогий из мира других наук, из области человеческого поведения, из сокровищницы созданной человеком культуры,— школьник не только понял бы яснее отвлеченный язык математики, он был бы захвачен им, а позднее — и философией, возникающей из этого языка. Но для этого надо нам по-новому готовить самих учителей математики, и вообще, взяв быка за рога, начать с переучивания учителей.

Итак, что же такое «алгоритм»? В хорошей, популярной книжке Б. А. Трахтенброта[1] говорится: «Под **алгоритмом** понимают точное предписание о выполнении в определенном порядке некоторой системы операций для решения всех задач некоторого данного типа». Нужно выполнить очень сложное дело. Его разбивают на более простые действия, простые — на простейшие, а простейшие — на самые простые и элементарные. Создается цепочка детерминированных действий, элементарно-простейших, для которых ни ума, ни инициативы не требуется и которые можно сделать автоматически, машинально. И если эту цепочку, эту последовательность простейших операций сковать в правило, держась за которое, как за Ариаднину нить в лабиринте, можно беззаботно выполнить сложнейшую операцию, то вот это правило, или «точное предписание о выполнении», и есть алгоритм. И надо только понять, что, следуя «точному предписанию о выполнении», не только **можно** решить все данные задачи данной группы, но и что, следуя этому алгоритму, **нельзя не решить** всех данных задач данной группы. Нельзя **не** выполнить — вот главный секрет математической машины. Человек путем алгоритма ставит машину в такое положение, при котором она, приведенная в действие, не может не выполнить полученной инструкции. Говоря фигурально, он как бы «тыкает ее носом» в нужном направлении, как бы ведет ее за руку шаг за шагом, обусловливая ее прямые действия и ее косвенные действия так, что она **вынуждена** бывает, перебирая множество возможностей, выбрать решение. Иначе говоря, гений человека проявляется именно в том великолепном акте, требующем математической культуры, который и составляет «точное предписание о выполнении», ту самую Ариаднину нить, по которой машина начнет свое электронное, или механическое, или полупроводниковое путешествие. И если зритель думает, что приказание человека машине заключается в простом окрике «сделай мне то-то», «вези туда-то», «вынь да положь то-то», как приказывал кузнец Вакула пойманному черту, то он глубоко ошибается! Приказание человека заключается в гениальном составлении инструкции, по которой он ставит машину в положение, когда она **не** может **не** выполнить эту инструкцию. И когда вы это поймете, вас действительно охватит восторг — не перед машиной, а перед гением человека, все шире и глубже разворачивающим свои безграничные возможности.

4

Мне хочется сделать здесь лирическое отступление. Когда я стояла перед машинами ереванского института, оголенными от своих верхних покровов, и старалась всеми силами постичь работу их обнажившихся механизмов; когда мне показали изящную маленькую «Раздан», у которой громоздкие (сравнительно) электронные лампы заменены миниатюрными, ажурными полупроводниками (диодами и триодами); и когда, наконец, был удовлетворен верх моего любопытства и я увидела, что такое «память» машины, которую она держит и на барабане с магнитной лентой, где вписаны, как на магнитофоне, бесчисленные информации, и на кассетах с сеткой координат, пересечения которых охвачены мельчайшими колечками — «сердечниками», — несущими в себе оперативную память; когда я почувствовала, наконец, всю силу человеческого гения, заставляющего эту инертную массу материи с помощью подчиненной человеком энергии двигаться именно туда, куда нужно человеку, я совершенно неожиданно для себя вдруг вспомнила совсем неподходящую вещь...

Я очутилась мыслью далеко-далеко, на Чуйском тракте, ведущем из Горно-Алтайска в Кош-Агач, к границе пустыни Гоби. Дивные снежные вершины — «белки» — окружали нас. На бесчисленных перевалах мы вылезали из машины и рвали не единицы, а букеты, охапки белых замшевых эдельвейсов. Внизу, под скалами, грохотала камнями и давилась пеной река. И мы заехали в особый совхоз, «маралий», чтоб посмотреть, как режут маральи рога, из которых делается пантокрин. Мы остановились у конторы. Вокруг расстилался могучий, густой лес. Где же загон маралов, этих пугливых пятнистых оленей?

— А вот загон,— ответили нам, показавши рукой на лес.

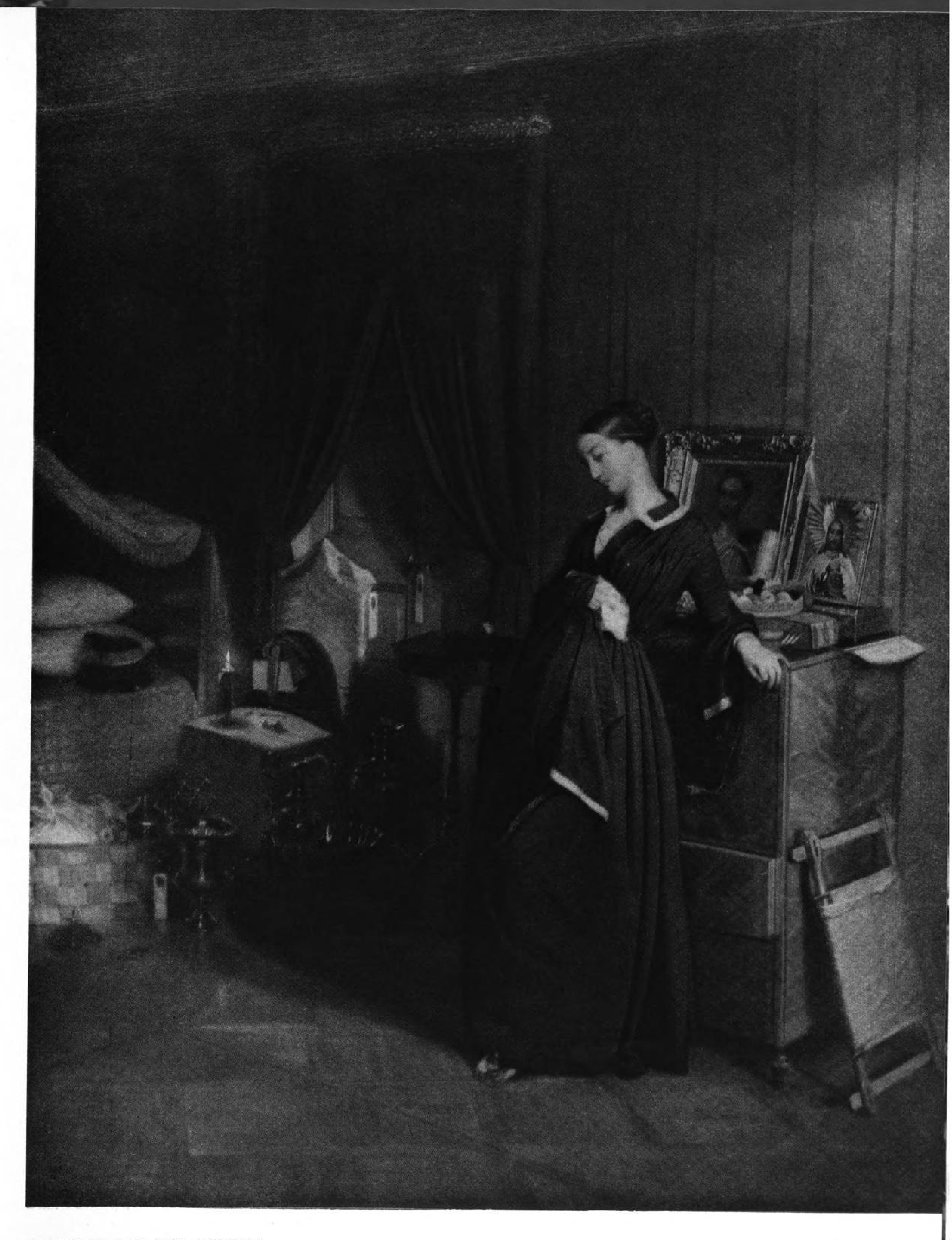
И мы стали свидетелями простой, но яркой драмы. В густом и, казалось бы, совсем первобытном лесу на полной свободе паслись дикие маралы. Но лес не был первобытным. Он был очень хитро превращен в лесной лабиринт, из которого можно было бежать лишь в одном направлении. Пощипывая траву, олень незаметно передвигался вперед, а зеленые стены справа и слева от него постепенно суживались, пока не превратились в коридор, из которого был только один путь — вперед. Испуганный марал рванулся от этой узости — и вдруг вслед за ним, чуть ли не коснувшись его крупа, тихо опустилась белая стена. Это была съемная, выбеленная известью дверь. Даже нам, зрителям, смотревшим из-за стены, стало как-то страшно этого неотвратимого, медленного движения белой двери. Олень затрепетал и скакнул от нее вперед. Но тут опять сверху вниз совершенно беззвучно поползла белая стена. Обезумев от страха, бедный марал помчался по единственно открытой дороге, но тут что-то екнуло, затрещало: как бильярдный шар в мешок, олень провалился в поджидающий его станок. Прежде чем он опомнился, огромные, мускулистые люди набросили на него ремни, затянули их, сильные руки схватили рога оленя и стали пилить по мягкой кости. И вот уже облачко пара встало над капнувшей теплой кровью в прохладе осеннего утра... А нам были видны подернутые пленкой томления большие оленьи глаза и частые, как слезы, капли пота, стекавшие с его мелко дрожавшей морды. Минута — ремни сняты, безрогий марал шатающейся походкой сходит со станка, и вот он опять в лесу и уже пробирается в глушь, между стволами...

Так я вспомнила, стоя у «последнего слова техники», бесхитростную ловушку в глуши алтайских гор. Но дикий марал не мог не попасть в нее, он не мог не пойти туда, куда заставил его пойти человек. И что может быть, в сущности, сильней и могущественней человеческой мысли, восходящей от простого к сложному, от примитивного орудия к совершеннейшей технике и заставляющей подчиняться, подчиняться себе стихию мертвой и живой природы!

[1] Б. А. Трахтенброт. Алгоритмы и машинное разрешение задач. Государственное издательство технико-теоретической литературы. Москва. 1957, стр. 7.



В Бомбее на 41-м конгрессе индийского научного общества встретились академик С. Н. Мергелян и Норберт Винер.



П. А. Федотов [1815—1852]. ВДОВУШКА

Третьяковская галерея.



Третьяковская галерея

П. А. Федотов. ЗАВТРАК АРИСТОКРАТА.

Читатель отзовется

Вера СМИРНОВА

Работа писателя не ограничивается созданием книг — романов, повестей, рассказов, пьес, стихов. Как рабочий, отработав смену, не забывает свой завод, как учитель, окончив уроки, продолжает думать о своих учениках,— как всякий творческий человек, писатель постоянно думает о своем литературном деле, участвует в борьбе, которая, как и во всяком живом деле, всегда происходит в литературе, делится своим опытом с другими, помогает молодым, встречается с читателями. Я не говорю здесь о той общественной работе, которую выполняют многие наши писатели, являясь депутатами Советов, делегатами съездов, судебными заседателями, членами общественных организаций. Я имею в виду именно литературную работу, потому что у писателя и участие в борьбе, и обмен опытом, и помощь молодым, и связь с читателем, и заветные думы о своем труде — все выражается словом, все осуществляется посредством слова, газетная ли это статья, или выступление на собрании, или письмо товарищу, или дневниковая запись.

И чем ярче, самобытнее, талантливее писатель, тем интереснее и эта часть его литературной работы, тем больше прав она имеет быть включенной в собрание его сочинений как самый достоверный комментарий к его творчеству, к его жизни и деятельности. Но, будучи существенным добавлением к биографии писателя, все эти письма, дневники, записные книжки являются важными документами истории литературы.

Эти книги имеют особенно большое значение, ибо в них отражен опыт становления новой, революционной литературы — литературы социалистического реализма. Не случайно поэтому за последние годы вышли в свет такие книги, как «Писатель и время» Павленко, книги А. Фадеева, Конст. Федина, М. Шагинян, М. Исаковского, В. Инбер.

Среди этих книг недавно вышедший сборник Лидии Николаевны Сейфуллиной «О литературе» по праву должен занять свое достойное место.

Не могу не вспомнить горького упрека всей нашей критике, который так прямо был высказан Константином Фединым в письме ко мне: «Умерла писательница, называемая в критике (в некрологической, во всяком случае) одной из основоположниц советской литературы. Но никто из продолжателей основоположницы не сказал о ней ни единого серьезного, доброго или еще какого слова. Вся русская литература промолчала. Вся критика не подумала отметить уход человека одаренного, сильного, писателя своеобычного, начинавшего движение, из которого действительно росла и выросла советская литература,— движение двадцатых годов. Я говорю о Лидии Николаевне Сейфуллиной. Вспомните, что это было — ее «Правонарушители», ее «Виринея». И посмотрите, как коротка наша память.

...Не думаете ли Вы, что перед новым съездом статья о Лидии Николаевне была б уместна и показала бы нам самим нашу дружбу в литературе и наше товарищество в личных отношениях? Кстати, такого рода оценки сделанного нашими писателями и есть мерило морального состояния литературной среды, о чем нынче так много говорится...»

Хотя за эти годы, прошедшие после съезда, о котором писал Федин, до предстоящего теперь Третьего съезда писателей, появилось несколько работ о Л. Сейфуллиной: статьи, критико-биографические очерки и воспоминания,— однако нельзя сказать, что критика наша выполнила свой долг по отношению к одной из старейших советских писательниц, долг товарищества и дружбы по отношению к нашей современнице, старшему товарищу в литературной работе, человеку удивительной правдивости, чистоты, доброты и честности.



Лидия СЕЙФУЛЛИНА.

Теперь она сама приходит нам на помощь — своей книгой, в которой впервые собраны ее автобиографические заметки и воспоминания о событиях и людях литературных 20-х и 30-х годов, ее отзывы о книгах, ее размышления о писательском труде. Говоря в широком смысле, это литературный дневник ее жизни, в котором писательница рассказывает «о времени и о себе». И правда, когда читаешь эту искреннюю, скромную и в то же время прямую и правдивую книгу, в ней видишь и приметы первых лет Советской власти, и особенности Сибири, Урала, и черты самого автора — одного из первых советских писателей, «революцией мобилизованного и призванного».

«Меня сделала писателем сама жизнь,— вспоминала Сейфуллина.— В 20-м году в Челябинске некоторая часть интеллигенции саботировала, как тогда говорили. И та интеллигенция, которая работала с советской властью, делала все, что надо было: если это были учителя, мы шли в школу и учили; если саботажничали дошкольные работники, в детском учреждении не хватало воспитателей, мы заменяли воспитателей; если в организованном впервые доме отдыха горняков не хватало заведующих или принимающих, мы шли туда. Мы были ликвидаторами неграмотности, и мы первые читали курсы литературы или просто давали уроки русского языка бойцам Красной Армии. И совершенно так же я сделалась писательницей. Мы все сотрудничали в наших газетах, и каждый писал о том, о чем он мог писать...» И действительно, когда в 1922 году стал выходить первый в Сибири областной литературно-художественный журнал «Сибирские огни», редакция «в порядке товарищеской дисциплины» поручила Сейфуллиной написать для первого номера рассказ или повесть. И она написала.

Об этом можно было бы вспоминать с улыбкой, если бы в этом «общественном поручении» не сказалась та чуткость в «угадывании» талантов и та щедрость в их поддержке, какие были характерны у нас для первых лет революции и стали уже традицией сегодня. Это была поистине мобилизация всех сил, которые могли служить революции. Л. Сейфуллина радостно встретила эту мобилизацию и всю жизнь ощущала звание советского писателя как ответственнейшую обязанность перед народом, перед партией. Последняя запись в ее «рабочих блокнотах» трогательно напоминает те «заявления», с которыми наши бойцы шли в бой в годы Великой Отечественной войны: «Не хочу умереть беспартийной при той или иной катастрофе — даже не имея партийного билета, хочу знать: я коммунистка!»

Многие страницы книги Л. Н. Сейфуллиной обращены к молодежи. Последние годы жизни она много работала с начинающими. Она умела говорить с ними просто и прямо, идя в разборе их произведений, в разговоре о литературе не от технологии писательского мастерства, а от самой жизни. И часто в простых ее словах есть такая убедительность, что они действуют лучше иных теоретических трактатов. Вот как, например, определяла она «ценность художественного произведения»: «Если после чтения стиха или рассказа хочется писать, делать свою работу, двигаться, жить, любить, ненавидеть — это художественное произведение. А если захочется лежать и скулить, или вдруг вспомнится, что надо табаку купить,— это не художественное произведение»,— писала Сейфуллина в одной из ранних своих статей, в 1924 году. Конечно, это не пример критического анализа произведения, это просто личное читательское («примитивное», как она сама говорит) требование к литературе. Но, по существу, это желание читателя, чтобы литература «прибавляла» что-то к его жизни — прибавляла сил, веры, радости, знания, а главное, желания жить, работать и бороться,— становится и задачей писателя, основой творческого оптимизма советской литературы.

Четверть века назад, в год Первого съезда писателей, в статье «Разговор с молодым писателем» (такая беседа в самом деле была) Л. Сейфуллина, объясняя очень просто понятие «социального заказа», писала, что дело вовсе не в том, чтобы «написать о Кожзаводе № 1», а в том, чтобы из множества впечатлений нашей жизни «выбрать одно какое-то, но такое, на которое отзовется и сидящий здесь со мной за столом, и живущий где-то на дальней улице, и живущий в другом городе, и живущий в деревне». «...Надо писать о том, что волнует людей в настоящее время, занимает их мысль, их волю в настоящую эпоху, в настоящий переживаемый момент, что ставит перед ними задачи, разрешение которых необходимо. Оторванные от этих задач произведения не звучат»,— пишет Сейфуллина.

В этих словах явная перекличка с теми вопросами, которые в наши дни волнуют советских писателей. Снова, двадцать пять лет спустя, уже на более высокой ступени (и жизни и литературы), обсуждаются цели и задачи современной литературы, ее пути и судьбы. И опять мы слышим враждебные голоса с Запада, вновь упрекающие нас за «заданность» тем и проблем, за «готовые ответы» на задачи.

Но русская литература тем и стала великой, что всегда отвечала на вопросы, заданные жизнью, не боясь их и ничего не боясь. И мы знаем, что в любом деле, как бы ни был ясен, виден и задан результат, важно решение задачи, потому что каждый всегда решает ее посвоему, пробует и изобретает. И порой, глядишь, как часто бывает в науке, решая одну какую-то задачу, человек походя наталкивается на такую «новизну», делает такое открытие, что оно сразу выносит далеко вперед в будущее и человеческую мысль, и человеческий труд, и самую историю человечества. Таких «открытий», такой новизны мы все ждем и от литературы.

В дневниковых записях Л. Сейфуллиной, которые она хорошо назвала «рабочими блокнотами», внимательный читатель (не только писатель) найдет немало замечаний верных и глубоких, притом высказанных так лаконично, просто и крепко, что они на глазах становятся афоризмами. Вот как говорит она опять о том, что волнует нас и сейчас,— о современности в искусстве: «В близости момента, который сейчас перед глазами писателей, всегда есть что-то обыденное. Но именно это обыденное доносит в будущее реальность данного момента».

Я думаю, что для воспитания нашей и литературной и просто читающей молодежи книга Л. Сейфуллиной, ее писательский опыт, думы о литературе, о труде писателя, ее воспоминания о своих современниках — о Горьком, Маяковском, Ларисе Рейснер, Афиногенове,— ее беседы с молодыми писателями окажутся лучше, нужнее, полезнее, чем иные «учебники по теории литературы». Потому что в этой книге есть герой, и в нем горит живой, неугасимый огонь любви к жизни, к людям, вера в будущее и мечты о литературе — о великой, прекрасной и человечной литературе коммунизма.

Этот герой книги «О литературе» — сама Лидия Сейфуллина.

Лидия Сейфуллина. О литературе. Статьи, заметки, воспоминания. Изд-во «Советский писатель». Москва. 300 стр.

СПОРТИВНЫЕ НОВОСТИ

ЗА ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ

В минувший понедельник в Москве в торжественной обстановке открылся международный турнир шахматистов. В нем принимают участие экс-чемпион мира В. Смыслов, Д. Бронштейн, Б. Спасский, Ф. Олафссон (Исландия), М. Филип (Чехословакия), Б. Ларсен (Дания), Л. Портиш (Венгрия), З. Милев (Болгария) и другие.

В турнире установлен ряд премий. Победитель получит приз Центрального шахматного клуба СССР. Шахматист, занявший второе место, получит приз газеты «Московская правда», и третье — приз журнала «Огонек».



На снимке (слева направо): В. Смыслов, Б. Ларсен и Л. Портиш.

Фото А. Бочинина.

СИЛЬНЕЙШИЕ САМБИСТЫ СТРАНЫ

Закончился розыгрыш первенства Советского Союза по борьбе самбо (самооборона без оружия). Этот вид спорта в последние годы получил широкое распространение в нашей стране.

В состязании принимали участие сборные команды союзных республик, а также Москвы и Ленинграда.

После упорной борьбы вперед вышли столичные борцы, среди которых отличились Лукичев, Степанов, Глориозов, Каращук и Шульц, занявшие первые места в своих весовых категориях.



На снимке: момент схватки И. Рязанова и Р. Сальницева.

Фото В. Кутырева.

АРМЕЙЦЫ — ЧЕМПИОНЫ СТРАНЫ

В течение многих лет хоккеисты Центрального спортивного клуба Министерства обороны были ведущей командой СССР. Они неоднократно завоевывали звание чемпиона Советского Союза и почти всегда составляли костяк сборной команды.

Их соперниками, как правило, оказывались московские коллективы «Крылья Советов» и «Динамо».

Прошедший сезон выдвинул новые команды, составленные из молодых игроков,— «Локомотив», «Спартак».

В последнем, третьем круге обе эти команды имели успех. «Спартак» даже одержал победу (5 : 4) над армейскими спортсменами. Однако это не могло изменить положения в турнирной таблице. Хотя еще сезон не окончен, но никто уже не может догнать команду ЦСК МО, она чемпион страны 1959 года.



На снимке: момент матча ЦСК МО — «Спартак».

Поёт Галина Олейниченко

И. СЕМЕНОВА. Фото Е. ХАЛДЕЯ.

Лишь немного лет назад начался творческий путь этой актрисы. Впервые она появилась на сцене Одесского оперного театра, затем ее слышали в разных советских городах, во многих странах мира. И всюду, где выступала молодая советская певица, ей сопутствовали признание и любовь.

Так было в 1953 году, когда Галина Олейниченко впервые выехала за рубеж — на конкурс вокалистов. На IV Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте она получила первую премию. Первое место Галина завоевала и на Всесоюзном конкурсе. Так случилось и на труднейшем состязании вокалистов — Международном конкурсе 1957 года в Тулузе. Репертуар певицы состоял из произведений композиторов различных стран, каждое из них надо было исполнять на родном их языке. И Галина Олейниченко пела по-итальянски, по-немецки, по-русски, по-французски. Ее выступление увенчалось получением 1-й премии — Гранд-при.

Сейчас Галина Олейниченко — солистка Государственного ордена Ленина Большого театра Союза ССР.

А ведь совсем недавно...

В одном из домиков украинского села обитала большая семья колхозника Олейниченко. Здесь жила и Галя, пока приехавшая из Одессы комиссия по отбору одаренных детей в музыкальную школу имени Столярского не обратила внимания на дочерей колхозника.

Надя и Галя Олейниченко учились играть на арфе в школе, а потом в музыкальном училище. Диплом об окончании училища с отличием Галя получила уже по классу вокала.

Верди — один из любимых Галиных композиторов. Слушая «Травиату», она впервые и окончательно решила стать певицей. Сейчас Олейниченко поет и Виолетту и Джильду. Эти партии артистка много раз исполняла и за рубежом.

Сегодня с Олейниченко выступает в роли Риголетто Алексей Иванов.





Галина Олейниченко выступает в Москве, в Зале имени Чайковского.

• На сценах многих театров мира выступала Галина Олейниченко, но всегда особый трепет охватывает ее, когда она поет на сцене Большого театра.

На снимке: финал спектакля «Руслан и Людмила».





Каждая гастроль — это не только новые почитатели и друзья, но и новые песни.



Таким сценическим подмосткам могут позавидовать многие артисты! Бесчисленные слушатели концерта — строители Сталинградской ГЭС.



В свободные вечера Галина ходит в столичные театры, концертные залы, знакомится с искусством московских артистов. Ведь в Москве певица недавно. Она смотрит спектакли и по телевизору.

Бывает так, что именно в это время диктор объявляет: «Поет Галина Олейниченко...»

ЛЕОН РЕЙТЕР НА ЧУЖБИНЕ



Леон Рейтер дирижирует симфоническим оркестром Латвийского радио.

Евгений РАТНЕР

Фото Л. Пантуса.

Со стокгольмского аэродрома поднялся пассажирский самолет и, сделав круг, взял курс на восток.

Среди пассажиров, удобно разместившихся в мягких креслах, обращала на себя внимание одна пара — Леон Рейтер и его жена Альбина. Большинство пассажиров, откинувшись на спинки кресел, дремали, некоторые листали страницы иллюстрированных журналов, и лишь кое-кто изредка бросал взгляд за оконце, где далеко внизу простиралась бесконечная однотонная морская пелена. Но Леон Рейтер и Альбина не отрывали глаз от моря.



Рисунок В. Высоцкого.

Оба были заметно возбуждены. Время от времени они сжимали друг другу руки, порой, оторвавшись на секунду от окошка, обменивались восклицаниями или, сблизив головы, громко шептались и снова устремляли взоры к морю. Оно было пустынно, и лишь изредка на его поверхности появлялся темный жучок, который, казалось, совсем не двигался с места.

«Такой крохотный с высоты пароход,— думал Леон.— А моторную лодку, наверно, совсем не увидишь».

Леон Рейтер неспроста вспомнил о лодке. Именно на лодке четырнадцать лет назад плыл он по этому самому морю от берегов Латвии в Швецию. Так началась трагедия, которая сейчас заканчивалась.

В начале октября 1944 года, когда Советская Армия подходила к Риге, гитлеровцы устраивали на улицах облавы и тысячи людей угоняли в Германию. А к рижанам, которые были широко известны, приходили специальные патрули.

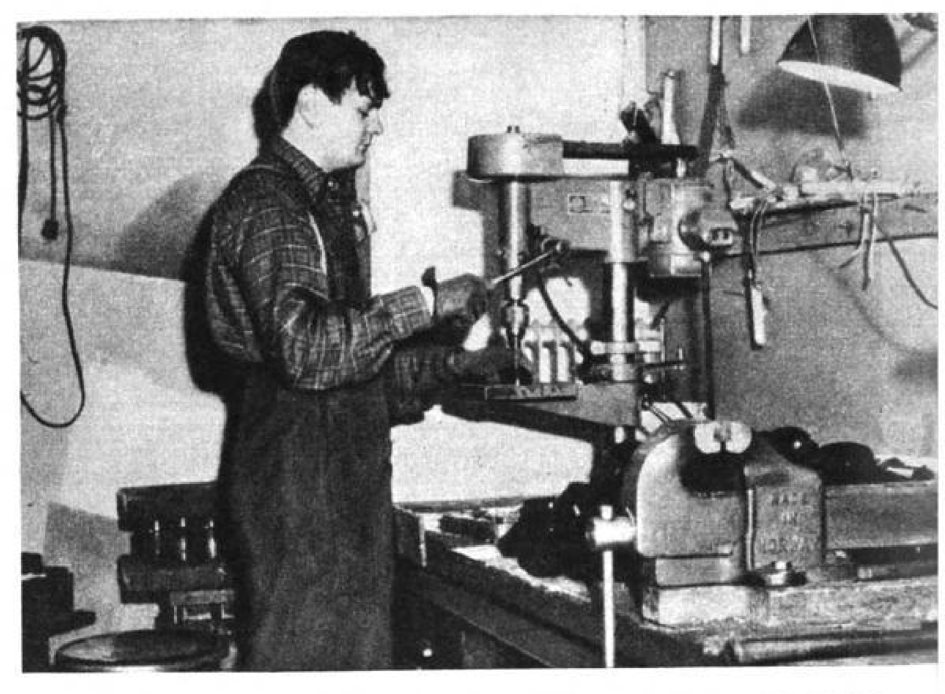
Отец Леона — Теодор Рейтер — был главным дирижером оперного театра. К нему на квартиру явился офицер с двумя солдатами.

— Завтра утром в восемь часов вы должны быть в порту и погрузиться на пароход!

Теодор Рейтер оказался одним из тех, кто дал себя запугать. Он поверил фашистским бредням о том, что если он останется в Риге, его обязательно сошлют в Сибирь.

Но и в Германию Рейтер не собирался ехать. Леону вот-вот должно было исполниться восемнадцать лет, и его мобилизовали бы в немецкую армию, а уж за Гитлера он никак не хотел проливать кровь.

— Мы не пойдем завтра в порт,— твердо сказал отец Леону.— Доберемся до Вентспилса, а оттуда... оттуда как-нибудь в Швецию. Швеция — нейтральная страна, там самый высокий уровень жизни. Если мы попадем туда, это будет большим счастьем. Я снова стану у дирижерского пульта, ты получишь первоклассное музыкальное образование... И никаких ужасов войны!



Леон Рейтер у станка на заводе бакелитовых изделий в Стокгольме.

Все удалось, как было задумано: они добрались до Вентспилса, там вместе с другими беглецами наняли рыбачий баркас и в бурную ночь поплыли к берегам Швеции. Опасность подстерегала их на каждом шагу: их могли потопить фашистские корабли, они могли наскочить на мину, которыми кишела Балтика, наконец, их просто могло поглотить штормующее море.

— Я думаю не о себе,— шептал Леону отец.— Я верю в твою звезду... Она нас спасет... А там, в Швеции...— И лицо его невольно светлело.

Они прибыли в Стокгольм. Город чем-то напоминал родную Ригу. Они ходили по улицам хмельные от счастья.

...В филармонии Теодору Рейтеру заявили, что выступать в качестве дирижера он не сможет. Заявили очень вежливо и очень твердо. Но зато пообещали взять переписчиком нот. И взяли. При иных обстоятельствах он был бы оскорблен до глубины души: главный дирижер оперного театра, создатель знаменитого в Латвии хора, который носил его имя, и вдруг — переписчик нот. Но сейчас Теодор Рейтер и это печальное событие подогнал под изобретенную им формулировку: для начала хорошо, все-таки заработок, а потом все образуется... Еще взмахнет он своей волшебной палочкой...

Оба — и отец и сын — верили, что им удалось попасть в землю обетованную, где нет зла, где никто не знает горя, и если у них на первых порах не все хорошо, то лишь потому, что они только ступили на эту землю. Да и в конце концов самое главное сейчас — дать возможность Леону получить музыкальное образование, открыть ему дорогу к дирижерскому пульту. Вот он поступит в консерваторию, и тогда...

Но тут их ожидал страшный удар. В Стокгольме была одна-единственная консерватория на всю страну, и туда иностранцев не принимали. На этот раз нельзя было тешить себя никакими иллюзиями.

Что же у них осталось? Унылая, почти пустая комнатенка, нудная работа переписчика нот, ничтожный заработок...

Ну, а как же быть Леону? Нужно и ему найти какую-нибудь работу. Но какую?

— Конечно, интеллектуальную,— убежденно сказал Рейтер-старший.

Поиски интеллектуального труда закончились тем, что Леон поступил мойщиком посуды в ресторан «Англе», который помещался на Стуре гаатан. Он приходил туда к четырем часам дня и работал до часу ночи. Чадная кухня, горы грязных тарелок, груды ложек, ножей и вилок...

Зато по утрам Леон посещал репетиции симфонического оркестра в филармонии. Отец добился для него разрешения. Хотя Леон хорошо понимал, что о музыкальной карьере нечего и мечтать, он не мог вырвать из сердца то, что ему дано было природой,— музыка неудержимо влекла его. На репетиции он не просто слушал. Он изучал партитуру, следил, старался анализировать, как

облекается она мускулатурой звуков. Это были единственные часы в течение суток, когда Леон забывал, что он неудачник, что жестокие обстоятельства растоптали его призвание. Но потом, когда он выходил из филармонии, когда шел в ресторан, когда долгие часы мыл посуду, горечь, обида, злоба наваливались на него всей своей нестерпимой тяжестью.

Так прошло более трех лет.

Однажды отец сообщил Леону, что в филармонию назначен новый главный дирижер — Павел Клецкий.

— Когда-то мы были знакомы,— печально заметил он.— В тридцатом году, когда я гастролировал в Польше, мы часто встречались и сдружились... Но теперь мне даже неудобно напомнить ему о себе. Такая дистанция между нами: главный дирижер — и переписчик нот...

Но Клецкий, как-то зайдя в библиотеку филармонии, сам узнал Теодора Рейтера. Именно это обстоятельство, этот случай сыграл в жизни Леона решающую роль.

Клецкий посочувствовал коллеге и тут же добавил, что, к сожалению, и он не в силах изменить его печальную судьбу. Но вот сыну, если тот действительно одаренный, попытается помочь.

И Клецкий сдержал свое слово. Он обратился с просьбой к известному шведскому композитору и дирижеру Хильдингу Розенбергу с просьбой взять Леона Рейтера к себе учеником. Больше того, он предупредил его, что Рейтер не

Л ДОМА



Народный артист Латвийской ССР композитор Янис Иванов и Леон Рейтер разбирают партитуру нового концерта. Справа — Альбина Рейтер.

имеет никакой возможности платить за уроки.

Маститого маэстро это не смутило. Его интересовало лишь одно: действительно ли юноша талантлив.

Леон принес ему свои первые работы: хоровые и сольные песни, наброски композиции для оркестра. Розенберг увидел в них крупицы подлинного таланта и сразу же начал заниматься с Леоном.

За одной удачей последовала другая: Розенберг помог молодому Рейтеру стать переписчиком нот. Теперь можно было наконец уйти из опостылевшего ресторана. Тем временем Клецкий подыскал и пианиста, который, тоже бесплатно, взялся обучать юношу по классу фортепьяно.

— Вот что такое талант! — восторженно говорил отец.— Он всегда найдет покровителей и пробьет себе дорогу.

Но в душе даже в эти счастливые минуты и отец и сын прекрасно понимали, что всем они обязаны только случаю.

А на следующий год Павел Клецкий сам начал обучать молодого Рейтера основам дирижерского искусства.

Леон с головой ушел в занятия. А вечерами, до глубокой ночи, сидел за перепиской нот.

Но и в этот период, когда, казалось бы, сама судьба опекала Леона, он неожиданно потерял свой постоянный заработок. Леон обходил контору за конторой, фирму за фирмой, предлагая свои услуги. И все напрасно. Для рук профессионального музыканта физический труд противопоказан, но у Рейтера не было другого выхода — он пошел рабочим на завод бакелитовых изделий.

Через несколько месяцев Леону снова повезло: его покровители сумели выхлопотать ему стипендию в консерватории на родине Моцарта — в Зальцбурге. Леон был принят на первый курс дирижерского факультета.

Учебный год там длился шесть месяцев, а затем Леон снова возвращался в Стокгольм, снова брал уроки у Розенберга и переписывал ноты. Наконец в 1953 году он закончил консерваторию и получил диплом дирижера.

В первый же день по возвращении Леона в Стокгольм он вместе с отцом отправился в тот самый ресторан «Англе», где не так давно мыл посуду. Разговор за бокалом вина был невеселый. Во всей Швеции только три симфонических оркестра, а сколько дирижеров! Получит ли Леон работу?..

Осенью 1953 года Леон начал переговоры со Стокгольмской филармонией. Только 24 апреля 1954 года ему наконец удалось впервые занять место за дирижерским пультом.

Зал был полупустой: не так уж много нашлось любителей, которые заинтересовались бы выступлением никому не известного дебютанта. Леон предвидел это. Он знал стокгольмскую публику. Но он заставит ее прийти на следующий его концерт! Для этого нужно добиться успеха сегодня. В программе любимые его произведения: увертюра к «Фиделио» Бетховена, концерт для скрипки с оркестром Баха и Шестая симфония Брукнера.

Уже во время исполнения Бетховена он почувствовал, что слушатели покорены. Это подтвердили дружные аплодисменты. А когда замерли последние аккорды симфонии Брукнера, зал грохотал в течение нескольких минут.

Да, то был успех! И на следующий день стокгольмские газеты отметили это теплыми, хотя и небольшими рецензиями.

Но особенно важна была для Леона оценка его учителя Хильдинга Розенберга. Сдержанный, чопорный маэстро сказал:

— Я доволен. Я очень доволен!— В его устах это была наивысшая похвала.

Ну, а что же дальше? Когда следующий концерт?

Снова начинаются переговоры. А пока снова переписка нот. Это «пока» продолжалось полгода. И лишь в октябре появились афиши с именем Леона Рейтера. Теперь зал был полон.

Газета «Моргон-тиднинген» писала на следующий день:

«Леон Рейтер является специалистом по Брукнеру — это нечто необычное для современного молодого дирижера. На концерте-дебюте исполнялась Шестая симфония этого композитора; концерт в среду Рейтер посвятил Девятой симфонии Брукнера, и хотя она не закончена, тем не менее является грандиозным произведением. Рейтер сумел вжиться в эту вещь, в ее мощные такты и показал необыкновенную способность извлекать широкую напевную мелодию».

Окрыленный успехом, Леон сразу же подал заявку на Стокгольмское радио, представил несколько программ. Ответ он получил через... восемь месяцев. Да, он может выступить.

Но за эти восемь месяцев ни одного концерта, только переписка нот... Полтора года ушло на переговоры о гастролях в Мюнхене. За весь 1956 год в Стокгольме он лишь один раз получил возможность выступить с концертом.

Леон ходил мрачный, подавленный. Он стоял перед глухой стеной, которую не могли пробить ни его талант, ни трудолюбие, ни энергия, ни даже счастливый случай.

Рейтер чувствовал, что начинает дисквалифицироваться, теряет уверенность в себе. «Пройдет еще несколько лет, и я превращусь в обыкновенного ремесленника»,— думал он и холодел от одной такой мысли.

Отец старался, как мог, утешить сына, но сам прекрасно знал, что ему не вырваться из этого заколдованного круга. Теодор Рейтер был болен, а трагедия сына окончательно подорвала его здоровье. Через некоторое время отец умер. Леон остался один.

В этот тяжелый для него период Рейтер встретил девушку, которую полюбил, и вскоре женился на ней.

Альбина пяти лет попала из Латвии в Швецию. Сейчас она училась в средней школе, а во время каникул работала на почте. Но когда вышла замуж, пришлось оставить школу: Леон не мог прокормить двоих, нужно было и ей получить постоянный заработок. С трудом удалось найти место в порту, в посылочном отделе. Можно было продолжать учиться в вечерней школе, но обучение там платное, а она не могла выделить из тощего семейного бюджета 400 крон. Ведь только за одну крохотную комнатушку хозяйка брала с них 140 крон в месяц.

Так жила эта молодая пара, не зная радостей.

В ту пору и родилась у Леона мысль о возвращении на родину, в Советский Союз.

Среди латышей, живущих в Швеции, широко распространяется антисоветская пропаганда. Грязные эмигрантские листки, издающиеся в Западной Германии, США, неустанно громоздят одну несусветную ложь на другую. В Латвии, мол, царит голод, заводы, в том числе такие, как ВЭФ, вывезены в Россию.

Но все же пробивалась и правда о действительном положении в Советской Латвии. Доходила она и до Леона. Рейтер начал систематически слушать радиопередачи из Риги. Так познакомился он с симфоническим оркестром Латвийского радио и его дирижером Леонидом Вигнером, с постановками театра оперы и балета.

Однажды Леон сказал Альбине:

— А что, если бы в Риге мне дали постоянную работу?..

Раздумья закончились тем, что Леон связался с советским посольством в Стокгольме.

С тревогой задал он вопрос сотруднику посольства:

— Смогу ли я в Советском Союзе получить постоянную работу дирижера?

Он ждал ответа с замирающим сердцем.

Тот сказал:

— Я был на ваших концертах. Такой талант, как ваш, на родине будет оценен по заслугам. Вы, конечно, получите работу.

Он верил и... боялся верить. Ему трудно было представить, что есть на свете страна, где не придется унижаться, чтобы добиться выступления, где он сможет изо дня в день, из месяца в месяц заниматься любимым искусством, иметь постоянную работу.

Наконец они с Альбиной приняли решение. И вот самолет летит через море...

Альбина не помнит ни Риги, ни своего путешествия с родителями по этому морю почти четырнадцать лет назад. Но Леон помнит все. Мысли его мчатся в прошлое и тут же пытаются заглянуть в будущее. Что ждет его там?..

Самолет совершил прыжок через Балтику, и вот уже под его крыльями Рига. Их встречают. Этого Леон никак не ожидал. На аэродром приехали начальник Управления по делам искусств писатель Фрицис Рокпелнис и профессор консерватории Витолинь.

Рейтеры остановились в новой гостинице «Рига». Отдохнув, сразу же помчались осматривать город.

Уже на третий день после приезда Рейтеру предложили место второго дирижера симфонического оркестра Латвийского радио. Вскоре он получил квартиру. В театре оперы и балета сохранялся отцовский рояль, и его тут же передали Леону.

Но самое главное: сразу начались репетиции с оркестром. Ровно через месяц после возвращения Леон Рейтер выступил с первым концертом по телевидению. Оркестр под его управлением исполнил произведения Глюка и Брамса. А затем он предстал перед рижанами в зале филармонии.

Прошло не так много времени с тех пор, как Леон Рейтер приехал домой, а сколько уже сделано за это время! Сколько концертов прослушали рижане! Леон работает с жадностью изголодавшегося человека.

А чем же занимается Альбина? Она поступила в училище прикладного искусства на отделение керамики. Это ее давнее увлечение. В Швеции она начала было брать частные уроки, но... Там это «но» камнем преткновения стало на ее пути. А теперь она твердо знает, что окончит училище и так же, как муж, займется любимым делом.



Бланк с изъяном

Рисунок Б. Жутовского.

Мы встретились на Киевском вокзале. У нас разные лица, разные пальто, разные профессии. У одного из нас начинается грипп. У другого отложена командировка. Но у нас есть и кое-что общее. Мы оба хотим возвратить билеты.

— О, на железной дороге это делается очень просто! — говорит дежурный по вокзалу. — Вы пишете заявление на имя начальника вокзала, указываете свою фамилию, имя и отчество, домашний адрес, серию и номер паспорта, кем выдан паспорт, проставляете номер билета, номер плацкарты, номер квитанции доплат...

Дежурный переводит дыхание. Мы тоже.

— Затем обязательно указываете, до какой станции билет, до какой станции квитанция, до какой станции плацкарта...

Один из нас (тот, у которого организм ослаблен гриппом) не выдерживает:

— Разве билет может быть до одной станции, а квитанция, извините, до другой?

Дежурный смотрит на нас, как на выпускников детсада...

У одного из нас паспорт с собой. У другого нет. Но мы решаемся подняться на принципиальную высоту.

— А зачем вам нужен паспорт? — говорит тот, у которого он есть.

— Без этого никак нельзя. Порядок...

Лицо дежурного затуманивается ведомственной печалью.

— Ясно, — говорим мы и идем непосредственно в кассу.

— Вот вам бланки заявлений, — говорит миловидная кассирша. — Пожалуйста, заполните их аккуратно, и пусть начальник вокзала наложит резолюцию.

Заявление типографского образца начиналось так:

Заявление

По случаю . . . . могу совершить поездку по прилагаемому при сем билету . .

Один из нас дрожащей рукой вписал: «гриппа», другой твердо вывел: «отмены командировки».

Кассирша улыбнулась.

— Вы что, не соображаете, как писать? Читайте, что у вас получилось: «По случаю гриппа могу совершить поездку». Надо писать: «гриппа не», «командировки не». Это у нас такой бланк, с изъяном.

Мы начинаем закипать.

— Скажите, девушка, а если бы мы просто передумали ехать... Ну, проявили бы, что ли, непостоянство характера... У нас бы приняли билеты?

— Безусловно, — отвечает кассирша. — Указали бы в заявлении: «плохого характера не» — и все.

Следующие полчаса прошли в увлекательных поисках начальника вокзала. Мы посетили множество мест: комнату матери и ребенка, зал ожидания № 1, зал ожидания № 2, зал ожидания № 3 — и столкнулись с начальником в его собственном кабинете, куда он прибыл за минуту до нас.

— Что у вас? — в темпе спросил он.

— Грипп, отмена командировки и один паспорт на двоих!

— Я спрашиваю, вам что, резолюцию?

— Да.

— Какой-нибудь другой документ есть?

Один из нас стал шарить по карманам, но начальник уже наложил резолюцию. Бюрократический инцидент был исчерпан. Можно было считать, что нам повезло.

Но вместо того, чтобы обрадоваться, мы загрустили. Невольно припомнились и другие случаи, когда нам приходилось заполнять подобные никому не нужные «бланки с изъяном». Это было и в поликлинике, где, вызывая на дом врача, обязательно нужно было указать место работы и должность больного, и в гостинице, где анкета прибывшего включала удручающее количество данных, и во многих других местах...

Тогда мы представились друг другу и решили описать этот случай.

Э. ПАРХОМОВСКИЙ,
В. ЧИРКОВ.

Киев.

«Забавляя, поучать»



Медведь Потап продвинулся в артистической карьере дальше своих сородичей: он исполняет роль в пьесе, которая ставится на сцене театра. Правда, это самый маленький в Москве театр: в нем всего 120 мест. Однако труппа у него солидная — более 150 исполнителей. Артисты театра не нуждаются ни в гриме, ни в костюмах — они всегда выступают в своем натуральном виде.

Один из новых спектаклей Театра зверей в Уголке имени В. Л. Дурова — сказка о медведе Потапе и дровосеке Василии. Его сочинила и поставила дочь В. Л. Дурова Анна Владимировна. В роли Василия выступает Анатолий Майоров, воспитанник кружка юных дрессировщиков, в роли его друга — Потап. Маленькие зрители слышали и читали немало историй про медведей, но впервые они видят сказку, которую показывает настоящий медведь. А артисты очень правдоподобно разыгрывают забавные сцены из жизни дровосека и его неуклюжего друга. Потап собирает дрова в охапку и несет их в избу, подметает метлой пол, стирает белье, развешивает его на веревке, играет в волейбол. Пьеса кончается обедом. Человек и зверь сидят за одним столом и едят кашу из одинаковых мисок. Здесь медведь уже не играет, он ест кашу по-настоящему.

Подлинная биография Потапа начиналась так же, как в пьесе. В двухмесячном возрасте он остался сиротой. Малыша отдали на воспитание молодому дрессировщику Толе Майорову. Отношения между медвежонком и дрессировщиком не всегда такие дружелюбные, как это выглядит на сцене. У Потапа вспыльчивый, раздражительный нрав. Стоит застрять пиле или зацепиться метле, как медведь начинает злиться, бьет пилу или метлу лапой и хватает зубами. Дрессировщик на сцене не спускает с медведя глаз, следит за его настроением.

В Театре зверей можно увидеть и другие спектакли, исполняемые животными-артистами: «Звериный детский сад», в котором действуют шесть дрессированных енотов, «Сказки дедушки Крылова», «Терем-теремок».

На занавесе театра вышит завет В. Л. Дурова: «Забавляя, поучать».

Э. ДВИНСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Рассказ А. П. Чехова. 8. Птица, обитающая в степях и полупустынях. 9. Выпрямитель переменного тока. 11. Древнейшая славянская азбука. 14. Один из самых старых городов Ближнего Востока. 16. Легендарный поэт. 18. Декоративно оформленный вход в здание. 19. Французский просветитель. 20. Нагревательный прибор. 22. Остров в Средиземном море. 23. Степень зрелости плодов. 24. Плотная ткань. 27. Опора сооружения. 28. Герой пьесы Т. Г. Шевченко. 30. Слой коры. 31. Спор.

По вертикали:

1. Глава Южного общества декабристов. 2. Овощное растение. 3. Столица союзной республики. 4. Щель в бруствере траншеи. 6. Понятливость. 7. Электроизмерительный прибор. 10. Спутник акул. 12. Охотничья сумка. 13. Спортивная игра. 15. Часть фотографического аппарата. 16. Денежная единица Нидерландов. 17. Персонаж в пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты». 18. Поднятие воды в реке. 21. Военнослужащий. 25. Гриб. 26. Роман Ф. В. Гладкова. 29. Белорусская плясовая песня. 30. Стихотворение А. С. Пушкина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Тургенев. 8. Метеорит. 9. Выдра. 12. Труба. 14. Салат. 15. Сноска. 17. Турист. 18. Семафор. 23. Квадрат. 27. Асбест. 28. Арагва. 31. «Вожык». 32. Старт. 34. Крепь. 35. Пластика. 36. Романист.

По вертикали:

1. Музыкант. 2. Дева. 3. Мениск. 4. Регата. 5. Жест. 6. Симбирск. 10. Росси. 11. Олифа. 13. Ребро. 16. Аспект. 17. Треста. 19. Мена. 20. Фтор. 21. «Искатели». 22. Репер. 24. Драже. 25. Тагор. 26. Аванпост. 29. Сварка. 30. Окорок. 33. Титр. 34. Кран.

Из почты «Огонька»

Карась на сковородке

Карась попался в сеть.
Оттуда на жаровню.
Лежит и говорит:
— Как только щуку
вспомню,
Топорщится от страха чешуя.
Теперь же навсегда
От щук избавлен я.

П. ГУММЕЛЬ.

Ростов-на-Дону.

В этом номере мы публикуем четыре фотографии работы Льва Устинова.

Л. Устинов был токарем, в годы войны стал моряком, войну провел на боевых кораблях Балтийского флота. Окончил курсы военных фотокорреспондентов. Сейчас работает фотокорреспондентом на ВСХВ.

Все снимки Л. Устинова, которые печатаются в «Огоньке», сделаны им в Запорожье.


ЕЛЕФО

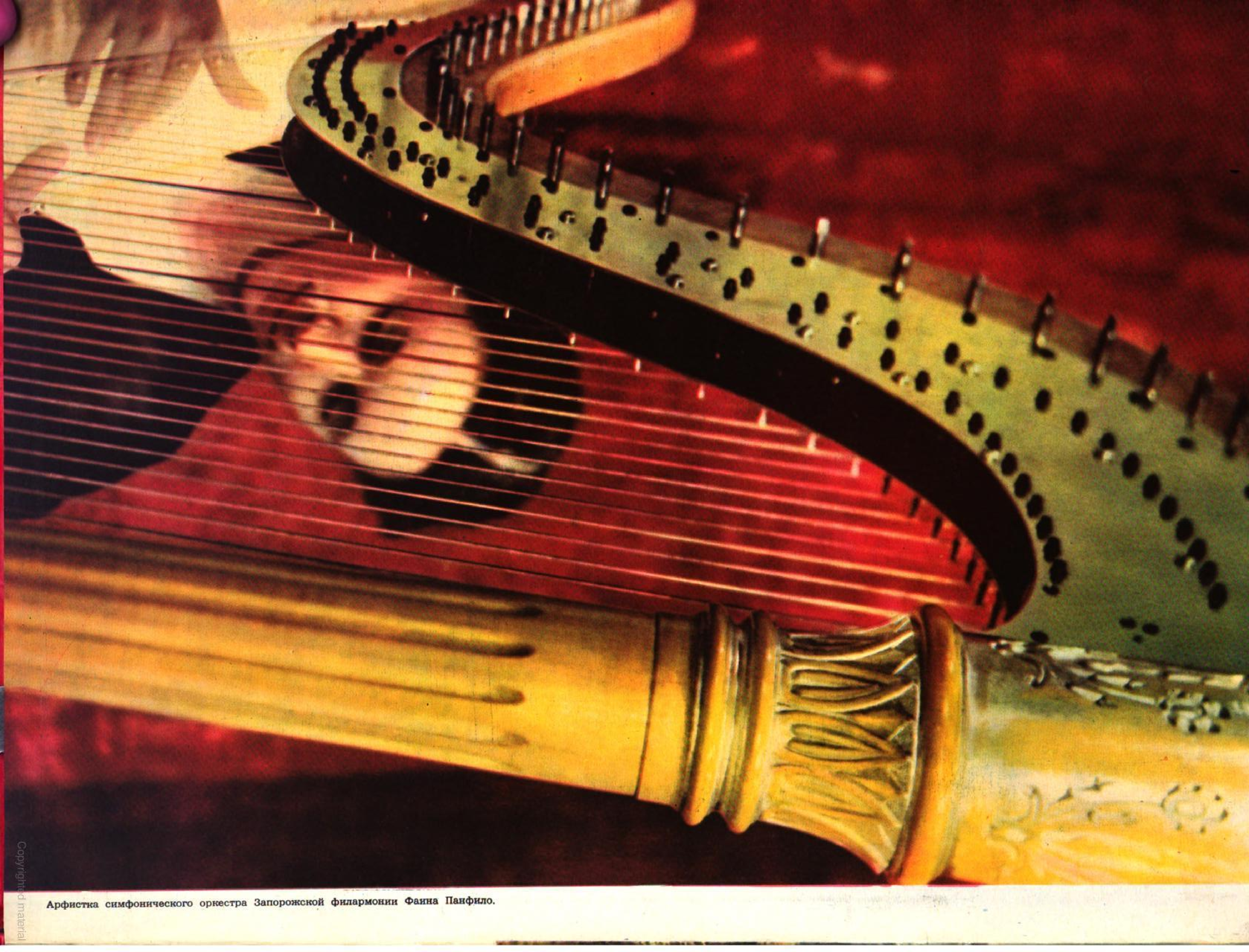


СВАРЩИК.



Завод «Запорожсталь»
Трубы мартенов.

Фото
Л. УСТИНОВА.



Арфистка симфонического оркестра Запорожской филармонии Фаина Панфило.

ИЗ ПОЧТЫ ОГОНЬКА



Лесное пугало

Встретив такой пень в лесу, можно от неожиданности вздрогнуть. Лесное пугало я сфотографировал в окрестностях Магадана.

А. КАРЗАНОВ

Тамбов.



Борька

Лебедь Борька зимует в пруду Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Характер у него общительный, он знаком со многими москвичами.

В. КУТЫРЕВ

Москва.



Охотничья разведка

Группа охотников-уральцев засекла три глухариных тока. Охотники были без ружей. Они нанесли на карту тока и через несколько месяцев могут приезжать сюда с ружьем.

Г. КОСЬЯНОВ, П. НЕФЕДЬЕВ

Свердловск.

Воздушный трофей

Летчик Владимир Иванов, возвращаясь из очередного рейса, заметил у опушки леса на белом снегу темные пятна: волки. Через час самолет Иванова взлетел с охотником В. Константиновым. Волк найден. Константинов выпускает ракету—хищник выбегает на поляну. Самолет снижается и преследует волка. Хищник убит.

И. ФЕДОРЕНКО, В. ЩЕГОЛЕВ

Орел.



Телячьи нежности

Кто разберет эти телячьи нежности! Едва я запечатлел фотоаппаратом лирический момент, как друзья начали бодаться.

Н. РЕВИЗОВ

Алма-Ата.

Забавные игрушки



Лесной старичок.

Что приснилось одной свинке после того, как она «под Дубом вековым наелась желудей досыта, доотвала...»

Дед Мочалка.

Желудевая шапочка и шишечный волк.

Эти смешные игрушки сделали педагог Н. А. Антадзе и художница Н. П. Браилашвили из Тбилиси.

На первой странице обложки: Отлично работает комсомолец Владимир Коваленко на севе зерновых в крымском совхозе «Первомайский». Его агрегат держит нынешней весной первенство и красный вымпел.

Фото В. Тарасевича.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00674. Подписано к печати 8/IV 1959 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 604. Заказ 739.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Арфистка симфонического оркестра Запорожской филармонии Фаина Панфило.

